

ПРАВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1900 г.

№ 23.

Воскресенье 4 июня.

„Право“ издается в С.-Петербургѣ под редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревскаго и при ближайшемъ участіи: Г. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. Г. Петражицкаго и В. М. Устинова.

Содержаніе: 1) Договорная неустойка по проекту гражданского уложенія. Профессора М. Я. Пергамента. 2) Обзорніе гражданской кассационной практики за 1899 г. 3) V Съездъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній. 4) Судебные отчеты: I. Выѣздная сессія Кіевской суд. палаты (дѣло бр. Скитскихъ) II. Московскій окружный судъ (дѣло Елагина) 5). Хроника. 6) Юридическія общества: С.-Петербургское. 7) Библиографія: Н. В. Муравьевъ. Изъ прошлой дѣятельности. т. I—II. Спб. 1900 г.—Влад. Набокова. 8) Отвѣты редакціи. 9) Справочный отдѣлъ (послѣ текста и на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Напечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается рассрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ — 10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Договорная неустойка по проекту гражданского уложенія¹⁾.

(Продолженіе).

Въ статьѣ 59 проекта мы читаемъ:

„Неустойка не можетъ быть требуема по недѣйствительному договору, а равно и въ томъ случаѣ, если обязательство не исполнено или ненадлежаще исполнено не по винѣ должника“.

Замѣтимъ прежде всего, что здѣсь включены въ одну статью два совершенно разнородныхъ положенія: одно о *недѣйствительности* неустойчного условія при недѣйствительности усиливаемаго неустойкою обязательства (первая половина статьи до словъ: „а равно“) и затѣмъ другое о неответственности должника по вполне *дѣйствительному* договору о неустойкѣ въ случаѣ отсутствія на его сторонѣ вины (вторая половина статьи). Всякій мало-мальски образованный цивилистъ легко пойметъ, что эти два случая по своей юридической природѣ не имѣютъ ничего общаго между собою. Общее между ними лишь практической результатъ: и въ одномъ, и въ другомъ случаѣ истцу въ его требованіи получить неустойку судъ откажетъ. Намъ, впрочемъ, нѣтъ надобности останавливаться на вопросѣ, насколько желательно столь механическое соединеніе и сбрасываніе въ одну кучу постановленій, съ правовой точки зрѣнія *toto coelo* отличныхъ другъ отъ друга, — нѣтъ надобности потому, что означенная первая часть ст. 59 вообще не заслуживаетъ одобренія. Въ самомъ дѣлѣ: она говоритъ,

что при недѣйствительномъ главномъ договорѣ нельзя взыскивать условленной пени или, выражаясь научнѣе, что тогда и договоръ о неустойкѣ точно также недѣйствителенъ. Но положеніе это, несомнѣнно, съ одной стороны, излишне, а, съ другой, недостаточно. Оно *излишне* по той простой причинѣ, что съ необходимостью вытекаетъ само собой изъ придаточнаго характера соглашенія о неустойкѣ: разъ основное обязательство не признается дѣйствительнымъ, недѣйствительность поражаетъ и неустойчное; ихъ судьбы въ этомъ отношеніи неминуемо сходны, тождественны въ силу наеміи: *cum principalis causa non consistit, nec ea quidem quae sequuntur locum habent* (I. 129 § 1 D. de R. I. 50, 17). Но истина, выраженная въ первой части ст. 59, и *недостаточна* вмѣстѣ съ тѣмъ. И вотъ почему. Въдѣ, изъ придаточнаго характера неустойчнаго соглашенія вытекаютъ еще и другія послѣдствія, кромѣ его недѣйствительности, въ зависимости отъ недѣйствительности основного обязательства. Отчего не упомянуть и о нихъ, разъ законодатель вообще считаетъ нужнымъ явно санкционировать отдѣльные конкретные выводы изъ принципа акцессорности договора о неустойкѣ? Правда, въ силу сравнительно прочно установившейся кассационной практики Сената (рѣшенія за 1871 г. №№ 161, 175 и 322, за 72 г. № 504, за 75 г. № 1054 и друг.; ср., однако, раннее рѣшеніе въ прямо противоположномъ смыслѣ за 70 г. № 976) вопросъ о правѣ повѣреннаго заключать договоръ о неустойкѣ, если онъ къ тому не уполномоченъ специально, разрѣшается отрицательно: это право должно быть прямо выражено въ довѣренности, безъ чего довѣритель воленъ не

¹⁾ См. Право № 22.

подчиниться неустойчивому условию. В *этом* отношении, следовательно, придаточная природа нашего института у нас не признана рѣшающей (иначе, отгѣтимъ мимоходомъ, на дѣло смотрѣли германскіе суды въ территорияхъ пандектнаго права: Seuff. Arch. m. 31 № 32), и существующій порядокъ вещей хотѣть удерживать и на будущее время (ст. 513 Проекта). Но не трудно указать еще на другія частныя послѣдствія все того же начала придаточности обѣщанія неустойки—придаточности, добавимъ, *verbis expressis* неоднократно признававшейся Сенатомъ (рѣшенія за 69 г. № 504, за 71 г. № 175 и 98 г. № 18). Въ послѣднемъ изъ этихъ рѣшеній читаемъ: „...Правительствующій Сенатъ находитъ, что на основаніи 1554 ст. 1 ч. X т. условіе о неустойкѣ, подобно поручительству и залогу, составляетъ одинъ изъ способовъ обезпеченія договоровъ и обязательствъ, а изъ сего слѣдуетъ, что условіе о неустойкѣ, хотя бы оно было облечено въ форму особаго акта, будучи обезпеченіемъ другого договора, *не имѣетъ самостоятельнаго характера, а составляетъ лишь дополнительный или придаточный договоръ* къ тому главному договору, обезпеченіемъ коего онъ служить, подобно тому какъ это разъяснено въ отношеніи поручительства...“ Отсюда тутъ же дѣлается и опредѣленный выводъ, относящійся къ предмету подлежащаго разсмотрѣнію спора и для насъ здѣсь небезынтересный. Сенатъ продолжаетъ: „... при отсрочкѣ исполненія по главному договору обезпечивающая его неустойка не прекращаетъ своего дѣйствія, а продолжаетъ обезпечивать исполненіе главнаго обязательства и безъ новаго на то согласія сторонъ“. Безусловно справедливое заключеніе изъ общаго принципа. А вотъ и еще одно: вопросъ о правѣ на неустойку обсуждается по законамъ мѣста исполненія главнаго обязательства. Этотъ частный выводъ изъ характера соотношенія неустойчиваго и основнаго обязательствъ Сенатомъ весьма вѣрно и согласно съ аналогичными же рѣшеніями германскихъ судовъ (см. рѣш. RONG'a въ Seuff. Arch. m. 31 № 195 и рѣш. имперскаго суда въ Entsch. RG. m. 15 № 131) указанъ въ одномъ рѣшеніи (за 94 г. № 23), гдѣ вопросъ шель о томъ, вправѣ-ли была С.-Петербургск. судебная палата примѣнять отезейскіе законы по мѣсту предъявленія иска о платежѣ неустойки въ Ригѣ, если мѣстомъ исполненія обезпечиваемаго неустойкою главнаго договора былъ г. Потн, гдѣ, разумѣется, дѣйствуетъ наше *ius universale*, а не *particulare*. Сенатъ на поставленный вопросъ вполне основательно, повторяю, отвѣчаетъ: нѣтъ, не вправѣ и кассируетъ рѣшеніе апелляціонной инстанціи, не принявшей въ соображеніе связи между основнымъ договоромъ и придаточнымъ.

Вотъ безспорныя конкретныя послѣдствія примѣненія нашего начала, число которыхъ, конечно, можно бы еще увеличить. Такъ не ввести-ли и ихъ въ законодательство (матеріальное и процессуальное) по почину перваго пункта нашей 59 статьи?—Естественно, нѣтъ. Заключеніе должно быть сдѣлано обратное: изъ того, что современный законодатель и не подумаетъ санкціонировать *explicito* перечисленныя и подобныя имъ частныя положенія, неизбѣжно выте-

кающія изъ признаннаго имъ и выставяемаго начала,—не слѣдуетъ-ли отсюда, что и сдѣланный частный выводъ или, другими словами, первая половина ст. 59 тоже подлежитъ опущенію? На этотъ вопросъ, полагаю, должно отвѣтить утвердительно. Вѣдь, не вносить же редакторы въ нашъ Проектъ ст. 1227 п. 2 Наполеонова кодекса (= п. 2 ст. 1433 саксонскаго уложенія) о томъ, что „недѣйствительность условія о неустойкѣ не влечетъ за собою недѣйствительности главнаго обязательства“. Отчего? Да, очевидно, оттого, что они *настолько* довѣряютъ судѣ: они склонны въ немъ предположить знакомство съ юридическимъ положеніемъ, что недѣйствительность побочной сдѣлки не создаетъ подобной же судьбы и для главной. Почему же не быть послѣдовательнымъ и не предположить въ судѣ знакомства и съ противоположнымъ, столь же естественнымъ и элементарнымъ, положеніемъ, что недѣйствительность главной сдѣлки, наоборотъ, влечетъ на судьбу побочной сдѣлки, создавая и для нея недѣйствительность. Нѣтъ, думаютъ редакторы: п. 2 ст. 1227 Code'a намъ не нуженъ, но п. 1 той же статьи („Недѣйствительность главнаго обязательства влечетъ за собою недѣйствительность и условія о неустойкѣ“), или п. 1 ст. 1433 саксонскаго уложенія, или вообще аналогичную норму заимствовать должно. Разсужденіе едва-ли основательное.

Но мнѣ возразятъ: а ст. 181 швейцарскаго союзнаго закона объ обязательствахъ 1881 года? а § 344 германскаго гражданскаго уложенія? Здѣсь какъ разъ нормируется одна сторона дѣла и оставляется безъ нормировки другая. На это, въ свою очередь, я отвѣчу слѣдующее. Во-первыхъ чужія ошибки оправданіемъ служить не могутъ, ибо требуютъ исправленія, а не подражанія; во-вторыхъ, въ только что указанныхъ нормахъ, новой германской и швейцарской, легко подмѣтить особый оттѣнокъ, который недостаточно проглядываетъ въ нашей русской статьѣ. Въ § 344 cit. говорится: „Erklärt das Gesetz das Versprechen einer Leistung für unwirksam, so ist auch die... getroffene Vereinbarung einer Strafe unwirksam, selbst wenn die Parteien die Unwirksamkeit des Versprechens gekannt haben“. Но особенно рельефно вопросъ поставленъ въ ст. 181 cit., гдѣ читаемъ: „Die Konventionalstrafe kann nicht gefordert werden, wenn durch dieselbe ein widerrechtliches oder unsittliches Versprechen bekräftigt werden sollte...“ Ясно, что приведенныя законоположенія стремятся къ парализованію *обхода закона* путемъ соглашенія о неустойкѣ: пеня, выговоренная *in fraudem legis*, не должна подлежать взысканію. Сюда подойдутъ, главнымъ образомъ, случаи обезпеченія договорной неустойкою долга по игрѣ или пари или обѣщанія вступить въ бракъ; далѣе, случаи, когда путемъ неустойки стороны пытаются обойти обязательную по закону форму заключенія сдѣлки, напр., форму, предписанную для перехода права собственности на недвижимость, и т. п.—И при всемъ томъ даже ст. 181 и § 344 cit., на мой взглядъ, излишни. И это, повидимому, до извѣстной по крайней мѣрѣ степени, сознаетъ и Planck, одинъ изъ главнѣйшихъ редакторовъ германскаго уложенія и защитникъ его въ рейхстагѣ, когда въ своемъ коментаріи замѣчаетъ (*ad*

h. 1.): „Ob eine Vereinbarung der fraglichen Art schon nach allgemeinen Grundsätzen als in fraudem legis erfolgt für unwirksam zu halten ist, kann im einzelnen Falle Zweifelhaft sein. Der § 344 bestimmt die Unwirksamkeit deshalb ausdrücklich“. Кто, вмѣстѣ со мною, и въ этихъ словахъ не найдетъ убѣдительнаго довода въ смыслѣ необходимости удержать BGB. § 344, тотъ, думаю, не пожелаетъ ломать копыя и за сохраненіе разбираемаго положенія нашего проекта. Мало-ли что можно бы вносить въ кодексъ! Вотъ первый Entwurf (§ 424) не ограничивался даже и тѣмъ, что указывалъ на ничтожность неустойчнаго соглашения при ничтожности главнаго: нѣтъ, онъ считалъ необходимымъ еще и опредѣленіе о томъ, что *оспоримость* основного обязательства влечетъ за собой соответственно оспоримость же побочнаго неустойчнаго. Вторая комісія благополучно зачеркнула это второе опредѣленіе и, разумѣется, поступила хорошо. Но она поступила бы еще лучше, если бы зачеркнула вмѣстѣ съ тѣмъ и первое, а, слѣдовательно, и весь параграфъ.

Быть можетъ, покажется страннымъ, отчего это я такъ долго останавливаюсь на вопросѣ, включать-ли *explicite*, или нѣтъ, норму самое по себѣ правильную. Отвѣчу: для кодекса недостаточно, чтобы его нормы были вѣрны по существу, справедливы по своему содержанию. Кодексъ долженъ обладать еще иными достоинствами. Нѣкоторая казуистичность и въ особенности казуистичность абстрактная, извѣстная неспятельность или непослѣдовательность въ дѣлѣ построения главы или книги, не довольно строгое отношеніе къ моментамъ чисто логическаго, формальнаго свойства,—все это отзывается крайне вредно на судѣ, примѣнителѣ закона, затрудняетъ его задачу, совершенно напрасно потребляетъ его энергію и время; ослабляетъ то духовное наслажденіе, какое должно сопровождать его работу. И обратно: кодексъ, по возможности свободный отъ дефектовъ въ указанномъ направленіи, на судью дѣйствуетъ самымъ благотворнымъ образомъ, сберегая его трудъ, сообщая его умственной дѣятельности усиленную интенсивность и бодрость, повышая въ концѣ концовъ уровень и достоинство судейской работы. Съ этой точки зрѣнія (значеніе которой трудно преувеличить), кажется мнѣ, и ради мнимальнаго или микроскопическаго улучшенія въ вопросахъ соотношенія нормъ, того или иного ихъ размѣщенія, явнаго на нихъ указанія или, напротивъ, опущенія (даже при неизмѣнности самаго смысла ихъ) и тому подобной техники—не приходится жалѣть не только объ отдѣльныхъ страницахъ, но и сотняхъ страницъ и даже цѣлыхъ томахъ, посвященныхъ выясненію соответственныхъ сторонъ дѣла ¹⁾. Мы сейчасъ увидимъ, впрочемъ, что та же непродуманность, о ко-

торой здѣсь ведется рѣчь, способна повести и къ болѣе нагляднымъ и серьезнымъ промахамъ.

Итакъ, съ первой частью ст. 59 можно распространиться. Но то же самое относится и ко второй ея части. „Неустойка“, говорится въ ней, „не можетъ быть требуема...., если обязательство не исполнено или ненадлежаще исполнено не по винѣ должника“. Другими словами: по неустойчному договору должникъ не отвѣчаетъ помимо своей вины, а отвѣчаетъ лишь при наличности нѣкоторой съ его стороны culpa. Но что же тутъ высказано по адресу договора о неустойкѣ такого, что не примѣнялось бы къ договорамъ *по общему правилу*?—Ровно ничего. (Ср. ст. 112 и 127 самого проекта, построенныя на спасительномъ романтическомъ принципѣ вины). А тогда къ чему же данное положеніе? Не къ тому-ли, чтобы способна и твердаго судью привести въ удивленіе, а мало способна и не столь твердаго запутать? Ибо невольно зародится мысль, что законодатель относительно неустойчнаго договора постановилъ нѣчто *спеціальное* по вопросу о винѣ. Это „спеціальное“ иной судья и постарается отыскать и внести въ свое рѣшеніе, создавая, такимъ образомъ, искусственное, неправильное и не входящее въ виды законодателя различіе. И второй пунктъ ст. 59 точно также, слѣдовательно, не нуженъ. Этому нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что въ римскомъ *proena* считалась *commissa* и при отсутствіи вины: на то тамъ, въ Римѣ, имѣлись особыя причины, вытекавшія изъ взгляда на *stipulatio poenae* какъ на *stipulatio condicionalis*. Но этихъ причинъ мы нынѣ не имѣемъ, а наши кодексы вовсе не призваны заключать статьи или параграфы, предназначенныя именно и только для того, чтобы служить опроверженіемъ соответственныхъ римскихъ нормъ, къ тому же своеобразныхъ и нисколько не напрашивающихся сами собою ¹⁾.

Сказанное еще выиграетъ въ силѣ и ясности при ближайшемъ анализѣ ст. 60 проекта, къ которой мы теперь и обратимся. Она гласитъ:

„Право на неустойку, при отсутствіи въ договорѣ болѣе точнаго указанія, возникаетъ, если должникъ не исполнитъ своего обязательства въ установленный въ договорѣ срокъ или вообще впадетъ въ просрочку или совершитъ дѣйствіе, которое онъ обязался не совершать“.

Не такова должна бы, по моему мнѣнію, быть рѣчь законодателя XX столѣтія къ юридически и въ особенности цивилистически образованному судѣ. Во-первыхъ, къ чему оговорка: „при отсутствіи болѣе точнаго указанія“? Развѣ и безъ того неизвѣстно, что въ области неустойки мы стоимъ на почвѣ *диспозитивности* нормъ? ²⁾ Не хотѣть же редакторы

¹⁾ Обо всемъ этомъ подробнѣе въ моей „Неустойкѣ“ § 24.

²⁾ См. еще Ehrlich, Das zwingende und nichtzwingende Recht im BGB. f. d. Deutsche Reich 1899 стр. 33 слл., 64 сл.—Кстати: откуда составители проекта взяли, что Саксонское (ст. 1431) Цюрихское гражд. уложеніи (ст. 971) не допускаютъ *ни въ какомъ случаѣ* (курсивъ подлинника) совмѣщенія неустойки съ взысканіемъ убытковъ? (Объяснительная записка т. I стр. 142, ср. 140)? Это абсолютно невярно. Никакого *ius cogens* ни саксонскій, ни цюрихскій

¹⁾ Въ остальномъ отсылаю къ знаменитому изложенію Геринга въ его „Духъ римскаго права“ II, 2 о существѣ техники, въ частности „о количественномъ и качественномъ упрощеніи права“ (*quantitative und qualitative Vereinfachung des Rechts*), о которомъ авторъ говоритъ: „Ich nenne dies das *Gesetz der Sparsamkeit* und erblicke darin eines der *Lebensgesetze* aller Jurisprudenz“. (изд. 4 стр. 330).

сказать, что въ вопросѣ, нормированномъ, положимъ, въ ст. 62, стороны *не вправѣ* автономно регулировать свои отношенія по неустойкѣ еще какъ нибудь иначе. А между тѣмъ, весьма страннымъ образомъ, формулировка ст. 60 способна вызвать въ читателѣ и судѣ именно это представленіе, т. е. опять-таки какъ разъ то, что законодатель особенно тщательно старался устранить. Во-вторыхъ, по поводу словъ: „если должникъ не исполнитъ своего обязательства въ установленный въ договорѣ срокъ или вообще впадетъ въ просрочку“ замѣчу: какая здѣсь надобность въ такомъ различіи? Обязательство можетъ быть срочное и безсрочное: въ одномъ случаѣ просрочка наступаетъ при однихъ условіяхъ, въ другомъ, при другихъ (здѣсь требуется еще такъ наз. *interpellatio*), но и въ томъ и въ другомъ предъ нами „просрочка“. Совершенно достаточно поэтому сказать: „если должникъ впадетъ въ просрочку“. И только. Судья уже самъ, на основаніи закона (проект. ст. 126), установитъ, что такое просрочка и какія бываютъ ея разновидности. Повторяться законодателю въ различныхъ мѣстахъ, да къ тому же не всегда въ одинаковой формѣ, значитъ дѣйствовать на судью притупляющимъ и тормозящимъ образомъ.

Мимоходомъ еще слѣдующее. Какъ видно изъ приведенныхъ уже мною статей 126 и 127, проектъ, при опредѣленіи просрочки, сталъ на почву объективную, не внося въ *понятіе* того момента вины и отступивъ такимъ образомъ (впрочемъ, повидимому, безсознательно: записка I стр. 278 сл.) отъ господствующаго ученія въ римскомъ правѣ и, далѣе, напр., отъ постановки вопроса въ новомъ германскомъ уложеніи по адресу должника (*Verzug des Schuldners*)¹⁾. Сдѣлано это, по моему убѣжденію, напрасно. Такъ какъ однако защита римскаго взгляда въ данномъ отношеніи не входитъ въ рамки моей статьи, то я ограничусь замѣчаніемъ, что объ оригинальности проекта въ настоящемъ случаѣ приходится намъ, съ точки зрѣнія нормированія института неустойки, сожалѣть вдвойнѣ: ибо несомнѣнно, что при субъективномъ взглядѣ на просрочку п. 2 ст. 59 упразднился бы самъ собою. Тогда бы редакторамъ и на мысль не могло прийти включить эту норму.

Въ-третьихъ, наконецъ, заключительныя слова нашей ст. 60 таковы: „... или (если должникъ) совершить дѣйствіе, которое онъ обязался не совершать“. И эта прибавка снова безусловно излишняя. Рѣчь ведется объ *obligatio non faciendi*. Но, вѣдь, ст. 60, дѣлая должника ответственнымъ съ момента просрочки, тѣмъ самымъ рѣшаетъ вопросъ и для подобныхъ обязательствъ, предметъ коихъ состоитъ въ несовершеніи

кодексы и не думаетъ устанавливать, какъ не устанавливаютъ и другіе кодексы. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ типомъ законодательства, названнымъ мною (указ. соч. §§ 18 сл.) „среднимъ“ (между прусско-французской системой, съ одной, и римскою, съ другой стороны), но отличнымъ и отъ одной системы и отъ другой въ совершенно иномъ направленіи и отношеніи, чѣмъ то усматривается редакторами проекта.

¹⁾ L. 24 pr. D. de usuris 22, 1, Dernburg Pand. §§ 40, 43; BGB. § 285, Dernburg Das bürg. Recht II, I стр. 155.

чего-либо: просрочка здѣсь, понятно, наступаетъ сама собою, уже при совершеніи запрещеннаго дѣйствія, помимо всякаго напоминанія, по существу здѣсь неприимѣнимаго. *Нормировка просрочки* допускаетъ, впрочемъ, двойное отношеніе къ дѣлу: или объ *obligationes non faciendi* вовсе не упоминается (такъ поступаетъ BGB., а комментаторъ его Oertmann основательно замѣчаетъ ad § 284: „dass bei Verpflichtungen zum Unterlassen es keiner besondern Mahnung bedarf, liegt auf der Hand“), или же слѣдуютъ примѣру Наполеонова кодекса, который въ ст. 1145 считаетъ нужнымъ заявить: „Si l'obligation est de ne pas faire, celui qui y contrevient doit les dommages et intérêts par le seul fait de la contravention“. Но въ *отдѣлѣ о неустойкѣ* устанавливать различіе, не проводимое въ *отдѣлѣ о просрочкѣ*, значитъ заставлять судью черпать и дополнять свои свѣдѣнія по просрочкѣ изъ *отдѣла о неустойкѣ*, значитъ нормировать частный случай, не нормировать общаго положенія. Редакторы были бы правы только тогда, если бы могли доказать, что 1) *obligatio non faciendi* встрѣчается не иначе какъ въ соединеніи съ неустойчимъ обеспеченіемъ или что 2) при прибавленіи къ *obligatio non faciendi* договора неустойки вопросъ о просрочкѣ должника осложняется и затрудняется. Но ни того, ни другого они доказать не могутъ да и не хотятъ, а, слѣдовательно, и не имѣютъ причины создавать новый видъ просрочки *при случаѣ*, тамъ, гдѣ излагаются нормы не о просрочкѣ, а о неустойкѣ.

Здѣсь, очевидно, имѣется нѣкоторое влияніе германскаго § 339, который, дѣйствительно, гласитъ: „Verspricht der Schuldner, so ist die Strafe verwirkt, wenn er in Verzug kommt. Besteht die geschuldete Leistung in einem Unterlassen, so tritt die Verwirkung mit der Zuwiderhandlung ein“. Но если въ самомъ дѣлѣ наши редакторы внесли свою прибавку относительно *obligationes non faciendi*, руководствуясь этимъ параграфомъ германскаго кодекса, то они стали жертвой недоразумѣнія. Ибо трактуемая прибавка въ такой же мѣрѣ полна смысла въ BGB. § 339, въ каковой лишена его въ ст. 60 нашего проекта. Чтобы въ этомъ убѣдиться, довольно вспомнить, что „*Verzug (des Schuldners)*“ въ устахъ нѣмецкаго законодателя предполагаетъ вину. Если затѣмъ тотъ же законодатель, при обязательствѣ не совершать чего либо, дѣлаетъ ответственнымъ должника уже съ наступленіемъ „*Zuwiderhandlung*“ безъ дальнѣйшаго, то онъ ео *ipso* отказывается здѣсь отъ требованія вины, создавая изъ подкрѣпленнаго неустойкою обязательства *non faciendi* своего рода „*Garantievertrag*“. Смыслъ тутъ безусловно есть¹⁾. Но совершенно другой обликъ приобрѣтаетъ та же оговорка по отношенію къ *obligationes non faciendi* въ проектѣ, не понимающемъ подъ просрочкой должника непременно просрочку вмѣняемую, виновную. Тутъ уже оговорка не можетъ имѣть того значенія, что для даннаго рода обязательствъ не

¹⁾ Цѣлесообразна ли такая нормировка, или вѣтъ,—другой вопросъ. Неубѣдительно во всякомъ случаѣ, на мой взглядъ, доводы въ Protokolle I стр. 779 сл. (мое соч. стр. 295 сл.).

требуется, молъ, вины: вина требуется всюду безъ различія, не на основаніи „просрочки“, а на основаніи п. 2 ст. 59. А различіе тутъ мыслимо только другое, то именно, что напоминаніе (*interpellatio, Mahnung*) для *obligationes non faciendi* не обязательно, — что однако, повторяю, или понятно само собой, или, въ крайнемъ случаѣ, должно быть постановлено въ связи съ регулированіемъ *ex professo* случаевъ и видовъ просрочки.

Итакъ, ст. 60 проекта оставляетъ желать много лучшаго. Болѣе или менѣе удовлетворительной мнѣ представляется слѣдующая редакція:

„Право на неустойку возникаетъ (или: „неустойка подлежитъ взысканію“), когда обязавшаяся сторона впала въ просрочку“.

Терминъ „просрочка“ здѣсь, конечно, употребленъ въ смыслѣ тѣсномъ, строго гражданско правовомъ. А потому естественно, что для толкованія и примѣненія данной статьи должно будетъ имѣть въ виду то именно понятіе просрочки, какое усвоено кодексомъ. Другими словами, предложенная формулировка отсылаетъ судью къ нормамъ, принятымъ въ отдѣлѣ о просрочкѣ. Не заключая лишнихъ разглагольствованій, повтореній, отступленій, новыхъ различеній и т. п., она въ то же самое время считается со всѣми тѣми разновидностями, какія законодатель нашелъ желательнымъ признать и санкціонировать относительно просрочки, — считается съ моментами вины и напоминанія въ примѣненіи ко всѣмъ возможнымъ обязательствамъ — направленнымъ на *facere* и *non facere*, съ назначеніемъ опредѣленнаго срока исполненія и безъ такого назначенія. Лишь въ видѣ примѣра укажу, что если бы, положимъ, законъ, слѣдующаго примѣра чисто римскаго (въ отличіе отъ пандектнаго) права и Наполеонова кодекса (ст. 1139), требовалъ напоминанія должнику даже при наличности обязательства со срокомъ, то та же необходимость имѣлась бы и при срочномъ договорѣ, усиленномъ неустойкою. И если, наоборотъ, напоминаніе вообще требуется лишь при обязательствѣ безсрочномъ (ст. 126 проекта), то слѣдуетъ то же самое сказать и о случаѣ, когда къ обязательству присоединена неустойка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Пергаментъ.

Обзорніе гражданской кассационной практики за 1899 г.

(Значеніе обычая о правѣ нанимателя оставаться въ нанятой квартирѣ по истеченіи срока договора.)

Голубовичъ заключилъ договоръ о наймѣ квартирѣ въ гор. Плоцкѣ; срокъ найма (по печатному бланку) былъ опредѣленъ съ 1—13 іюля 1896 г. по 1—13 іюля 1897 г., а въ одномъ изъ §§ этого договора сказано, что „по истеченіи срока найма — нанимающей квартирѣ долженъ оставить ее въ обычномъ срокѣ“. Такъ какъ квартира была освобождена и предоставлена Голубовичу лишь 8 іюля, то онъ предъявилъ искъ о расторженіи договора. Истецъ приводилъ и другія

основанія къ удовлетворенію этого ходатайства, но судъ установилъ, что эти указанія представляются фактически неправильными, въ виду чего они и не представляютъ для насъ юридическаго интереса. Что же касается указанія на несвоевременную сдачу истцу квартиры, то въ этомъ отношеніи судъ констатировалъ существованіе обычая, согласно которому полагается 8-ми дневный срокъ для очистки квартиры прежнимъ квартирантомъ, а потому въ виду ея очистки прежнимъ квартирантомъ 6-го іюля Голубовичъ могъ занять ее только 8-го. По этому соображенію мировой съездъ призналъ искъ не подлежащимъ удовлетворенію. Правительствующій Сенатъ, разсматривавшій этотъ вопросъ влѣдствіе кассационной жалобы истца, поставилъ на свое разрѣшеніе слѣдующій вопросъ (рѣш. № 45): *можетъ ли въ округѣ Варшавской судебной палаты мѣстный обычай, по которому съезжающій съ квартиры жилецъ имѣетъ 8-ми дневный срокъ для очистки квартиры, отдавать срокъ сдачи квартиры въ наемъ новому жильцу, означенный въ договорѣ, заключенномъ домохозяиномъ съ новымъ жильцомъ.*

Указавъ вкратцѣ на содержаніе ст. 1134, 1709, 1737 и 1736 гражданского кодекса, Прав. Сенатъ продолжаетъ, что имъ въ рѣшеніяхъ за 1893 г. № 80 и 1896 г. № 26 было установлено, „что подъ наймомъ, заключенномъ не на письмѣ (ст. 1736), слѣдуетъ понимать наемъ, заключенный безъ опредѣленнаго срока, а подъ наймомъ, заключеннымъ письменно (ст. 1737), договоръ, заключенный съ указаніемъ такого срока“. Но оба рѣшенія — и № 80 за 1893 г. и № 26 за 1896 г. — не имѣютъ прямого отношенія къ тому вопросу, который возникаетъ по настоящему дѣлу.

Въ самомъ дѣлѣ, тутъ вовсе не возникаетъ вопроса о томъ, могло ли лицо, занимавшее квартиру раньше Голубовича, остаться въ ней до 6-го, или же оно должно было очистить квартиру 1-го. Изъ дѣла даже не видно, какой договоръ былъ заключенъ между этимъ лицомъ и домохозяиномъ. Каковы бы ни были права этого предшественника Голубовича, во всякомъ случаѣ это само по себѣ безразлично для опредѣленія размѣра правъ этого послѣдняго. Онъ заключалъ совершенно самостоятельный договоръ съ домохозяиномъ, такъ что судъ, насколько можно судить по изложенію дѣла въ рѣшеніи Сената, вовсе не останавливался на вопросѣ о томъ, зналъ ли вообще Голубовичъ о существованіи такого договора. Судъ констатировалъ существованіе нормы обычнаго права, въ силу которой полагается 8-ми дневный срокъ для очистки квартиры прежнимъ квартирантомъ. Но съ другой стороны, судъ не констатировалъ существованія такой нормы обычнаго права, въ силу которой лицо, нанявшее квартиру, имѣло бы право ее занять лишь спустя 8 дней послѣ того срока, который указанъ въ договорѣ, какъ начальнаго момента для его возникновенія. Въ виду этого пути для разрѣшенія даннаго дѣла заключался въ разъясненіи того, влечетъ ли за собой существованіе льготнаго срока по окончаніи срока найма квартиры право домохозяина сдать отданную имъ въ наймы квартиру не въ тотъ срокъ, который въ договорѣ установленъ, но спустя столько дней, сколько льготныхъ

дней мѣстный обычай предоставлять квартиронанимателю для очистки квартиры. Если бы на этотъ вопросъ мы дали утвердительный отвѣтъ, то мы установили бы тѣмъ самымъ очень оригинальный мѣстный обычай: о льготныхъ срокахъ тутъ не могло бы быть рѣчи, ибо въ такомъ случаѣ договоръ длился бы ровно столько дней, сколько въ договорѣ установлено, т. е. ни для той, ни для другой стороны тутъ не было бы никакой льготы, а все сводилось бы къ тому, чтобы читать договоръ не такъ, какъ онъ написанъ. Напр. въ договорѣ сказано, что квартира отдана въ наемъ съ 1 июня по 1 июня слѣдующаго года, какъ и было въ данномъ случаѣ, а въ силу того обычая, о которомъ мы только что говорили, этотъ договоръ надо было бы понимать въ томъ смыслѣ, что онъ заключенъ не съ 1 по 1 июля, но съ 8-го по 8-ое. Бываютъ, правда, совершенно неразумные обычаи, это обыкновенно обуславливается какими либо историческими основаніями, точно также какъ бываютъ и неразумные законы, но какъ при интерпретаціи законовъ необходимо толковать ихъ такимъ образомъ, чтобы они имѣли смыслъ, а не были бы лишены такового, точно также необходимо толковать и нормы обычного права. Между тѣмъ такое толкованіе обычая льготныхъ дней при окончаніи срока найма квартиры, которое сводилось бы исключительно къ тому, чтобы и къ началному и къ конечному сроку договора прибавлять восемь дней, вводило бы какой то юридическій жаргонъ въ языкъ договоровъ о наймѣ квартиры, было бы именно толкованіемъ, которое лишало бы его всякаго разумнаго значенія. Вексельное право тоже знаетъ льготные, граціонные дни для лица обязаннаго, но въѣдъ этихъ льготныхъ дней никто не толкуетъ въ томъ смыслѣ, что и лицо, получающее вексель, имѣетъ право не исполнять той обязанности, какъ эквивалентъ которой оно получаетъ вексель, въ теченіе этого льготнаго срока. При этомъ необходимо отмѣтить, что тутъ средняго пути быть не можетъ: необходимо либо признать, что теченіе договора найма квартиры начинается обязательно, если противное прямо въ договорѣ не установлено, 8 дней спустя послѣ срока, который въ договорѣ указанъ, какъ начальнаго моментъ договора, или же совершенно отвергнуть эти своеобразные льготные дни, поскольку они прямо въ договорѣ не установлены, такъ какъ новый нанятель не можетъ заранее знать, когда кончаются льготные дни того лица, которое до него является квартиронанимателемъ.

Мы думаемъ такимъ образомъ, что отъ существованія обычая, въ силу котораго квартиронаниматель имѣетъ право въ теченіе 8-ми дней по окончаніи срока найма оставаться въ квартирѣ, вовсе нельзя заключать къ существованію и такого обычая, въ силу котораго лицо, нанявшее квартиру, имѣло бы право только по истеченіи 8-ми дней послѣ начальнаго момента договора на занятіе квартиры. И такъ какъ въ данномъ дѣлѣ судъ ограничился констатированіемъ только такого обычая, въ силу котораго квартиронаниматель можетъ 8 льготныхъ дней оставаться въ квартирѣ по истеченіи срока найма, то дальнѣйшій выводъ о томъ, что квартиронаниматель не имѣетъ права претендовать на то, чтобы квартира была сдана ему въ тотъ день, который установленъ въ договорѣ

какъ начало его дѣйствія, является неправильнымъ, какъ совершенно не вытекающей изъ содержанія той нормы обычного права, которая была установлена судомъ.

Независимо отъ интереса вопроса о толкованіи этой нормы обычного права о льготныхъ срокахъ при наймѣ квартиры, имѣющей большой практической интересъ, данное рѣшеніе любопытно еще и въ томъ отношеніи, что оно довольно наглядно показываетъ, насколько сомнительна съ точки зрѣнія цѣлесообразности система льготныхъ сроковъ въ гражданскомъ матеріальномъ правѣ. Законъ или обычай, исходя изъ желанія доставить нѣкотораго рода облегченія тому изъ контрагентовъ, который признается въ данномъ договорѣ наиболѣе нуждающимся въ поддержкѣ, раньше всего колеблетъ самое понятіе о срокахъ о моментѣ, съ котораго начинается для одного обязанность исполненія договора, а для другого право требовать такое исполненіе. Льготный срокъ, это психически неизбежное послѣдствіе, включается въ тотъ нормальный срокъ, въ теченіе котораго лицо по договору обязанное можетъ его не выполнять. Понятіе о просрочкѣ охватываетъ такимъ образомъ только то время, которое начинается течъ съ момента истеченія срока вмѣстѣ съ льготными днями. Далѣе обнаруживается, что льгота, предоставленная одной сторонѣ, наиболѣе въ льготахъ нуждавшейся, и казавшаяся поэтому вполне справедливой, затрагиваетъ довольно чувствительно интересы другой стороны, обнаруживается естественная тенденція истолковать эту льготу такимъ образомъ, чтобы этимъ исполнѣ справедливымъ интересамъ другой стороны не было нанесенъ серьезный ущербъ. т. е., въ сущности, обнаруживается тенденція толковать эту норму о льготахъ въ разрѣзъ съ той цѣлью, которую она преслѣдовала, и результатомъ такого неправильнаго приѣма толкованія нормы является *reductio ad absurdum*, ибо, въ самомъ дѣлѣ, о какихъ же льготныхъ срокахъ можно говорить въ томъ случаѣ, когда вмѣсто льготныхъ въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова дней мы имѣемъ какой то своеобразный способъ чтенія договора, т. е. тамъ, гдѣ написано одно число, мы должны читать другое, получающееся посредствомъ прибавки къ написанному числу еще восьми дней. Наконецъ, и та непосредственная цѣль, къ достиженію которой должна стремиться эта система льготныхъ дней, нормально, тоже не достигается, ибо контрагентъ, противъ котораго создана эта система льготныхъ дней, заранее уравнивается тѣ невыгодныя послѣдствія, которыя отъ сего для него могутъ произойти, какими либо преимуществами, вывариваемыми имъ въ свою пользу. Такимъ образомъ и въ этомъ вопросѣ оппортунистическая политика, стремящаяся предотвратить невыгодныя послѣдствія всей системы права, на опредѣленныхъ принципахъ покоящейся, не измѣненіемъ этой системы, но палліативами, не предотвращаетъ въ большинствѣ случаевъ этихъ невыгодныхъ послѣдствій, а только расшатываетъ общую систему, подрываетъ довѣріе къ тѣмъ принципамъ, на коихъ она основана, не давая ничего въ замѣнъ ей.

V Съездъ представителей русских исправительныхъ заведеній. ¹⁾

(Окончаніе)

По вопросу о томъ, допустимо ли болѣе или менѣе продолжительное содержаніе воспитанниковъ въ отдѣльномъ, свѣтломъ помѣщеніи безъ всякаго сношенія съ другими воспитанниками, но при общеніи съ педагогическимъ персоналомъ, прогулками и т. п., бюро высказалось за возможность такого выдѣленія воспитанниковъ изъ среды ихъ товарищей на срокъ не болѣе 15 дней. Собраніе приняло предложеніе бюро, при чемъ добавило свое прежнее постановленіе о содержаніи въ свѣтломъ карцерѣ тѣмъ, что воспитанники должны непременно пользоваться прогулками.

Объ опредѣленіи нормы рабочаго дня для воспитанниковъ исправительныхъ заведеній бюро признало возможнымъ назначить 11 часовъ на сонъ и отдыхъ, а 13 на занятія и развлеченія, при чемъ работа не можетъ продолжаться болѣе 3 часовъ подрядъ. Д. А. Дриль предлагалъ понизить норму рабочаго дня до 8 ч., т. е. до предѣла допускаемаго наукой. К. В. Рукавишниковъ указывалъ, что 13 ч. предназначаются не только для работы, но и для развлеченія. Кромѣ того, приходится считаться съ современными условіями жизни, куда воспитанники должны вступать совершенно подготовленными и закаленными. Представитель вятскаго пріюта предлагалъ понизить число рабочихъ часовъ до 7. Директоръ Рукавишниковскаго пріюта А. А. Фидлеръ указывалъ на отличіе фабричнаго труда, утомляющаго своимъ однообразиемъ отъ труда исправительныхъ заведеній, гдѣ воспитанники переходятъ отъ одного занятія къ другому. Съездъ принялъ предложеніе бюро. Кромѣ того, по предложенію М. В. Духовскаго, съездъ постановилъ собрать необходимый матеріалъ по этому вопросу путемъ опроса педагогическихъ совѣтовъ исправительныхъ заведеній.

По вопросу о патронатѣ съезду былъ представленъ докладъ Г. С. Фельдштейна „О принципахъ организаціи патроната надъ лицами, выпускаемыми изъ исправительныхъ пріютовъ.“ Съездомъ приняты слѣдующія положенія: 1) патронатъ пріютовъ устраивается каждымъ исправительнымъ заведеніемъ для своихъ выпускниковъ; 2) функціи патроната въ тѣхъ случаяхъ, когда это по силамъ и удобно, должны быть возлагаемы на директоровъ или вообще администрацію пріютовъ, но когда число освобожденныхъ значительно, на особые комитеты патроната; 3) комитеты патроната должны возникать по возможности по частной инициативѣ и стоять въ тѣсной связи съ пріютомъ, при которомъ они основаны; желательно, чтобы эти органы попечительства о выпускныхъ имѣли кромѣ того своими непремѣнными членами директора пріюта и другихъ членовъ администраціи, въ особенности же воспитателей; 4) членамъ, уполномоченныхъ комитетомъ патроната, предоставляется безпрепятственная возможность всесторонне знакомиться съ питомцами пріюта до выхода ихъ; 5) комитетамъ патроната предоставляется совѣщательный голосъ по вопросу о своевременности условнаго осужденія воспитанника и поручается наблюденіе за освобожденными условно и окончательно и, въ соответствии съ результатами наблюденія, дано право дѣлать представленія о возвращеніи выпускниковъ обратно въ пріюты; 6) члены комитетовъ патроната прискиваютъ выпускникамъ занятія еще до освобожденія ихъ изъ пріютовъ; 7) комитеты патроната завѣдуютъ учрежденіями для временнаго пребыванія выпускника, если возникновеніе таковыхъ будетъ признано необхо-

димымъ; 8) комитеты патроната получаютъ накопленные и имѣющіяся въ распоряженіи пріюта средства для оказанія пособія выпускникамъ и употребляютъ эти суммы или въ качествѣ залоговъ, или же для цѣлей экипировки и лучшаго устройства на свободѣ выпускныхъ; 9) заботы о выпускныхъ пріюта должны со стороны администраціи пріютовъ или комитетовъ патроната продолжаться до достиженія освобожденными совершеннолѣтія. Докладъ С. В. Познышева „Объ учрежденіяхъ для несовершеннолѣтнихъ, вышедшихъ изъ исправительныхъ колоній и пріютовъ“ былъ посвященъ вопросу о специальныхъ трудовыхъ убѣжищахъ. По мнѣнію докладчика, такія трудовыя убѣжища должны быть устраиваемы обществами патроната, при чемъ слѣдуетъ также воспитанникамъ сельскихъ колоній давать возможность „сѣсть на землю“, т. е. надѣлать по возможности клочкомъ земли. Представитель Тверскаго пріюта указывалъ на невозможность конкуренціи съ частными мастерскими. Это соображеніе онъ подкрѣплялъ тѣмъ доводомъ, что въ проектируемыхъ мастерскихъ будутъ оставаться воспитанники менѣе подготовленные къ работѣ, тогда какъ наиболее способные уйдутъ на сторону. В. В. Микляшевскій указалъ на финансовую и экономическую сторону вопроса. По его мнѣнію надо, чтобы результаты труда воспитанниковъ не подрывали труда честныхъ людей, а это конечно возможно при условіи дешевизны и хорошаго качества продукта. Такъ напримѣръ въ Брюсселѣ производство бочекъ исправительными заведеніями совершенно вытѣснило производство ихъ ремесленниками. Но мыслимо ли вообще, чтобы проектируемыя мастерскія покрыли издержки производства. По мнѣнію оппонента, устройство мастерскихъ немислимо по тремъ причинамъ: 1) у исправительныхъ заведеній недостаетъ денегъ для оптовой закупи сырья; 2) необходимо устройство зданий для мастерскихъ—для чего опять таки нѣтъ средствъ и 3) развѣ мастерскія должны давать временную работу воспитанникамъ, то онъ конечно будутъ страдать отсутствіемъ хорошаго труда, такъ какъ воспитанникъ всегда будетъ стремиться уйти на сторону. Если прибавить трудность сбыта произведенныхъ продуктовъ, то станетъ ясно невозможность и непрактичность устройства такихъ временныхъ убѣжищъ. По мнѣнію В. В. Микляшевскаго, слѣдуетъ ограничиваться выдачей денегъ на снабженіе мальчишка необходимыми инструментами. А. Б. Розенблюмъ находилъ желательнымъ, чтобы исправляемый, пробывъ извѣстное время среди порочныхъ людей, поскорѣй слыхалъ съ общей трудовой массой. По его мнѣнію, собирать въ подобныхъ мастерскихъ „коллекцію“ порочныхъ людей просто опасно. Съездъ призналъ желательнымъ, чтобы общества патроната устраивали свои убѣжища для временнаго пребыванія воспитанниковъ и по возможности не передавали ихъ въ чужія учрежденія, причемъ желательно устройство мастерскихъ существующихъ уже въ исправительныхъ заведеніяхъ и къ которымъ воспитанники уже привыкли.

Представитель мужского благотворительно-тюремнаго комитета А. Б. Розенблюмъ возбудилъ вопросъ о связи патроната съ городскими попечительствами. Съездъ по предложенію предсѣдателя постановилъ: приваивать во вниманіе, что городскія попечительства организованы въ настоящее время только въ Москвѣ, принять заявленіе А. Б. Розенблюма къ свѣдѣнію, не дѣлая никакого постановленія.

Докладъ В. М. Духовскаго былъ посвященъ вопросу о распредѣленіи исправительныхъ заведеній по территоріи Россіи. Докладчикъ задался цѣлью выяснить, насколько количество существующихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ отвѣчаетъ общему числу осужденныхъ. Всѣхъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ въ настоящее время существуетъ 46, въ нихъ имѣется около 2000

¹⁾ См. Право № 22.

мѣсть. Если принять во вниманіе, что число осужденныхъ несовершеннолѣтнихъ по отчету главнаго тюремнаго управленія съ 1894 г. по 1896 г. было 13783 и что каждый воспитанникъ въ среднемъ проводитъ въ исправительномъ пріютѣ 3 года, то окажется, что всѣ исправительныя заведенія могутъ вмѣстить только 16—17% общаго числа осужденныхъ. Положеніе дѣла по отдѣльнымъ губерніямъ представляеть рѣзкія колебанія: во Владимірской губерніи могутъ пользоваться пріютами 51% осужденныхъ, въ Московской 41%, въ Орловской 6%. Инициатива устройства исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ принадлежитъ частнымъ лицамъ, пора общественнымъ учрежденіямъ и правительству позаботиться объ устройствѣ подобныхъ учрежденій. Съѣздъ постановилъ представить печальное положеніе дѣла распространенія исправительныхъ заведеній.

В. В. Микляшевскій сдѣлалъ сообщеніе „объ условіяхъ и особенностяхъ устройства исправительныхъ заведеній для дѣвочекъ“. Въ настоящее время существуетъ только три исправительныхъ заведеній исключительно для дѣвочекъ: въ Пушкѣ, Петербургѣ и Саратовѣ. Число это является крайне недостаточнымъ и поэтому слѣдуетъ прежде всего позаботиться объ устройствѣ новыхъ заведеній, при чемъ исправительныя заведенія для дѣвочекъ должны быть учреждаемы отдѣльно отъ пріютовъ для мальчиковъ. При устройствѣ этихъ заведеній слѣдуетъ допускать рядъ уклоненій отъ нормъ, принятыхъ въ заведеніяхъ для мальчиковъ, сообразуясь со свойствами природы лицъ женскаго пола и современнымъ ихъ семейнымъ и общественнымъ положеніемъ. Въ виду особой впечатлительности необходимы и особыя средства воздѣйствія на перевоспитываемыхъ. Патронатъ для дѣвочекъ является еще необходимѣе, чѣмъ для мальчиковъ. Съѣздъ принялъ слѣдующія основныя положенія: органъ, наблюдающій за женскимъ исправительнымъ заведеніемъ, долженъ состоять изъ лицъ обоего пола; слѣдуетъ учредить два разряда исправительныхъ заведеній — для дѣвочекъ до 13 лѣтъ включительно, и для лицъ женскаго пола старшаго возраста; казарменная система содержанія особенно нежелательна въ исправительныхъ заведеніяхъ для дѣвочекъ; непосредственное управленіе заведеніемъ для дѣвочекъ должно быть поручено женщинамъ, составъ служащихъ, въ т. числѣ и врачъ, долженъ быть по возможности женскаго пола; кромѣ обученія ремесламъ дѣвочекъ слѣдуетъ обучать домашнему хозяйству, пѣнію, рисованію; въ заведеніяхъ для дѣвочекъ должны быть исключены, какъ дисциплинарныя наказанія, розги и темный карцеръ; необходимо избѣгать оставленія въ заведеніи дѣвочекъ, достигшихъ 18 лѣтъ, и потому должны быть заблаговременно прилагаемы особыя заботы для помѣщенія выпускаемыхъ въ благонадежныя семьи или на мѣста, и вообще устройство подлежащаго патроната надъ выпускаемыми изъ исправительныхъ заведеній для дѣвочекъ въ высшей степени желательно и необходимо.

Второй докладъ В. В. Микляшевскаго былъ посвященъ вопросу о числѣ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ въ Россіи. Съ 1892 г. по 1896 г. въ общихъ и мировыхъ судебныхъ установленіяхъ осуждено было дѣвочекъ въ возрастѣ до 13 л.—290, а съ 13 до 16 л. 2543, всего—2833 дѣв. Для того и другого возраста необходимо учредить особыя заведенія. Если съ финансовой стороны желательно устройство многочисленныхъ заведеній, то съ воспитательной и хозяйственной стороны желательно устройство маленькихъ исправительныхъ заведеній. Нормальнымъ числомъ дѣвочекъ въ заведеніи слѣдуетъ признавать 50. Принимая во вниманіе, что дѣвочки младшаго возраста среднимъ числомъ пребываютъ въ заведеніи 4 года, а старшаго 3, слѣдуетъ признавать, что для дѣвочекъ до 13 лѣтъ

включительно необходимо 6 исправительныхъ заведеній, а для дѣвочекъ съ 14-ти по 16 л.—40 заведеній. Такимъ образомъ общее число исправительныхъ заведеній для дѣвочекъ должно простираться до 46.

Докладъ М. Н. Гернета былъ посвященъ вопросу „объ устройствѣ особыхъ пріютовъ для несправившихся преступниковъ, достигшихъ 18 лѣтняго возраста“. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ еще на 4-омъ съѣздѣ и съѣздъ поручилъ бюро собрать необходимый матеріалъ для его разрѣшенія. Бюро запросило исправительныя заведенія, и на основаніи 17 полученныхъ отвѣтовъ былъ составленъ настоящій докладъ. Въ полученные отвѣты указываютъ, что установленный закономъ возрастъ 18 л., до котораго воспитанникъ можетъ оставаться въ исправительномъ заведеніи, слишкомъ недостаточенъ во многихъ случаяхъ для полного исправленія юнаго преступника. По вопросу объ организаціи исправительныхъ заведеній для достигшихъ 18 л. одни общества признаютъ необходимымъ устройство особыхъ центральныхъ заведеній, другія же считаютъ возможнымъ оставлять такихъ воспитанниковъ въ прежнихъ пріютахъ. Затѣмъ докладчикомъ были приведены данныя, изъ которыхъ видно, что въ Западной Европѣ предѣльнымъ возрастомъ, до котораго допускается содержаніе въ исправительныхъ пріютахъ, является 21—22 года, а въ Америкѣ доходить до 31 г.

Съѣздъ постановилъ: 1) желательно продленіе срока удержанія воспитанника въ исправительномъ заведеніи до 21 года или до времени отбытія воинской повинности въ тѣхъ случаяхъ, когда администрація признаетъ воспитанника недостаточно исправленнымъ; 2) исправленіе преступниковъ въ возрастѣ отъ 18 до 21 г. должно производиться въ специальныхъ частныхъ, общественныхъ или правительственныхъ пріютахъ при безусловномъ полномъ отдѣленіи отъ исправляемыхъ въ возрастѣ до 18 л.; 3) признавать желательнымъ устройство центральныхъ пріютовъ для исправляемыхъ въ возрастѣ отъ 18 до 21 г., куда существующіе пріюты могли бы отправлять своихъ питомцевъ.

Затѣмъ былъ рассмотрѣнъ докладъ проф. И. Т. Тарасова „О предварительномъ испытаніи новичковъ въ исправительныхъ заведеніяхъ для малолѣтнихъ“. Вопросъ этотъ былъ поднятъ докладчикомъ еще на первомъ съѣздѣ, т. е. около 20 л. тому назадъ и былъ возбуждаемъ имъ же на слѣдующихъ, причемъ съѣзды отнеслись отрицательно къ формѣ испытанія, предложенной докладчикомъ. Въ Западной Европѣ одиночное заключеніе уже давно практикуется какъ средство для первоначальнаго ознакомленія съ новичкомъ. Въ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ имѣются даже особые центральные пріюты для испытанія новичковъ. Послѣ предварительнаго ознакомленія съ характеромъ новаго воспитанника его препровождаютъ въ тотъ или иной исправительный пріютъ. Въ Россіи предварительное одиночное заключеніе для ознакомленія съ воспитанникомъ практикуется въ трехъ колоніяхъ, при чемъ одна изъ нихъ, Студенецкая рекомендуетъ эту мѣру, какъ вполне пригодное средство. Докладчикъ обратился ко всемъ исправительнымъ заведеніямъ съ предложеніемъ высказаться по данному вопросу. Отвѣтъ былъ полученъ отъ 19 заведеній, при чемъ всѣ они отнесли къ предлагаемой мѣрѣ неодобительно, не представляя правда хоть сколько нибудь удовлетворительной мотивировки. Отъ одного исправительнаго заведенія былъ полученъ отвѣтъ, что вновь поступаемый поступаетъ для ознакомленія въ семью самого директора и оттуда уже переводится въ пріютъ. Докладчикъ посѣтилъ этого директора, причемъ все оказалось ложью и никакого первоначальнаго ознакомленія съ новичкомъ не практикуется. Затѣмъ докладчикъ формулировалъ свои выводы: 1) не же-

лательно ли какъ общее правило, чтобы всё новички содержались отдѣльно отъ остальныхъ питомцевъ на срокъ отъ 3 до 8 дней, дабы въ это время администрація исправительнаго заведенія могла путемъ общенія съ ними познакомиться съ особенностями ихъ характера и склонностей, при чемъ въ теченіе этого же срока администрація заведенія должна принять мѣры, дабы получить свѣдѣнія по тому же предмету путемъ опроса родителей, родственниковъ, опекуновъ и другихъ лицъ, болѣе или менѣе близкихъ ко вновь поступающимъ питомцамъ; 2) не желательна ли устройство особыхъ пріютовъ для предварительнаго испытанія новичковъ, откуда они затѣмъ отсылались бы въ соответствующія исправительныя заведенія.

В. В. Пржевальскій указалъ, что хотя на Западѣ дѣйствительно практикуется форма одиночнаго заключенія для ознакомленія съ новичкомъ, но вообще слѣдуетъ имѣть въ виду, что она очень скверно дѣйствуетъ на нервы заключенныхъ и поэтому организовать ее надо съ большою осторожностью. Замятивъ неточность терминологіи докладчика—одиночное, келейное заключеніе, дающее представленіе о полномъ одиночествѣ заключеннаго, оппONENTъ предложилъ терминъ индивидуальнаго заключенія. Этимъ терминомъ прямо указывается на цѣль самаго заключенія—ознакомленія съ личностью преступника, а также и на самую обстановку заключеннаго. Затѣмъ г. Пржевальскій совершенно отрицательно отнесся ко второму тезису доклада. По его мнѣнію, первоначальное ознакомленіе съ малолѣтними преступниками должно производиться тѣми же лицами, которымъ будетъ поручено и ихъ перевоспитаніе. Никакими бумагами и циркулярами нельзя замѣнить непосредственнаго личнаго наблюденія надъ характеромъ воспитанника.

А. Б. Розенблюмъ доказываетъ, что испытаніе воспитанника должно производиться не въ искусственной атмосферѣ, каковой безъ сомнѣнія является одиночное заключеніе, а въ обыденной обстановкѣ—во время обѣда, прогулокъ и т. п. Ссылка на примѣры Запада и Студенечкой колоніи съ одной стороны, а съ другой отрицательный отвѣтъ русскихъ исправительныхъ заведеній объ одиночномъ заключеніи, какъ формѣ испытанія новичка, указываютъ на національныя особенности испытуемыхъ. Дѣло въ томъ, что благоприятные результаты западно-европейскихъ пріютовъ, достигнутые въ дѣлѣ ознакомленія съ новичками, обуславливаются большей общественной и политической зрѣлостью западно-европейскаго мальчика, сравнительно съ развитіемъ русскаго. Представитель Петербургской колоніи, соглашаясь съ предшествующимъ ораторомъ, указывалъ, что заключенный новичекъ всегда будетъ смотрѣть подозрительно на лицъ, посѣщающихъ его, станетъ „разворачивать свою душу“ и потому здѣсь вполне возможна съ его стороны симуляція.

Представитель Курской колоніи говорилъ, что у воспитанника, испытывающаго пѣлю судебную процедуру и посаженнаго снова въ одиночное заключеніе, можетъ явиться основательное подозрѣніе, не продолженіе ли это суда; раньше его допрашивалъ слѣдователь, прокуроръ, предсѣдатель, а теперь директоръ. У мальчика, сидящаго въ четырехъ стѣнахъ, знающаго, что его товарищи бѣгаютъ на свободѣ, конечно не можетъ не явиться озлобленія противъ администраціи, что, конечно, крайне нежелательно и вредно. Въ томъ же направленіи высказывались и остальные ораторы.

Съѣздъ отклонилъ предложеніе проф. И. Т. Тарасова и постановилъ: признавая высокую важность изученія вновь поступающаго воспитанника, представлять самимъ исправительнымъ колоніямъ и пріютамъ опредѣлять способы такого изученія сообразно съ мѣстными и бытовыми условіями, при чемъ съѣздъ рекомендуетъ собирать свѣдѣнія о характерѣ

новичковъ путемъ опроса родителей, родственниковъ, опекуновъ и т. д.

По докладу В. В. Микляшевскаго „О предварительномъ испытаніи учителей и воспитателей пріютовъ“ съѣздъ постановилъ: 1) поступающія на службу въ исправительныя заведенія по воспитательной части лица, до ихъ назначенія на должности, должны подвергаться испытанію въ самомъ заведеніи; 2) поступающіе въ заведеніе, послѣ точнаго изученія общихъ задачъ перевоспитанія несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и внутренняго распорядка заведенія, должны точно изучить свой будущія обязанности, при опытныхъ, занимающихъ такія же должности въ заведеніи лицахъ, подѣ неусыпнымъ и бдительнымъ руководствомъ начальства заведенія; 3) испытаніе продолжается не менѣе одного и не болѣе 3-хъ мѣсяцевъ; 4) во время испытанія начальство пріюта можетъ устранить испытуемаго во всякое время, если оно признаетъ, что испытуемый неспособенъ приготовиться къ надлежащему исполненію обязанностей, но съ другой стороны испытуемый можетъ оставить заведеніе, заявивъ начальству, что онъ отказывается отъ занятія должности въ пріютѣ; 5) желательно, чтобы испытуемый, изучивъ свои обязанности, представлялъ письменно начальству заведенія самостоятельный докладъ съ изложеніемъ всехъ ввѣренныхъ ему обязанностей и съ своими умозаключеніями.

А. А. Фидлеръ сообщилъ о результатахъ присужденія преміи въ память 25-ти лѣтъ Рукавишниковскаго пріюта за лучшую книгу, предназначенную для чтенія воспитанниковъ исправительныхъ заведеній. Первая премія была назначена въ 1000 р., 2-ая въ 450 р. и 3-ья въ 200. Комиссія нашла только возможнымъ присудить двѣ преміи по 200 рублей авторамъ книгъ подѣ девизами „Ключъ“ и „Спутникъ“, въ томъ случаѣ, если они согласятся сдѣлать исправленія, указанныя комиссіей. Авторъ первой книги, учитель начальнаго городского училища Д. А. Невскій сдѣлалъ уже соответствующія исправленія. Съѣздъ постановилъ учредить теперь новыя преміи за такія же книги въ размѣрѣ: 1-я 1000 р., двѣ вторыя по 500 р. и 3-ья въ 200 р.

По окончаніи занятій съѣздъ приступилъ къ выбору мѣста слѣдующаго 6-го съѣзда, который рѣшено созвать черезъ три—четыре года; мѣстомъ съѣзда выбрана вновь Москва. Затѣмъ собраніе приступило къ выбору бюро; выбранными оказались: Н. С. Тагадцевъ (отсутствовавшій на съѣздѣ по болѣзни), К. В. Рукавишниковъ, В. В. Микляшевскій, М. В. Духовской и А. А. Фидлеръ. Затѣмъ предсѣдателю К. В. Рукавишникову отъ лицъ съѣзда былъ прочтенъ адресъ за его благотворную и плодотворную дѣятельность на поприщѣ воспитанія несчастнаго юношества. 19 мая съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній былъ объявленъ закрытымъ.

Примѣчаніе. Членъ съѣзда, представитель московскаго мужского тюремно-благотворительнаго комитета, пр. пов. Розенблюмъ проситъ насъ отмѣтить, что, высказываясь рѣшительно противъ заключенія бюро съѣзда по вопросу о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія за совершенные воспитанниками въ стѣнахъ заведенія преступления, онъ, Розенблюмъ, указалъ на то, что такое преступленіе, можетъ иногда имѣть своимъ послѣдствіемъ тяжелое нарушеніе интересовъ частныхъ лицъ, и при томъ такое нарушеніе, гдѣ пострадавшій можетъ возстановить свое нарушенное право и поруганную честь только при посредствѣ судебной власти. Независимо отъ этого, настойчиво слѣдуетъ подчеркнуть опасность проведенія въ жизнь такого расширенія правъ администраціи пріютовъ, потому что преступленія, въ пріютѣ совершенныя, могутъ быть послѣдствіемъ непорядковъ или злоупотребленій самой администраціи пріюта. Въ этихъ случаяхъ администрація всегда конечно выскажется противъ судебного пре-

слѣдованія, а между тѣмъ только послѣднее могло бы освѣтить тѣ условія, при которыхъ преступленіе было совершено, и обнаружить иногда такимъ образомъ глубокую язву, которая въ гласнаго судебного процесса оставалась бы незамѣченной для посторонняго взгляда.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Выѣздная сессія кievской судебной палаты.

Дѣло братьевъ Скитскихъ¹⁾.

(Отъ нашего корреспондента).

Послѣ часового перерыва.

Защитн. Зеленскій. Скажите, свидѣтельница, своего супруга вы встрѣчали и провожали? Комарова. Да, встрѣчала и провожала.—И въ этотъ день провожали?—Да, провожала, до Кирпичнаго завода.—Водовозы (которые постоянно возятъ воду изъ пруда, находящагося у самой дачи Комарова, на кирпичномъ заводѣ) могли видѣть и васъ и мужа?—Я могла не замѣтить ихъ, и не знаю, видѣли ли они насъ.—Если бы зонтикъ висѣлъ на вѣтвяхъ (у самой дороги) 14-го іюля, вы замѣтили бы его?—Я зонтика не искала, и потому видѣть не могла.—Какъ, вы не могли видѣть?—Но я не обращала вниманія... я пристально на кусты не смотрѣла; къ тому же зонтикъ былъ сломанъ и немного запрятанъ въ кусты.

— Не можете ли вы намъ сказать, свидѣтельница, давно ли вашъ мужъ сталъ носить ваши дамскіе часики?—Точно не помню; но знаю, что онъ уже нѣсколько дней до смерти носилъ ихъ; онъ говорилъ, что его часы тяжелы и оттягиваютъ карманъ чесучевого пиджака—14-го іюля утромъ, уходя на службу, вашъ мужъ говорилъ, что онъ придетъ домой раньше, не знаете ли по чему?—Не знаю.—И вы не спрашивали его, вѣдь онъ вамъ все говорилъ?—Нѣтъ, не спрашивала.—А револьверъ онъ всегда носилъ съ собой?—Онъ бралъ его въ послѣдніе дни?—А приобрѣлъ для чего?—По случаю ночного шума.—А бралъ днемъ?

— Расскажите, пожалуйста, свидѣтельница слѣдующее непонятное для меня обстоятельство: вашъ мужъ запретилъ вамъ выходить къ нему на встрѣчу 14-го іюля, потому что, какъ вы говорите, боялся собакъ... Но вѣдь вы сами сказали, что въ этотъ день вы проводили его до кирпичнаго завода и возвращались домой одиѣ, и притомъ безъ всякой обороны; какъ онъ отпустилъ васъ одну, когда боялся собакъ?

Въ тотъ день была дурная погода, — былъ сильный вѣтеръ... Я поступала, какъ въ голову пришло; я не могу мотивировать каждый свой поступокъ... Я не могу вамъ объяснить, почему дѣлала именно такъ, а не иначе.—Не говорилъ ли вамъ мужъ о томъ, что Степанъ Скитскій, при назначеніи его въ должность казначея, будетъ получать наградныхъ меньше?—Да, онъ передавалъ, что у нихъ, въ консисторіи, казначей получаетъ наградныхъ меньше, чѣмъ столоначальникъ.—Какъ относился преосвященный къ распоряженію вашего мужа относительно воспрещенія входить въ канцелярію постороннимъ лицамъ, и въ томъ числѣ оо. благочиннымъ?—Я не знаю.—Вы сказали, что было нѣсколько чиновниковъ консисторіи, которые подходили по своимъ взглядамъ къ вашему мужу, — кто же они такіе, — не можете ли вы опредѣленно сказать и назвать ихъ фамиліи?—(Послѣ паузы). Нѣтъ, я говорила только, что были чиновники болѣе акку-

ратные.—Не говорилъ ли вашъ мужъ, что онъ дѣло Тржецякъ (бракоразводное) самъ повезетъ въ синодъ?—Никогда не говорилъ.—Вашъ мужъ увѣждалъ въ отпускъ?—Да, увѣждалъ.—Когда и куда?—Въ 1896 году въ Одессу.

— Кому онъ передалъ свои дѣла и кто исполнялъ въ его отсутствие должность секретаря?—Скитскій (послѣ паузы), но это только по крайней необходимости, — больше никому было поручить; да онъ (Скитскій) тогда еще и не былъ у мужа на дурномъ счету, — это случилось за послѣднее время...—Какъ это понимать, т. е. когда же именно?—Со времени назначенія Степана Скитскаго казначеемъ.—Когда же Скитскій былъ назначенъ казначеемъ?—Послѣ пріѣзда моего мужа изъ отпуска. Въ казначействѣ обнаружались безпорядки, и мужъ назначилъ Скитскаго.—Вы думаете, что въ виду безпорядковъ и назначили Скитскаго казначеемъ? Значитъ мужъ вашъ полагалъ, что онъ можетъ устранить эти безпорядки? Вы говорили, что въ послѣднее время Скитскій находился очень разстроеннымъ?—Это моя сестра говорила, а ей передавала жена Скитскаго, что мужъ ея разстроенъ служебными неприятностями.—Когда происходилъ этотъ разговоръ?—Въ декабрѣ 96 или въ январѣ 97 года; тогда у Скитскаго что-то не сходилось въ вѣдомостяхъ; жена его говорила моей сестрѣ, что онъ хочетъ покончить съ собой, моя мать старалась успокоить.—Сегодня вы въ первый разъ сказали суду, что была еще третья записка, которая теперь (черезъ три года) все еще хранится у вашей матери.—почему вы раньше ничего о ней не говорили?—Я не придавала ей значенія.—Но вѣдь васъ усиленно просили объяснить смыслъ двухъ записокъ? Кто передалъ эту третью записку?—Сторожъ.—Какъ?—Не знаю.—Вашъ супругъ 14-го іюля видѣлъ вашу мать?—Нѣтъ.

Защитникъ Б. П. Куликовъ. Мужъ рассказываетъ вамъ, у кого хранится ключъ отъ казначейства, — у казначея или секретаря?—У того и другого, — одинъ безъ другого не могли опереть сундука.—Когда вашъ мужъ поѣхалъ въ Одессу на два мѣсяца, то онъ поручилъ дѣла Степану Скитскому, — значитъ, онъ довѣрялъ ему?—Особеннаго довѣрія я не вижу.—А писалъ вашъ мужъ изъ Одессы письма С. Скитскому?—Да, писалъ.—Какія именно?—Официальныя.—Какъ онъ въ нихъ обращался къ Скитскому?—Не видала.—Въ послѣдніе дни до 14 іюля вы ходили встрѣчать вашего мужа?—Да, ходила.—А ктонибудь зналъ, что вы не пойдете его встрѣчать 14-го іюля?—Нѣтъ.—Ну, а Скитскіе тѣмъ болѣе не могли знать?—О, да, конечно.—Сколько стоили ваши золотые часики?—Они куплены въ Штутгартѣ и заплачено за нихъ 130 марокъ.—А кольца?—Одно стоило рублей 11, другое 2 р. 50 к.

Другія вещи оказываются еще менѣ цѣнными.—Что, С. Скитскій услужливый былъ?—Да, мнѣ онъ не услуживалъ, но относительно моей матери былъ услужливъ.—А къ вашему мужу какъ относился?—И ему услуживалъ; разъ было такъ, что нужно было положить деньги въ банкъ по сберегательной книжкѣ, и мужъ хотѣлъ послать сторожа; тогда С. Скитскій сказалъ мужу: „Алексѣй Яковлевичъ! позвольте, лучше я снесу деньги“.—Послѣ лишенія награды передъ Пасхой получилъ Скитскій награду лѣтомъ?—Да, получилъ въ іюнѣ мѣсяцѣ.—Вы говорите, что вашъ мужъ въ случаяхъ провинностей стоялъ за болѣе строгія мѣры?—Да, онъ хотѣлъ, чтобы не оставались безнаказанными разныя проступки.

— Скажите пожалуйста, вѣдь 14-го іюля и на другой день вы шли мимо мостика и осматривали кусты, какъ вы не замѣтили зонтика, который былъ на кустахъ?—Да, я могла не замѣтить... онъ былъ въ родѣ тряпки... могла не замѣтить (плачетъ).—Я не сомнѣваюсь, что вы не замѣтили... (послѣ паузы)

¹⁾ См. Право № 22.

скажите, свидѣтельница, вы говорили, что Степанъ Скитскій трусливый человѣкъ?—Да, говорила; считала его неискреннимъ.—Вы лично считали достаточно поводомъ, чтобы Скитскіе могли совершить подобное преступленіе?—Нѣтъ, я не могла этого предполагать.—Но почему же вы подумали на Скитскихъ?—Я и сама не помню,—я все могла подумать.

Прокуроръ. Когда Скитскій предлагалъ свои услуги по вкладу денегъ по сберегательной книжкѣ?—Въ началѣ іюля.—Не подозрѣвали ли вы еще кого-либо другого, кромѣ Степана Скитскаго, въ убійствѣ вашего мужа?—Да, у меня было въ этомъ отношеніи подозрѣніе на свидѣтелей и лицъ, заинтересованныхъ бракоразводнымъ процессомъ Тржецякъ.—Какъ въ разговорѣ съ вами отзывался о Степанѣ Скитскомъ вашъ мужъ?—Онъ его считалъ толковымъ чиновникомъ, но человѣкомъ неискреннимъ и склоннымъ скорѣе оказывать личные услуги, чѣмъ исполнять служебныя обязанности.—Не говорили ли вашъ мужъ какихъ-нибудь подробностей на этотъ счетъ?—Мужъ почти ежедневно оставался имъ недоволенъ.—Не говорили ли вашъ мужъ, что Скитскій вліяетъ и на общій составъ служебнаго персонала въ этомъ направленіи?—Не помню.—Не говорили ли вашъ мужъ о своемъ докладѣ преосвященному на счетъ лишенія С. Скитскаго награды и какъ отнесся преосвященный къ докладу мужа?—Да, онъ говорилъ; но преосвященный очень мягкій человѣкъ; впрочемъ, когда мужъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, преосвященный согласился съ мнѣніемъ мужа и Скитскій былъ лишенъ награды.—Были ли особенныя причины, почему вашъ мужъ долженъ былъ возвратиться раньше 14-го іюля,—вы не помните?—Да, онъ очевидно не говорилъ о причинахъ.—Какая разница между должностью казначея и столоначальника?—По официальному положенію должность казначея ниже должности столоначальника... Но здѣсь, въ Полтавской консисторіи, были таковы порядки, что предшественникъ казначея какъ-то умѣлъ нажить два дома, дачу...—Какъ вы обыкновенно проводили время?—Обыкновенно обѣдали, гуляли, на балконахъ сидѣли, читали,—иногда врозь, иногда въ слухъ, часовъ въ 7—8 обыкновенно ходили гулять.—Всегда вмѣстѣ?—Да, всегда вмѣстѣ.

Пр. пов. Выховскій. Когда былъ вашъ мужъ въ Одессѣ, онъ тревожился, что поручилъ дѣло Скитскому?—Да, тревожился, хотя и не особенно.—Сколько вашъ мужъ получалъ жалованья?—1500 рублей.—А платѣ вашего мужа, въ которомъ онъ былъ убитъ, гдѣ?—Полиція сняла, приставъ привезъ и отдалъ мнѣ.—А вы храните эти вещи?—Да, храню въ томъ же видѣ.—Вы не мыли, не чистили?—Нѣтъ, я только иногда разворачивала его и свято берегу эти вещи на память.—Онъ здѣсь съ вами въ Полтавѣ?—Да, здѣсь у меня.—Когда гуляли съ се мужемъ, то ходили до лагерей?—Да, одинъ разъ ходили.—Много тамъ народу было?—Много.—Вѣдь тогда была ярмарка?—Но мимо насъ почти никто не проходилъ.—Какъ относился вашъ мужъ къ простоплюдинамъ?—Смотря по обстоятельствамъ.—Но допускаете ли вы возможности, чтобы онъ могъ оставаться по дорогѣ и вступать въ разговоры съ простоплюдинами, съ рабочими?—Нѣтъ, не допускаю, потому что мужъ мой съ этими людьми избѣгалъ всякихъ недѣловыхъ разговоровъ... Никогда этого не было и быть не могло.—А онъ курилъ?—Курилъ.—Можетъ быть, онъ за спичками обращался къ простоплюдинамъ, — вы спички клали въ карманъ?—(Улыбаясь) Объ этомъ онъ самъ хорошо помнилъ.—Вы помните, что 11-го іюля было объявлено о переводѣ его на должность столоначальника?—Да, хорошо помню.—Почему вы на Скитскихъ подумали?—Да потому, что всѣхъ хуже относился къ мужу именно онъ.—А другіе говорили, что и они подозрѣваютъ Скитскихъ?—Мои родные—того же мнѣнія, что и я.—А чиновники?—Чиновники не говорили, но они, навѣрно, такъ думали.—Не приходи-

лось ли вамъ слышать о физической силѣ Степана Скитскаго?—О, да, приходилось. Однажды у кого-то на именинахъ чиновники пробовали силу,—поднимали стулъ. При этомъ кто-то сказалъ, что вотъ „Степанъ Леонтьевичъ такъ силенъ,—онъ умѣетъ нанести такой ловкій ударъ, отъ котораго никому не поздоровится“. Скитскій же сидѣлъ, слушалъ и самодовольно улыбался въ знакъ согласія.—Почемъ, С. Скитскій хотѣлъ занять должность казначея?—У него былъ домъ, и онъ могъ его отдать въ наймы, такъ какъ квартира казначея полагается казенная.—Не говорилъ ли вашъ мужъ, что ранѣе Скитскій игралъ видную роль, что онъ сносился съ сельскими священниками?—Да, говорилъ, и называлъ его законникомъ.—А запрещеніе входить въ канцелярію консисторіи чѣмъ вызвано?—Заниматься мѣшали и портили репутацію консисторіи.

Карабчевскій. По возвращеніи изъ Одессы вашъ мужъ сдѣлалъ Степана Скитскаго казначеемъ?—Комарова. Да.—Онъ предупреждалъ, что Скитскій будетъ получать награду меньше?—Предупреждалъ.—Вы говорили, что къ Пасхѣ онъ былъ все лишенъ награды, а лѣтомъ опять получилъ, значитъ, недовольство могло возникнуть только по поводу пасхальной награды?—Да... (послѣ паузы) нѣтъ и по другимъ поводамъ.—О жалобѣ Скитскаго на мужа вы слышали?—Да, я слышала что онъ хотѣлъ жаловаться.—Жалоба г-жи Тржецякъ по бракоразводному дѣлу пошла въ Синодъ, Синодъ направилъ эту жалобу въ консисторію и здѣсь должны были написать на нее отзывъ?—Да, такъ.—Какой же отзывъ предполагалось дать, вѣдь его долженъ былъ составлять вашъ мужъ?—Мужъ не успѣлъ дать этотъ отзывъ...—А какая судьба жалобы Тржецякъ, и состоялся ли разводъ?—Не знаю.—Ахъ, значитъ, вы не знаете, что г-жа Тржецякъ разведена вскорѣ послѣ убійства вашего мужа?

Зеленскій. Скажите, свидѣтельница, произвели ремонтъ было поручено вашимъ мужемъ Степану Скитскому?—Да, Скитскому.—На крупную сумму?—Нѣтъ, всего на 2 тысячи рублей.—Вы думаете, что разговоръ о переводѣ Скитскаго съ должности казначея на должность столоначальника былъ 10-го іюля, а 11-го онъ вамъ сказалъ: „теперь Скитскому уже все сказано“?—Да, я увѣрена, что это было именно тогда.—Почему же Скитскому хотѣлось перейти на должность казначея?—Онъ хотѣлъ воспользоваться казенной квартирой, которая полагается въ консисторіи казначею, а свой домъ отдавать въ наемъ.—А не потому, что у него дочь поступила въ гимназію и онъ хотѣлъ, чтобы ей ближе было ходить изъ консисторіи?—Да, и это.—Вотъ въ намъ сказали, что и консисторскіе чиновники подозрѣвали Скитскаго въ убійствѣ,—не потрудитесь ли вамъ назвать ихъ?—(Нервно). Это они сами скажутъ!—Но это такъ важно, и намъ легче было бы добратъ до истины, не можете ли вы намъ сказать...—(Почти плачѣть) Я прошу васъ объ этомъ меня не спрашивать!—Я не могу больше задавать вопросовъ.

Выховскій. Я ходатайствую передъ палатой, если стороны не будутъ ничего имѣть противъ этого, о присоединеніи къ дѣлу записокъ чисто хозяйственнаго содержанія, писанныхъ г-жею Комаровой и объясняющихъ смыслъ найденной въ карманѣ покойнаго ея мужа записки; прошу также приобщить къ дѣлу и тѣ письма, которыя сохранились у Комаровой изъ переписки съ покойнымъ ея мужемъ, и разрѣшить сослаться на эти документы.

Карабчевскій протестуетъ противъ такого ходатайства представителя гражданскаго исца: «письма, говоритъ онъ, извлекаются изъ архива, очевидно для того, чтобы доказать, что между Комаровымъ и Комаровой существовали дружескія отношенія; но вѣдь въ этомъ никто и не сомнѣвался, тѣмъ болѣе, что тогда они были въ разлукѣ (рѣчь идетъ о письмахъ изъ за-границы) и, кажется, еще не вступали въ бракъ, а были только женихомъ

и невѣстой. Что же касается какихъ-то «хозяйственныхъ записокъ», писанныхъ рукою Комаровой, то я не понимаю, почему онѣ появляются передъ судомъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, и какія у насъ есть средства провѣрить ихъ подлинность?

Председатель (къ Быховскому). Ваше ходатайство будетъ рассмотрѣно во время перерыва.

Карабчевскій. Я бы желалъ задать свидѣтельницамъ Комаровой еще нѣсколько вопросовъ?

Председатель: пожалуйста!

Карабчевскій (къ Комаровой). Вамъ извѣстно, когда Степанъ Скитскій былъ арестованъ?—Нѣтъ.—Вамъ извѣстно, что Степанъ Скитскій былъ арестованъ 16-го юля?—(Смущенно) Да, извѣстно.—Какъ же вы говорили намъ, что ваши подозрѣнія прогнѣ Скитскихъ укрѣплялись, если мужъ вашъ найденъ 15-го вечеромъ, а на другой день Скитскій былъ арестованъ?—(Тастерянно) Да, укрѣплялись.—Нѣтъ, я васъ спрашиваю, когда же?—До ареста и послѣ ареста.

Куликовъ. Я все же не понимаю, почему вы не говорили намъ на тѣхъ процессѣхъ о третьей запискѣ, «разъясняющей смыслъ двухъ?»—Слѣдовательно смотрѣли и не придавали ей значенія; онъ мнѣ ее и возвращалъ. Въ тѣхъ процессѣхъ я стѣснялась о ней упоминать; а теперь, вынужденная необходимостью, я рѣшилась уже не стѣсняться ничѣмъ и открыть все.

Куликовъ. Скажите, пожалуйста, свидѣтельница, когда вы вышли встрѣчать вашего мужа 14 юля,—въ которомъ часу?

Комарова. Въ 4-мъ.

— Больше я ничего не имѣю.

Экспертъ проф. Оболенскій. (черезъ председателя).

Была ли утромъ 14 юля роса? Комарова. Точно не помню. — Въ какомъ карманѣ покойный носилъ револьверъ?—Кажется, въ правомъ.—А портсигаръ?—Не могу точно сказать этого.

Послѣ 4 часовой дачи показаній свидѣтельница садится на скамью.

Вызывается (въ первый разъ) свидѣтельница Будаевская, мать Комаровой (теща убитого).

Она настолько взволнована, что долго не можетъ выговорить ни одного слова, трясется, что-то шепчетъ губами, но никто ничего не слышитъ. Председатель успокаиваетъ, ей даютъ воды; она снова пытается говорить, но задыхается въ изнеможеніи садится на стулъ, который ей предлагаютъ...

— Я все время жила съ дочерью, шепчетъ г-жа Будаевская, сначала въ Калугѣ, потомъ въ Полтавѣ...

Снова умолкаетъ; пауза длится не менѣе двухъ минутъ.

Защит. Зеленскій Скажите, пожалуйста, свидѣтельница. 14 юля заходилъ къ вамъ зять? Будаевская. Нѣтъ.—Не помните ли, когда онъ былъ у васъ въ послѣдній разъ?—8 юля, въ праздникъ Каланской Божьей матери. Съ нимъ была дочь; они помолились, послѣ обѣднѣ пили у меня чай, а потомъ ушли на дачу.—14 юля вы получили какую нибудь записку?—Не одну, а двѣ получила.—Черезъ кого?—Черезъ одного изъ сторожей.—Кто же именно изъ сторожей передавалъ вамъ эти записки?—Не знаю.—А сторожъ Котелевецъ не былъ?—Нѣтъ, не былъ.—А прежде вы получали записки?—Да, получала, и очень часто.—Кто же вамъ передавалъ ихъ?—Кто попало, кто свободенъ, тотъ и передавалъ.—14 юля не приходили ли къ вамъ съ какимъ-нибудь порученіемъ отъ зятя?—Не помню.

Прокуроръ. У васъ былъ разговоръ съ женою Степана Скитскаго о недовольствѣ ея мужа?—Да, помню. Однажды жена Степана Скитскаго заболѣла и попросила меня помочь ей; я пришла и застала ее въ истерикѣ. Что случилось?—спрашиваю. Тогда она (не помню, было ли это въ январѣ или въ февралѣ 1897 года) мнѣ и говорить: «съ мужемъ

случилась ужасная неприятность,—у него пропали деньги».—Какія деньги?—«казенныя деньги,—онъ бьется-бьется, и не можетъ досчитать». Я начала ее успокаивать, а она мнѣ и говоритъ: «ахъ, если бы вы знали, какой онъ отчаянный!» въ концѣ концовъ прибавила: «онъ даже грозился застрѣлиться!» Я поняла такъ, что онъ очень взбѣшенъ тѣмъ, что у него пропали деньги.

Быховскій. Что сохранилось у васъ въ памяти о Степанѣ Скитскомъ?

— Ранѣе онъ былъ вѣжливъ; но потомъ измѣнился; у него какъ будто и взглядъ другой сталъ, блуждающій; онъ какъ бы смотрѣлъ въ одну точку; мнѣ казалось, что онъ чѣмъ-то недоволенъ и озлобленъ. Измѣнился такъ онъ съ мая мѣсяца (когда «мои» уѣхали на дачу), и когда сходилъ съ лѣтницы, то меня какъ будто не замѣчалъ; а прежде, бывало, сверху (съ площадки) расканивается со мной и заговариваетъ; я подумала, что онъ и на меня сердится. Я иногда останавливаю его и заговариваю съ нимъ,—онъ вдругъ весь измѣняется, улыбается и начинаетъ со мной здороваться. — Вы на дачѣ бывали у вашего сына и дочери?—Какъ же, бывала и очень часто.—Не знаете ли, около мостика, гдѣ совершено преступленіе, какова была мѣстность въ 1897 году?—Очень тѣнитая, тамъ много кустовъ.—Каковы были отношенія между мужемъ и женой?—Мнѣ кажется что лучше и жалеть нельзя,—это прямо идеальныя отношенія.—Не встрѣчали ли вы у нихъ такихъ знакомыхъ, которые были бы неприятны кому-либо изъ нихъ?—О, нѣтъ, никогда.—Если нужно было вашей дочери сдѣлать какія-либо распоряженія, то что обыкновенно дѣлалось?

Дочь писала мнѣ записки, а зять пересылалъ ихъ черезъ сторожей. — Почему такъ дѣлалось? — Зять всегда былъ очень занятъ и спѣшилъ на службу.—Какія это были записки: дѣловыя-сухія или въ шутовомъ тонѣ?—(Улыбаясь) Конечно, въ шутовомъ,—всегда въ шутовомъ,—она любитъ шутить.—Что значить «будетъ балъ», «о, о!»?—У насъ рѣдко бывали гости, и когда ожидался, то мы шутовливо замѣчали, «будетъ балъ», «о, о!» прибавлялось потому, что хотѣли сказать объ этомъ, какъ о чѣмъ-то комически-неприятномъ. — У васъ сохранились записки?—Да, много сохранилось; теперь я рѣшилась передать ихъ....—Ваша дочь служить гдѣ?—Да служить.—У васъ большія средства? — Нѣтъ, средства наши очень маленькія, очень. — Покойный вашъ зять часто писалъ изъ за границы вашей дочери?—Да, каждый день писалъ.—Не говорилъ ли или не писалъ ли вашъ зять о порядкѣ государственнаго управленія, не выражали ли революціонныхъ идей и т. п.?—О, нѣтъ, сохрани Богъ.—Когда другіе говорили объ этомъ про вашего зятя, не показало ли вамъ смѣшнымъ?—Да, это очень смѣшно, очень.

Карабчевскій. Скажите, сударыня, когда волновался Степанъ Скитскій,—то изъ-за чего же собственно?—Изъ-за денегъ.—Изъ-за какихъ?—Изъ-за казенныхъ. — Но вѣдь вы знаете, что-денги эти и не пропадали, это была просто описка въ вѣдомостяхъ; такъ вотъ, когда это обнаружилось, не обрадовался ли тогда Скитскій? — Я не видала.—Но когда же измѣнился Скитскій? — Въ май мѣсяцъ; онъ сталъ угрюмый, сосредоточенный, смотрѣлъ въ одну точку. — Мы уже слышали отъ васъ, что смотрѣлъ въ одну точку (въ публикѣ смѣхъ)... — Но когда же онъ пересталъ замѣчать васъ? — Выходя отъ себя, не замѣчалъ меня.—Лѣтомъ Степанъ Скитскій жилъ одинъ?—Да, одинъ.—Гдѣ же онъ питался? дома кухни не имѣлъ? — Нѣтъ, не имѣлъ, а какъ питался, не знаю.—Кто обыкновенно ходилъ дѣлать закупки для вашихъ дачниковъ? — Сторожъ Осипъ (Котелевецъ).—А 14-го юля вы прислали провизію на дачу? — Не помню.

Зеленскій. Куда уѣхала жена Степана Скитскаго лѣтомъ 97 года?—Лѣжится. — Отъѣзду жены Скитскаго не вліяло на мужа?—Вя болѣзнь не бы-

ла особенно опасной, а потому и отъездъ ея не могъ вліять на мужа.

Быховскій. Осталось платье вашего зятя, въ которомъ онъ былъ убитъ? — Да, осталось; оно было передано полиціей и теперь хранится у насъ, въ узлѣ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было завязано сначала, оно для насъ—реликвія.— Когда и почему у васъ возникло подозрѣніе на Скитскихъ? — Въ тотъ день я съ утра до вечера была дома. Когда нашли покойнаго зятя, пріѣхавъ преосвященный Иларіонъ и сказалъ мнѣ, что случилось несчастіе. Онъ не говорилъ, какое. Я въ ужасѣ спросила: что такое? Но онъ не сказалъ, такъ и уѣхалъ. Пришелъ сторожъ Терентій и съ рыданіемъ сказалъ все. Я повѣхала и застала дочерей у трупа. Когда я взглянула, мнѣ казалось, что это не онъ. Мнѣ думалось, что это невѣроятно: я еще недавно видѣла его молодого, полного энергіи, веселаго... Я подняла глаза—кругомъ стояли чиновники консисторіи. Я увидѣла Горностаева и сказала: „А Степана Леонтьевича нѣтъ?“ и у меня въ первый разъ тутъ зародилось подозрѣніе. Горностаевъ отвѣтилъ: „нѣтъ“, и при этомъ посмотрѣлъ такъ многозначительно, что я уже и безъ словъ отлично поняла, что онъ думаетъ. Съ теченіемъ времени мое подозрѣніе все болѣе и болѣе укрѣпляли, какъ чиновники полиціи, консисторіи, такъ и другіе.

— Чѣмъ вы можете подкрѣпить послѣднее ваше заявленіе, — кто высказывалъ о своихъ подозрѣніяхъ? — Полиціймейстеръ Ивановъ не только подкрѣплялъ мое мнѣніе но и всячески убѣждалъ меня въ томъ, что убили зятя именно Скитскіе.

Карабчевскій. Ну, вотъ, полиціймейстеръ Ивановъ убѣждалъ васъ словами, а Горностаевъ глазами, — кто же еще изъ чиновниковъ думалъ на Скитскихъ? — Никто изъ консисторскихъ чиновниковъ не говорилъ объ этомъ; но жена Горностаева передавала мнѣ объ угрозахъ Скитскаго. — Горностаевъ былъ близокъ къ вамъ? — Нѣтъ, всѣ они одинаково были знакомы. — 14-го іюля вы съ дочерью дѣлали какія-либо догадки? — Нѣтъ. — А 15-го утромъ? — Я не спала всю ночь; я слышала, какъ возвращался Скитскій; я посмотрѣла на часы, — было два часа безъ 15 минутъ. — Когда вечеромъ (14-го іюля) уѣхала ваша дочь на дачу? — Не помню. — А 15-го когда пріѣхала къ вамъ? — Очень рано — часовъ въ 7.

Зеленскій. Съ января 97 года отношенія С. Скитскаго были недружелюбны? — Нѣтъ. съ мая начались недоразумѣнія съ зятемъ. — Почему вы подумали на Скитскаго? — Я его знала, а другихъ не знала. — Только потому?

Прокуроръ. О какихъ угрозахъ говорила вамъ жена Горностаева? — Я подлинныхъ словъ сказать не могу, такъ какъ они нецелзурны. — Когда же это было? — Точно не помню. — Отъ кого вы слышали объ угрозахъ? — Отъ самой Горностаевой. — Какъ вы жили въ Полтавѣ? — Очень уединенно; я могу перебрать всѣхъ нашихъ знакомыхъ: бывали у насъ преосвященные Иларіонъ и Михаилъ (викарій), Ильинскій, іеромонахъ Геннадій, д-ръ Мальцевъ, г-жа Леонова и Прохорова.

Защитникъ Куликовъ (обращаясь къ предсѣдателю). Въ виду того, что въ этомъ дѣлѣ намъ уже приходится бороться съ разными слухами и съ передачей свѣдѣній черезъ вторыхъ и третьихъ руки, я прошу занести въ протоколъ, что я протестую на основаніи 2 п. 718 ст. уст. угол. суд. противъ формы допроса, который допускаетъ представителю гражданскаго истца заявлять: „мое подозрѣніе (на счетъ Скитскихъ) укрѣпляли какъ чины полиціи и консисторіи и другія лица“, между тѣмъ на просьбу защитника Карабчевскаго назвать этихъ лицъ она рѣшительно отказалась это сдѣлать.

Объявляется перерывъ на 10 минутъ, послѣ чего вызывается свидѣтельница Дудина, прислуга и няня Комаровой.

Прокуроръ. Вы жили на дачѣ втроемъ? — Да, баринъ, барыня и я. — Каждый день ходилъ вашъ покойный баринъ? — Въ субботу и воскресенье не ходилъ. — А когда уходилъ на службу, въ сколько часовъ? — Въ половинѣ 9-го. — А возвращался когда? — Въ половинѣ 4-го, иногда въ 4 часа.

— А въ тотъ день онъ раньше хотѣлъ возвратиться? — Да, раньше. — Вы слышали? — Барыня его провожала, а когда воротилась, то и сказала мнѣ: „сегодня обѣдъ раньше готовъ, — баринъ обѣщался прійти скорѣй“. — А почему раньше? — Дѣловъ, говорить, меньше. — Гдѣ барыня была передъ обѣдомъ? — На балконѣ. — мороженое дѣлала. — Сколько времени проходилъ вашъ баринъ изъ консисторіи до дачи? — Минутъ 40, не то и меньше. — Ходила въ тотъ день барыня искать мужа? — Ходила, — вездѣ искала и въ городѣ была. — А когда легла въ этотъ день? — Совсѣмъ не ложились. — А на слѣдующій день опять пошла искать? — Да, весь день искала. — Давно ли вы живете у Комаровыхъ? — 30 лѣтъ; я съ рожденія взяла барыню на руки, вынянчила ее, да такъ и живу все время. — Много гостей бывало у вашихъ господъ? — Мало.

Быховскій. Куда спрятано платье послѣ убитаго барина? — Осипъ (Котелевецъ) принесъ мнѣ и отдалъ; и теперь все платье хранится у барыни. — Хорошо жили баринъ съ барыней? — Очень хорошо, очень хорошо. — Въ маѣ не было у нихъ неладовъ? — Никогда; такъ жили ладно, что лучше и не надо, — вотъ какъ ладно жили. — Про Скитскаго былъ разговоръ? — Да, разговаривали часто; подаешь обѣдъ или чай, слышу они разговариваютъ; тутъ я и слышала, что про него говорили. — А про другихъ чиновниковъ говорили? — Нѣтъ, про другихъ не слышала, чтобы говорили. — Гулять ходили? — Ходили, и всегда въмѣстѣ и рядышкомъ. — Около вашей дачи много ходитъ народу? — Очень мало, очень мало; рабочіе были.

Карабчевскій. Какіе эти рабочіе? — Мало ли рабочихъ, — пахали, косили, воду возили. — Барыня ходила 14 іюля встрѣчать мужа? — Ходила. — Когда она вышла съ дачи? — Въ 1/2 4-го. — А возвратилась когда? — Въ 1/2 5-го. — Проходила за мостикъ? — Да, проходила. — До Котелевца? — Донего проходила. — Безпокоилась она въ этотъ день? — Да, безпокоилась, — очень безпокоилась, такъ безпокоилась, что заплакала всю ночь. — А на дачу Скифасофскаго не ходила? — Не ходила.

Зеленскій. Вы слышали разговоръ Комаровыхъ о Степанѣ Скитскомъ, — часто они о немъ говорили? — Да, часто. — Чѣмъ же былъ недоволенъ вашъ баринъ? — Дѣла плохо вель. — А о другихъ чиновникахъ ужель никогда ничего не говорилъ? — Да, ничего не говорилъ. — Скажите, свидѣтельница, вы ничего не прятали изъ одежды убитаго? — (Повышеннымъ голосомъ и крайне раздражительно). Не прятала, никогда ничего не прятала! — Что же вы съ ней сдѣлали? — И сейчасъ лежитъ цѣла.

Быховскій. Вы не разговаривали съ бывшимъ сторожемъ Русановымъ? — Говорила. Защитникъ Зеленскій пригласилъ его къ себѣ и просилъ выступить свидѣтелемъ по дѣлу Скитскихъ. Но онъ сказалъ: „я не пойду въ свидѣтели, — не стану кривить душой и говорить, будто моя барыня жила плохо съ покойнымъ бариномъ“. Нѣтъ, они жили очень хорошо, очень хорошо, очень хорошо.

Оглашается показаніе свидѣтельница Т. Будаевской (сестры Комаровой), данное ею на предварительномъ слѣдствіи:

„Я жила у Комаровыхъ внизу, а вверху помещалась квартира Степана Скитскаго. 14 іюля (97 г.) явилась къ намъ сестра часовъ въ 7 вечера и сообщила, что ея мужъ, Комаровъ, со службы не возвратился на дачу. Въ эту ночь я не спала и слы-

шала, что въ два часа ночи (часы били, я помню) кто-то возвращался въ квартиру Скитскихъ; мнѣ показалось, что шаги возвращавшагося были не совсѣмъ увѣренны. Я полагала, что убійство Комарова могъ совершить Степанъ Скитскій или одинъ или съ кѣмъ-либо другимъ... Комаровъ, по возвращеніи со службы, не разъ говорилъ, что Степанъ Скитскій дѣлаетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и онъ хотѣлъ перевести его изъ казначеевъ въ столоначальники; Комаровъ рассказывалъ однажды, что наконецъ-то и отцы-члены согласились съ нимъ. Я слышала, что Скитскій былъ недоволенъ Комаровымъ и хотѣлъ жаловаться въ синодъ.

Выховскій ходатайствуетъ передъ палатой о приобщеніи къ числу вещественныхъ доказательствъ платья убитаго.

Карабчевскій энергично протестуетъ, причѣмъ свой протестъ заканчиваетъ словами: „еще неизвѣстно, что намъ покажутъ“.

Палата оставила вопросъ открытымъ.

Вызывается свидѣтель, бывшій консисторскій сторожъ Осипъ Котелевецъ.

Прокуроръ. 14 іюля въ которомъ часу ушелъ Комаровъ изъ консисторіи?—Около половины 3-го, —немного ранѣе.—Почему вы это знаете?—Въ $\frac{1}{2}$ 3-го я пришелъ въ кабинетъ для уборки и секретаря уже не было тамъ.—Вы ходили въ тотъ день къ тещѣ Комарова?—Ходилъ, секретаря велѣлъ.—Записки носили?—Нѣтъ, никакихъ записокъ не носилъ. Онъ мнѣ на словахъ поручилъ произвести кое-какія закупки, и когда я пришелъ съ ними, секретаря уже не было, —онъ ушелъ домой.— Каждый день онъ уходилъ такъ?—Иногда сидѣлъ и послѣ трехъ съ половиною часовъ.—Вы были въ тотъ день на дачѣ?—Да, былъ, а покупки сдѣлалъ раньше.—Въ которомъ часу пришли на дачу?

— Въ семь съ половиною часовъ. Комарова спрашиваетъ: „а гдѣ же баринъ? онъ былъ у васъ въ консисторіи“? Я говорю былъ, а теперь нема баринъ, —ушелъ изъ консисторіи. „Какъ такъ? спрашиваетъ меня, я его все жду и еще не обѣдала“. Барыня пошла въ городъ. Я посидѣлъ въ кухнѣ и тоже вскорѣ пошелъ. На другой день опять поджидаемъ, —нѣтъ, не пришелъ секретарь. Часовъ въ 12 пришелъ протоіерей Ураловъ и велѣлъ чиновникамъ идти искать Комарова; и я пошелъ.—Гдѣ же вы искали? Отъ самаго города; у балочекъ; до тѣхъ поръ искали, пока не повстрѣчался мальчикъ. Я спрашиваю: „не слыхалъ ли чего?“ Онъ сказалъ, что видѣлъ Комарова ближе къ мостику (къ дачѣ) и мы пошли ближе къ дачѣ.—Когда вы вышли изъ консисторіи 14 іюля, то кто тамъ оставался?

— Сторожа Клименко и Шипитыко, а я пошелъ въ лавки, и снова возвратился въ началѣ 6-го.—И тогда оба сторожа были?—Да, были.—По какой дорогѣ вы ходили на дачу къ Комарову?—Мимо Павленокъ; всегда такъ, когда грязь, ну, тогда ходилъ по Колошійской; мостикъ оставался вправо (отъ города). Я ходилъ черезъ овраги мимо опытнаго поля.—Почему вы такъ ходили?—Тутъ холодно да и ближе.— На много ближе?—Минуть на 10 ближе.— Почему знаете, что на 10?—Я съ Комаровымъ раза два ходилъ и онъ мнѣ сказалъ: „нѣтъ, здѣсь не буду ходить,—приходится лазить черезъ овраги“. И тутъ-то я узналъ, что здѣсь ближе на 10 минутъ.— Когда Степанъ Скитскій ушелъ 14-го числа изъ консисторіи?—Часовъ въ 11.—Куда, не знаете?—На почту и потомъ въ монастырь; онъ всегда говоритъ, куда идетъ, чтобы знали, кто его спросить.—А когда возвратился?—Вечеромъ, часовъ около двухъ.—Одинъ? Нѣтъ, съ братомъ Петромъ.

Быховскій. Въ то время жена Скитскаго была на дачѣ?—Да, на дачѣ.—А гдѣ онъ обѣдалъ?—Слыхалъ, что сторожъ Шипитыко приносилъ ему ѣсть.— Не видали, чтобъ въ тотъ день (14-го іюля) кто-нибудь приносилъ ему обѣду?—Не видалъ.— Вы были въ квартирѣ Скитскаго послѣ убійства Комарова?—

Былъ.—Что тамъ видѣли?—Остатки рыбы, хлѣба и бутылку изъ-подъ водки.

Карабчевскій. Женской прислуги не было у Скитскаго?—Нѣтъ, не было.—Утромъ 14-го іюля Степанъ Скитскій возвращался въ консисторію?—Не знаю.—А вы слышали отъ другихъ, что возвращался?—Да, слышалъ, что приходилъ.— Около дачи Комарова есть озеро?—Есть, даже два есть.—Ходили черезъ мостикъ?—Ходилъ, когда грязно.—Если бы 14-го іюля вы шли по дорогѣ черезъ мостикъ, то могли бы увидѣть зонтикъ?—Да, увидѣлъ бы.— А шляпу?—И шляпу замѣтилъ бы.—А кто первый нашелъ трупъ—вы?—Нѣтъ,—человѣка два; когда я прибѣжалъ, то тамъ было уже человѣкъ 5.

Зеленскій. Сколько времени вы ходили по этой дорогѣ?—Больше часу.—А какъ же вы говорили, что скорѣй тутъ ходить?—Это Комаровъ говорилъ, что скорѣй.—Поля, по которымъ вы проходили, засѣяны были въ этомъ году?—Да засѣяны.—А работали въ это время на поляхъ?—Да, работали, помню, что работали.—А ходили по этой дорогѣ другіе?—Ходили, многие ходили; а тогда еще была ярмарка.—Можно по такой дорогѣ пройти незамѣченнымъ?—Нѣтъ, никакъ невозможно, чтобъ не примѣтили.—А по той дорогѣ можно бѣжать?— Тутъ овраги; приходится идти осторожно.

Куликовъ. Вы видѣли вылощенное мѣсто между кустами, гдѣ лежало тѣло Комарова?— Видѣлъ.—Можно ли оттуда видѣть идущихъ по дорогѣ изъ Полтавы?—Нѣтъ, тамъ кусты.—Всѣ чиновники искали Комарова 15-го іюля?—Нѣтъ, не всѣ.—А кто же искалъ?—Не помню.—На заводѣ Склифасовскаго были люди?—Да, тамъ работаютъ, и народъ постоянно тутъ ходитъ.

Куликовъ проситъ огласить показаніе свидѣтеля Котелевца, данное имъ въ засѣданіи Харьковской судебной палаты, въ виду его замятованія; тамъ свидѣтель показывалъ, что не ходили искать Богацскій, Знайковъ и Головки.

Карабчевскій. Такъ вы говорите, что зонтикъ вы увидѣли бы съ мостика?— Конечно, увидѣлъ бы,—какъ глянулъ бы, такъ и увидѣлъ бы.

Прокуроръ. Вы слышали отъ лица Мазанова о томъ, что Степанъ Скитскій возвращался въ консисторію 14-го іюля?—Да отъ него слышалъ.—Когда онъ возвращался?—Не знаю.—Въ которомъ часу Скитскій обыкновенно уходилъ по дѣламъ?—Часовъ въ 11 ходилъ.—А 15-го іюля онъ когда вышелъ изъ консисторіи?— Не помню.

Прокуроръ проситъ огласить показаніе свидѣтеля Котелевца, гдѣ говорится, что Степанъ Скитскій утромъ 15-го іюля ушелъ изъ консисторіи до 1 часовъ.

Карабчевскій. Раньше вы носили записки къ тещѣ Комарова?— Случалось.— Часто?— Нѣтъ, рѣдко.—А изъ вашихъ сторожей никто не носилъ въ тотъ день записки?—Нѣтъ, никто не носилъ.

Экспертъ проф. Оболонскій.

Какого цвѣта было лицо у убитаго?—Не помню.— Были ли кровавыя пятна на одеждѣ убитаго?— Не замѣтилъ.

Зеленскій. Въ грязное время вы ходили около кирпичнаго завода, далеко отсюда виденъ мостикъ?— Да, виденъ далеко.—А если выходить съ дачи, можно было съ горы видѣть мостикъ?— Нѣтъ; а если спускаться къ мостику, то видно.

Быховскій. Вы хорошо видите?—Средственно.—А Комаровъ?—Онъ лучше меня видѣлъ.

Зеленскій. А что Комаровъ былъ сильный или слабый?—Ничего.—Поднималъ ящики въ консисторіи?— Не замѣчалъ.

Вызывается свидѣтель Кошевой, водовозъ, возившій воду изъ пруда, находившагося около дачи покойнаго Комарова, на кирпичный заводъ Склифасовскаго; эта дорога шла черезъ мостикъ, около котораго, какъ думаютъ представители обвиненія, произошло убійство.

Кошевой. Я вожу воду из пруда на заводъ Склифасовскаго... Тогда я везу первую бочку и повстрѣчалъ Комарова; я и раньше, (въ другіе дни, его встрѣчалъ, какъ онъ проходилъ. Вылить эту бочку, поѣхалъ за водой на прудъ, повстрѣчалъ Комаровшу (Комарову). Комаровша шла къ городу...

Зеленскій. Скажите, свидѣтель, съ какого часу по какой вы возите воду?—Послѣ обѣда.—Когда же именно?—Какъ запрятку, такъ и поѣду.—Конечно такъ, но въ которомъ же это часу?—Когда я ѣхалъ съ первой бочкой, повстрѣчалъ Комарова, а когда вылилъ воду и поѣхалъ въ прудъ, повстрѣчалъ Комаровшу.—Но когда же вы начинаете возить послѣ обѣда въ какомъ часу?—А почему я знаю, въ какомъ.—Сколько времени нужно для того, чтобы налить бочку и привезти ее на заводъ?—Я не считаю.—Ну, два часа, часъ, меньше?—Съ полчаса надо.

Зеленскій (къ предсѣдателю). Ваше превосходительство, въ виду сбивчивости показаній свидѣтеля Кошевого, я просилъ бы огласить его показанія, данныя имъ при разбирательствѣ дѣла Скитскихъ ранѣ.

Карабчевскій (къ Кошевому). Скажите пожалуйста, свидѣтель, вы можете указать намъ то мѣсто, гдѣ вы встрѣтили Комарова? Кошевой. Могу указать.—Вы говорите, съ водою ѣхали, значитъ съ пруда на заводъ?

Прокуроръ. Вы воду возите на волахъ?—На волахъ.—Сколько ведеръ въ вашей бочкѣ?—Ведеръ съ 30 будетъ.

Прокуроръ также проситъ огласить прежнія показанія свидѣтеля Кошевого.

Карабчевскій. Когда васъ полиція допрашивала въ первый разъ?

Кошевой. 17 (юля).

„Служу водовозомъ, гласитъ показаніе Кошевого, данное имъ у слѣдователя; я вожу воду послѣ обѣда въ бочкѣ на волахъ... Поѣхалъ я въ тотъ день съ первой бочкой воды и, проѣзжая мостикъ, никого не видалъ; я спустилъ воду и поѣхалъ обратно; я не могу припомнить, спустя сколько времени поѣхалъ снова за водой. Проѣзжая обратно за водой на прудъ черезъ мостикъ, я никого не видѣлъ. Раньше я не видѣлъ, чтобы кто проходилъ здѣсь“.

Изъ другого его показанія видно, что бочка вмѣщаетъ 60 ведеръ; разстояніе пруда отъ завода около 1/2 версты; Комарова онъ встрѣтилъ часа въ 3, а можетъ быть и позже.

Оглашается показаніе неявившагося по законной причинѣ свидѣтеля Караццоны, откуда видно, что онъ тоже водовозъ; возилъ воду на лошадахъ: выѣхалъ раньше Кошевого и обогналъ Комарова, когда возвращался съ пустою бочкой (отъ завода); это было не далеко отъ мостика по сю сторону (ближе къ Полтавѣ); время свидѣтель опредѣляетъ: „можетъ быть въ три, а можетъ быть въ четыре часа“. Никакого крика свидѣтель не слышалъ; на обратномъ пути никого не встрѣчалъ; но когда налилъ бочку воды и поѣхалъ обратно (на заводъ), то видѣлъ, какъ Комарова слѣдомъ за нимъ шла съ горы къ мостику; разстояніе пруда отъ мостика—шаговъ 160—170. Потомъ, когда свидѣтель ѣхалъ въ другой или третій разъ, то онъ видѣлъ, какъ Комарова шла назадъ,—съ какой-то барыней онъ ихъ обогналъ тамъ же, гдѣ и Комарова въ первый разъ.

Карабчевскій (къ Комаровой). Съ какой барыней вы шли? Комарова. Я шла одна. Прокуроръ. Можетъ быть Дудина („няня“) ходила съ вами?—Нѣтъ, она не ходила.

Вызывается свидѣтельница Бородаева. Она очень взволнована и съ трудомъ можетъ говорить. Ей предлагаютъ стаканъ воды и стулъ, но она отказывается.

„Это было въ 3 часу дня, передъ обѣдомъ; домъ нашъ стоитъ на горѣ; я вышла во дворъ, не идеть ли со службъ мой братъ... (Задыхается. „Я устала.

не ѣла съ утра и ослабла). Случайно взглянула на поляну, я увидѣла двѣ фигуры, одну въ бѣломъ, другую въ темномъ костюмѣ. Предположивъ, что это мой братъ, я посмотрѣла въ бинокль и замѣтила, что ошиблась; заинтересовавшись тѣмъ что неизвѣстныхъ лица идутъ очень быстро, я слѣдила въ бинокль, пока они дошли до тополя (я его вамъ покажу), потомъ стала слѣдить простымъ глазомъ. Пришла Ващенко (прислуга) и я сказала: смотрите, какъ они бѣгутъ, но та не поинтересовалась взглянуть. Когда они добѣжали до груши (я и ее вамъ покажу во время осмотра), я настойчиво повторила: „смотрите, какъ они бѣгутъ!“ Тогда она посмотрѣла и сказала: „бѣгутъ, якъ сумасшедшіе“. Я не помню, было ли это 14 іюля, но я утверждаю, что это было между 10 и 15 іюля. И вотъ почему. 10 іюля я только что прѣехала изъ Кіева въ Полтаву; 11 (въ пятницу) не было старухи (Ващенко) дома и я не могла съ ней разговаривать; относительно субботы (12) я сомѣвалась; но потомъ припомнила, что въ этотъ день братъ было на охотѣ, и со службъ ждать его не могла; въ воскресенье (13) занятій не было,—братъ на службу не ходилъ и я тоже не могла ждать его къ обѣду; а 16 это не могло быть потому, что я тогда уже знала объ убійствѣ Комарова. Значитъ, это было или 14 или 15 іюля. Еще я припоминаю, что въ тотъ день, когда это случилось, утромъ, случайно на базарѣ я слышала, какъ экономъ кадетскаго корпуса дѣлалъ закупки къ предстоящему празднику въ лагерѣ.

Я предположила, что видѣнные мною лица шли въ лагеръ. Недѣлю спустя у меня явилось предположеніе, что видѣнные мною лица могли спѣшить къ мѣсту убійства. Одинъ былъ выше ростомъ и толще, другой ниже и тоньше; первый былъ одѣтъ въ свѣтлый костюмъ и я замѣтила, какъ блеснули пуговицы, когда онъ повернулся; другой бѣгушій былъ одѣтъ въ черное. Когда я попала въ свидѣтельница? задаетъ себѣ вопросъ г-жа Бородаева и отвѣчаетъ: объ убійствѣ Комарова я узнала 15 іюля отъ старухи Ващенко; но я придавала особеннаго значенія видѣнному мной; не я рассказывала объ этомъ частному повѣренному Баранову, а послѣдній подалъ заявленіе прокурору.

Я жду съ нетерпѣніемъ осмотра мѣстности, и я прошу палату показать мнѣ рисунки, какіе дѣлала при разбирательствѣ дѣла въ Харьковской судебной палатѣ.

Быховскій. Вы видѣли собаку, когда бѣжали два человѣка черезъ полянку?

— Нѣтъ, не видала. (Послѣ паузы). Ахъ, нѣтъ, виновата, я помню, что часовъ въ 8 того дня я видѣла двоихъ въ бѣломъ и черномъ; съ ними была собака.

Зеленскій. Когда вы читали обвинительный актъ по дѣлу Скитскихъ?—Передъ первымъ судебнымъ разбирательствомъ.—Черезъ сколько времени вы заявили о томъ, что теперь показываете?—Черезъ два года.—Почему же раньше молчали?—Я говорила многимъ о томъ, что видѣла; но я не знала, что меня привлекутъ въ качествѣ свидѣльницы.

Вызывается свидѣтельница Ващенко, прислуга Бородаевой. Она говоритъ на ломаномъ хохладкомъ нарѣччіи и въ сущности подтверждаетъ показаніе Бородаевой.

„Я стояла возлѣ хаты и разговаривала со своей знакомой; барышня меня подзываетъ и говоритъ: дай мнѣ съ окошка бинокль,—не братъ ли мой идетъ со службъ. Я принесла ей бинокль; барышня поглядѣла и говоритъ: „нѣтъ, это не онъ. Гляди, тутъ двое бѣгутъ, какъ сумасшедшіе; я взглянула и увидѣла, какъ бѣжали двое—одинъ въ бѣломъ, другой въ черномъ; они бѣжали въ гору и отъ груши повернули направо. О смерти Комарова узнала я отъ своего сына и утромъ 16 пошла по-

смотрѣть. Группъ лежалъ въ кустахъ, которые я разбирала руками, чтобы увидѣть убитаго.

По ходатайству Карабчевскаго оглашается прежнее показаніе Ващенко, гдѣ она говоритъ: „Когда я видѣла бѣгущихъ, не помню“.

Зеленскій. Въ которомъ часу вы узнали, что Комаровъ убитъ?

Свидѣтельница сильно путается, утверждая, что это было 15 іюля „въ полдень“; но оказалось, что подъ „полднемъ“ она разумѣетъ 6 часовъ вечера (половина отъ 12 дня до 12 ночи).

Свидѣтель Отто Петерсонъ. 14 іюля приблизительно въ два часа дня я съ сыномъ проходилъ по полянѣ мимо еврейскаго кладбища; съ нами была собака, недавно купленная, которую мы прогуливали и которая скрылась въ кававъ; намъ пришлось бѣжать за нею по кустамъ, а потомъ черезъ полянку Отдохнуть немного, мы вернулись тою же дорогою домой. Все это мнѣ хорошо запомнилось, потому что числа 17 іюля въ „Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ было напечатано извѣстіе объ убійствѣ Комарова 14 числа; и вотъ я тогда подумалъ, что если бы пойти намъ съ собакой дальше, то мы пришли бы какъ разъ къ мостику. Я тогда же писалъ письмо въ редакцію, но моего заявленія не напечатали.

Членъ палаты Грабаръ. Зачѣмъ вы бѣжали?

Петерсонъ. Мы думали, что собака что-нибудь гонитъ; она у насъ молодая, и намъ хотѣлось узнать, какова она и умѣетъ ли искать дичь.

Членъ палаты Каменцовъ спрашиваетъ свидѣтеля о кострахъ; но Петерсонъ отвѣчаетъ, что никакихъ костровъ тогда не горѣло, такъ какъ дѣло было днемъ, а стояли около кустовъ сложенные дрова.

Прокуроръ. Вы въ чемъ были одѣты 14 іюля? О. Петерсонъ. Не помню хорошо, или въ парусинной блузѣ или въ суровомъ пиджакѣ.

Карабчевскій. Какія у васъ туговицы на пиджакѣ?—Перламутровыя. — А вашъ сынъ во что былъ одѣтъ?—Сынъ въ черноватой блузѣ. — Вы не видѣли, чтобы кто-нибудь другой въ то время бѣжалъ по полянкѣ?—Нѣтъ, никого не видалъ.

Карабчевскій. Скажите, свидѣтель, вы когда обѣдали въ тотъ день, о которомъ идетъ рѣчь?—Между 12 и 1 часомъ дня. — Вы когда погнались за собакой?—Когда замѣтили, что она побѣжала къ канавѣ. — Въ чемъ вы были одѣты?—Въ черномъ. — У васъ новая собака?—Да, она была тогда только куплена, и мы ее пробовали.

Выховскій. Вы тогда были ниже?—Да. — Насколько?—Не могу сказать, — можетъ быть на $\frac{1}{2}$ вершка. — Зачѣмъ же вы побѣжали?—Да я уже сказалъ, что нужно было узнать, чего собака ищетъ. — Но почему и вы побѣжали и отецъ?—Я въ охотѣ ничего не понимаю, и хотѣлъ только выслѣдить собаку, а отецъ могъ бы опредѣлить, способна ли она. — Но отецъ вашъ уже не молодой, — онъ, конечно, дорожитъ своимъ здоровьемъ, и бѣгать, особенно въ жаркій день ему трудно?

Карабчевскій. Вашъ отецъ охотникъ?—Да. — Онъ, конечно, привыкъ бѣгать?—Да.

Выховскій. Вы писали письмо въ редакцію?—Я не писалъ, а отецъ писалъ. — Но вы подписывались подъ письмомъ?—Подписывался. — А помните, что тамъ было написано?—Это было давно, теперь я не помню.

Въ 7 час. 40 мин. объявляется перерывъ засѣданія.

Особое присутствіе суд. палаты резолюціей, объявленной 28 мая, признало бр. Скитскихъ по суду оправданными.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Московскій окружный судъ.

Дѣло Елагина.

12 и 13 мая 1900 г. слушалось въ Московскомъ окружномъ судѣ дѣло потомственного почетнаго гражданина Ив. Ив. Елагина, обв. по 1489 ст. улож. о нак.

Предсѣдательствовалъ Д. А. Нилусъ, обвинялъ тов. прок. В. В. Цубербилеръ, повѣреннымъ гражданскаго исца выступилъ прис. пов. Сахаровъ, защищалъ подсудимаго прис. пов. С. А. Андреевскій съ своимъ помощникомъ Гольдштейномъ.

По обвинительному акту сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ.

Въ началѣ 1895 года Елагинъ взялъ къ себѣ въ домъ на воспитаніе и для совмѣстныхъ игръ съ его малолѣтней дочерью семилѣтнюю дѣвочку мѣщанку. Елизавету Иванову Жукову, которая и стала проживать у него сперва въ Москвѣ, затѣмъ дѣлтомъ 1895 года на дачѣ въ Пушкинѣ, а съ августа по май 1896 года заграницей въ Аркашонѣ, Каннѣ и Баденъ-Баденѣ. По возвращеніи въ Москву, Елагинъ немедленно отправилъ Жукову къ ея родителямъ съ дворникомъ Иваномъ Трунцовымъ, удостоившимъ, что хотя дорогою ему дѣвочка ничего не говорила, но произвела на него впечатлѣніе больного ребенка. При появленіи Жуковой въ домѣ родителей и мать ея Анастасія Прохорова и отецъ Иванъ Яковлевъ, а также ихъ квартирантки Акулина Кузнецова и Евдокія Павлова были поражены происшедшей съ Елизаветою Жуковой перемѣной: изъ бойкой и смышленной дѣвочки она превратилась въ запуганную и „словно сумасшедшую“; на рааспросы о путешествіи она сначала ничего не отвѣчала и только плакала, а черезъ нѣкоторое время рассказала, что Елагинъ ее сильно билъ, дралъ за волосы и ставилъ на колѣни на горчичники. Осмотрѣвъ тогда же дочь, родители ея въ присутствіи Кузнецовой и Павловой обнаружили на головѣ ребенка плѣшину, а на тѣлѣ червыя пятна. Объ истязаніяхъ дочери Анастасія Жукова заявила полиціи, а произведеннымъ 24-го мая 1896 года освидѣтельствомъ Елизаветы Жуковой врачомъ Тверской части Пронинымъ установлено, что на волосистой части головы дѣвочки 14 бѣловатыхъ пятенъ, въ видѣ плѣшинъ, различной формы и величины, а на задней части обоеихъ бедеръ, подъ ягодичными складками, имѣются буроватыя пятна, величиною въ игральную карту. По высказанному тогда же врачомъ Пронинымъ мнѣнію, плѣшины на головѣ Жуковой произошли отъ вырыванія волосъ, а измѣненія кожи на бедрахъ были вызваны повторнымъ прикладываніемъ и продолжительнымъ держаніемъ на бедрахъ раздражающихъ веществъ, каковыми могли быть и горчичники.

Поврежденія эти и признаны врачомъ Пронинымъ легкими, но по его мнѣнію они носятъ характеръ истязанія.

При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія, по ходатайству Елагина Елизавета Жукова была вторично освидѣтельствована черезъ профессоръ Московскаго университета Нейдинга, Поспѣлова и Мороховца. Этими вторыми освидѣтельствомъ установлено, что Жукова съ перваго дѣтства была малокровнымъ, слабымъ и золотушнымъ ребенкомъ. При освидѣтельствovanіи наблюдались признаки гнойничковаго воспаленія кожи, и обнаруженъ рубецъ на правой темянной области, происшедшій повидимому отъ ушиба тупымъ орудіемъ. Не отрицая правильности выводовъ врача Пронина, вторая экспертиза не отвергла возможности происхожденія плѣшинъ на головѣ Жуковой отъ вырыванія волосъ, причемъ такое насильственное вырываніе во-

лось могло дать толчок къ началу гнойничковаго воспаления кожи, но въ то же время экспертиза признала, что гнойничковое воспаление кожи могло развиться самостоятельно и повести къ произвольному выпаденію волосъ и образованію плѣшивъ. Что же касается до описанныхъ врачомъ Пронинымъ измѣненій кожи на бедрахъ, то и вторая экспертиза признала, что такіа измѣненія кожи вызваны какимъ-либо долго продолжавшимся раздраженіемъ кожи, между прочимъ и отъ горчичниковъ.

Показаніями самой потерпѣвшей дѣвочки Жуковой на предварительномъ слѣдствіи установлены слѣдующія данныя: первое время, по поступленію ея въ семью Елагина, ей жилось недурно, хотя ее изрѣдка наказывали, но ставили только въ уголъ или на колѣни; съ переѣздомъ въ Пушкино ея положеніе измѣнилось къ худшему. Елагинъ началъ ее бить кулаками по лицу; за границей же онъ билъ ее почти каждый день. Поводами къ насиліямъ надъ ней служили обыкновенно жалобы малолѣтней Надежды Елагиной и ея матери, которая по болѣзни рѣдко была сама потерпѣвшую, а чаще поручала это мужу; но затѣмъ осматривала знаки сѣченія или побоевъ и нерѣдко находила, что наказаніе было недостаточно строго. По объясненію Елизаветы Жуковой Елагинъ большею частью удвигалъ ее для наказанія въ паркъ и тамъ сѣкъ ремненнымъ кнутомъ или веревкой, а разъ избилъ ее прутомъ до крови; часто онъ ставилъ ее на колѣни съ поднятыми вверхъ руками и прикладывалъ къ ягодицамъ или колѣнамъ мокрые горчичники заставляя ее подолгу не измѣнять принятаго положенія; кромѣ того ее на цѣлые дни лишали пищи и таскали за волосы по комнатамъ; когда же Елагинъ уходилъ изъ дома, то ее нерѣдко привязывали цѣпью за ногу къ окну, а ночью къ задвижкѣ отъ двери.

Приведенныя утвержденія дѣвочки Жуковой нашли себѣ подтвержденіе въ цѣломъ рядѣ свидѣтельскихъ показаній: такъ Екатерина Жирова, служившая у Елагина за границей съ августа по ноябрь 1895 года нянкой, удостовѣрила, что Елагинъ каждый день билъ кулаками Лизу Жукову, сѣкъ ее до причиненія широкихъ кровавыхъ рубцовъ, „жигалъ“ ее ногами, дралъ за уши, таскалъ за волосы, вырывая ихъ ключьями, морилъ ее голодомъ, ставилъ ей горчичники разъ шесть въ двѣ недѣли, такъ что тѣло дѣвочки „становилось похожимъ на говядину“; поспунали съ Жуковой, по словамъ свидѣтельницы, такъ жестоко за то, что она не умѣла угодить крайне избалованной и капризной дочери Елагиныхъ, которую очень любила мать, женщина больная и раздражительная, имѣвшая на мужа большое вліяніе. Затѣмъ свидѣтельница Анисья Кондратьева, Марфа Алешина, Екатерина Клингъ и Таисія Жуйкина, служившія у Елагина въ 1895 году въ Москвѣ и на дачѣ въ Пушкинѣ въ разныхъ должностяхъ, показали, что Елагинъ морилъ дѣвочку Жукову голодомъ, колотилъ ее, таскалъ за волосы, дралъ за уши. Кромѣ того, свидѣтельница Жуйкина удостовѣрила, что однажды Елагинъ такъ оттаскалъ Жукову за уши, что у нея пошла кровь. Свидѣтельница же Кондратьева установила, что разъ Елагинъ сильно побилъ Жукову по головѣ и у нея изъ носа пошла кровь; когда же Елагинъ морилъ Жукову голодомъ, то какъ то свидѣтельница сжалилась надъ дѣвочкой и дала ей поѣсть,—это увидаль Елагинъ и, бросившись къ Жуковой, вынулъ у нея изо рта кусочекъ хлѣба, послѣ чего побилъ ее по головѣ. Что касается до обращенія Елагина съ Елизаветой Жуковой за границей, то по ссылкѣ Елагина на предварительномъ слѣдствіи, допрошенъ цѣлый рядъ лицъ, проживающихъ въ заграничныхъ курортахъ. Изъ этого ряда свидѣтелей графиня Надежда Толстая, Целагея Апраксина, Амалія Муйде, Прасковья Азарова, Эрнестъ Лим-

михъ и Бертранъ Дюбось подтвердили отчасти справедливость показанія Елизаветы Жуковой о жестокомъ съ ней обращеніи Елагина.

Однако изъ свидѣтелей, встрѣчавшихъ семью Елагина за границей, нѣкоторые, спрошенные по ссылкѣ на нихъ Елагина, какъ то Людвигъ Таммъ, Куртъ Шмидтъ (п. 38 об.), Германъ Розе, священникъ Григорій Остроумовъ (п. д. 442) и Гумбертъ Луиза Феррасъ удостовѣрили, что хотя они часто видѣлись съ Елагинымъ, но никогда не замѣчали, чтобы онъ дурно обращался съ дѣвочкой Жуковой; послѣдняя производила на нихъ впечатлѣніе довольно, веселаго и счастливаго ребенка, которому хорошо жилось въ семьѣ Елагиныхъ.

По удостовѣренію названныхъ выше свидѣтельницъ Жировой, Кондратьевой, Алешиной и Жуйковой, Елизавета Жукова всегда была дѣвочкой скромной, крайне послушной и тихой, тогда какъ по отзыву тѣхъ же свидѣтельницъ Иванъ Елагинъ отличался злымъ характеромъ и съ прислугой обращался крайне дурно.

Послѣ того, какъ Елагинъ отпустилъ Елизавету Жукову, онъ замѣнилъ ее послѣдовательно другими дѣвочками, но слѣдственной власти удалось обнаружить лишь одну такую дѣвочку, сироту Марью Козлову, 8 лѣтъ; послѣдняя при допросѣ показала, что ей жилось у Елагина очень дурно: онъ постоянно билъ ее по щекамъ, дралъ за уши, таскалъ за волосы и морилъ голодомъ; однажды на дачѣ въ Звенигородѣ Елагинъ поставилъ ей въ то время, какъ она спала, горчичникъ на спину; наказывалъ же ее Елагинъ, по словамъ Козловой, всякій разъ, какъ только она не угождала его капризной и избалованной дочери. Эти заявленія Козловой нашли себѣ полное подтвержденіе въ показаніи свидѣтельницы, няни въ семьѣ Елагина, Прасковьи Гордѣевой.

Во время производства слѣдствія жена Елагина Надежда Александровна умерла, а привлеченный къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго Иванъ Ивановъ Елагинъ не призналъ себя виновнымъ въ изнasanіяхъ дѣвочки Жуковой и въ оправданіе свое утверждалъ, что показанія потерпѣвшей и большинства свидѣтелей—сплошная ложь, вызванная ихъ желаніемъ получить съ него деньги за вымышленное обвиненіе.

Судебное слѣдствіе началось допросомъ потерпѣвшей Елизаветы Жуковой. Она подтвердила показаніе, данное ею у судебного слѣдователя, добавивъ на вопросъ сторонъ, что дочь Елагиныхъ, съ которой она должна была играть, была очень капризна, на нее нельзя было угодить и изъ-за нея ее, Жукову, наказывали. Горчичники ей прикладывали очень часто, и иногда послѣ этого сѣкли по этимъ мѣстамъ. Иногда Елагинъ клалъ горчичники на стулъ и сажалъ ее на нихъ обнаженнымъ тѣломъ, привязывая къ стулу. Случалось, что ее оставляли въ такомъ положеніи часъ и больше. Иногда Елагинъ, поставивъ ее на колѣни, черезъ нѣсколько времени подходилъ къ ней и, поднявши подолъ, начиналъ сѣчь. Жаловаться ей было некому, сообщить родителямъ она не могла, да и боялась Елагина. Когда они возвращались изъ-за границы въ Москву, Елагинъ, за что-то разсердившись на нее, грозилъ выбросить ее изъ вагона.

Показаніе матери потерпѣвшей удостовѣряло, что до поступленія къ Елагинымъ Лиза была совершенно здоровой дѣвочкой; ни золотухи, ни другихъ страданій у нея не замѣчалось, а по возвращеніи домой изъ-за границы ее узнать было нельзя; она выглядѣла совсѣмъ больною, была видимо запугана и насилу рассказала о томъ, что съ ней было. Когда она вернулась домой, она косила глазами, потому что это прошло, но и теперь она жалуется на боли въ головѣ и въ боку.

Екат. Жирова, нянька Елагиныхъ, показала, что въ теченіе всего пребыванія своего за-границей въ

семь Елагиныхъ она не переставала возмущаться безжалостнымъ обращеніемъ Елагина съ дѣвочкой. Дочь Елагиныхъ была дѣвочка до нельзя избалованная и капризная, и Жукову по ея жалобамъ очень часто наказывали. Свидѣтельница не помнить, говорила ли она у слѣдователя, что Жукову поролли ремнемъ, можетъ и говорила со словъ самой Жуковой, но сама этого не видала, такъ какъ Елагинъ уводилъ дѣвочку для сѣченія въ лѣсъ, а билъ дѣвочку при ней часто, безъ всякой осторожности. Такъ, разъ Иванъ Ивановичъ ударилъ Жукову кулакомъ по головѣ и жена этого не одобрила, сказавъ, что по головѣ бить не надо. Если она не видала сѣченія, то слѣды его—полосы и окровавленные, припухшіе рубцы на тѣлѣ дѣвочки видѣла не разъ. Наказаніе горчичниками она тоже видѣла. Горчичники прикладывали такъ часто и такъ долго держали, что кожа слѣзала и видно было мясо. Дѣвочкѣ это, конечно, причиняло сильное страданіе, ей даже ходить трудно было, а Елагины заставляли ее играть и бѣгать съ ихъ дочерью; не исполнить этого она не смѣла, иначе ей грозили новыя наказанія. Довести до свѣдѣнія властей о такихъ истязаніяхъ свидѣтельница, не зная никакого языка кромѣ русскаго, не могла, но многимъ изъ проживавшихъ въ Аркашонѣ и Каннѣ русскихъ она говорила. Такъ, она говорила объ этомъ графинѣ Толстой, да та и сама многое видѣла. Священнику Остроумову она не говорила, но слышала, что ему сообщалъ объ этомъ хозяинъ гостиницы, но тотъ никакихъ мѣръ не принялъ. Вернувшись въ Москву ранѣе Елагиныхъ, она розыскала родителей Жуковой и рассказала имъ, какъ обращаются съ ихъ дочерью. Съ Елагиными у свидѣтельница никакихъ ссоръ или непріятностей не было. На вопросъ о томъ, для чего нужны были такія жестокости по отношенію къ Жуковой, свидѣтельница отвѣтила, что Жукова была дѣвочка хорошая, послушная, добрая и своимъ поведеніемъ не вызывала такого обращенія съ ней, а Елагины просто находили наслажденіе въ такихъ наказаніяхъ. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что наказанія нужны были для удовлетворенія и успокоенія жаловавшейся на Жукову дочери Елагиныхъ. Сама Елагина была женщина большая, въ высшей степени раздражительная, и имѣла большое влияние на мужа.

Изъ прочитаннаго показанія отца дѣвочки и выслушаннаго показанія ея матери выцѣпляется на сцену, что къ портному Жукову приходилъ нѣкто Михельсонъ и зарекомендовывалъ себя весьма щедрымъ заказчикомъ. Жукову онъ платилъ безъ торгу, а женѣ Жукова заказалъ бѣлье. Затѣмъ онъ завелъ съ Жуковой рѣчь о дѣлѣ ихъ съ Елагинымъ и предлагалъ деньги за мировую. Онъ далъ женѣ 2,000 руб. и 500 р. мужу, которому сверхъ того обѣщали мѣсто управляющаго имѣніемъ, и Жуковы подписали у нотариуса договоръ, которымъ отказываются отъ всякихъ претензій къ Елагину.

Читается затѣмъ показаніе прис. пов. Е. Р. Ринка, заполняющее тѣ пробѣлы, которые остались послѣ ознакомленія съ дѣятельностью Михельсона.

Г. Ринкъ взялся защищать Елагина за 5,000 р., изъ которыхъ получилъ 3,000 р. авансомъ. Отправляясь для лѣченія за границу, г. Ринкъ мимоходомъ предполагаетъ собрать кое-какія свѣдѣнія о лицахъ, знавшихъ Елагина за-границей и могущихъ быть благоприятными для него свидѣтелями. Г. Ринкъ дѣйствуетъ весьма энергично и скоро въ Москвѣ получается на имя Михельсона телеграмма отъ Ринка, гласящая, что поѣздка успѣшна и свидѣтели найдены. Часть расходовъ, которые понесъ г. Ринкъ по этой поѣздкѣ, Елагинъ ему возмѣтилъ.

Михельсона г. Ринкъ очень хорошо знаетъ. Одно время онъ даже жилъ съ нимъ на одной квартирѣ. По профессіи Михельсонъ — коммисіонеръ. Елагинъ поручилъ ему уладить дѣло съ Жуковыми, при чемъ

ассигновалъ ему на это 7,500 р. Михельсонъ далъ Жуковымъ 2,500, а 5,000 положилъ въ банкъ на свое имя, на тотъ случай, что если-бы понадобилось еще удовлетворить Жуковыхъ, то чтобы недалеко было за деньгами ходить. Г. Ринкъ самъ совѣтовалъ Елагину войти съ Жуковыми въ сдѣлку. Это не значило еще, чтобы онъ признавалъ Елагина виновнымъ въ истязаніи. Нѣтъ, но онъ полагалъ, что Жуковымъ даетъ нравственное право требовать удовлетворенія то обстоятельство, что Елагинъ, велѣлъ дворнику отвести дѣвочку къ родителямъ, приказалъ ему довести ее до воротъ ихъ дома и тамъ оставить ее, снявъ съ нее пальто. Г. Ринкъ рассказываетъ дальше, какъ г. Елагинымъ были приглашены для частной экспертизы Лизы Жуковой профессора гг. Мороховецъ и Нейдингъ, при чемъ г. Нейдингу уплаченъ былъ гонораръ въ 200 р. (Г. Елагинъ отрицаетъ это послѣднее обстоятельство, увѣряя, что эксперты были приглашены Ринкомъ, а онъ самъ въ это не входилъ).

При допросѣ у слѣдователя, въ качествѣ свидѣтеля, г. Ринкъ заявилъ, что отказывается отъ защиты Елагина и что всѣ расчеты съ нимъ покончилъ. Тоже сдѣлалъ и Михельсонъ, который передалъ оставшіеся у него 5000 р. прис. пов. Рупевскому, который велъ нѣкоторыя дѣла Елагина.

Кондратьева, служившая у Елагиныхъ въ качествѣ горничной въ Москвѣ и въ Пушкинѣ, была свидѣтельницей побоевъ, голодовокъ, жестокаго обращенія. Однажды Кондратьева дала голодному ребенку кусокъ хлѣба, но Елагинъ, замѣтивъ это, подскочилъ къ дѣвочкѣ и вырвалъ у нея хлѣбъ изо рта и ударилъ по головѣ. Старушка Азарова, служившая нянькою въ почтенной семьѣ д-ра Габричевскаго въ Аркашонѣ, слышала отъ прислуги Елагиныхъ про дурное обращеніе хозяина съ Лизой. Однажды слуга въ гостиницѣ, иностранецъ, съ возмущеніемъ рассказывалъ, какъ на его глазахъ Елагинъ ударилъ дѣвочку стуломъ. Трунцевъ, дворникъ того дома, гдѣ жилъ Елагинъ, показалъ, что по возвращеніи изъ-за границы Елагинъ даже не впустилъ дѣвочку въ домъ и велѣлъ дворнику отвести ее къ матери, но принести назадъ пальто, которое было на дѣвочкѣ.

75-лѣтняя старушка Кузнецова, квартирантка Жуковыхъ, знала Лизу до поѣздки за-границу и по возвращеніи оттуда. Изъ здороваго ребенка она превратилась въ жалкое, истерзанное существо. „70 лѣтъ,—закончила свое показаніе свидѣтельница,—живу я на свѣтѣ, а такого издѣвательства не видала“.

Крещенная дѣвочка Козлова также жила у Елагиныхъ. Она показала, что къ Елагину ее помѣстила старшая сестра, взявъ ее для этой цѣли изъ пріюта. Ей жилось у господъ очень скверно: Елагинъ, жена его и дочь били, мучили и царапали ее. Однажды ночью, когда она крѣпко спала, Елагинъ поставилъ ей на спину горчичникъ.

Графиня Надежда Толстая встрѣчалась съ Елагиными въ Аркашонѣ. Она была свидѣтельницей того, какъ Елагинъ однажды ударилъ дѣвочку, и много слышала о дурномъ его съ нею обращеніи. Однажды Елагинъ заставилъ Лизу вынимать изъ колыски складное кресло и тащить его по лѣстницѣ наверхъ. Губернантка г-жи Толстой Амалія Муиде видѣла, какъ дѣвочку заставили разъ нести носилки, въ которыхъ сидѣла дочь Елагина; когда она выпустила изъ рукъ носилки, подъ влияніемъ страшной усталости, Елагинъ побилъ ее. У русскихъ, жившихъ въ Аркашонѣ, былъ даже проектъ обратить вниманіе русскаго консула на семью Елагиныхъ, но они уѣхали изъ Аркашона.

Среди свидѣтелей защиты было двое иностранцевъ—содержатель отеля „Mont-fieuri“ въ Каннахъ, г. Тонне, и д-ръ философіи Куртъ Шмидтъ, пріѣхавшіе въ Россію специально для дачи показаній. И

тотъ и другой отрекомендовали Елагина, какъ чело-
вѣка неспособнаго на истязаніе. Лиза Жукова, по
убѣжденію д-ра философіи, была ребенкомъ испор-
ченнымъ. Свидѣтели проводили почти всѣ дни вмѣ-
стѣ съ Елагиными на террасѣ отеля и видѣли двухъ
дѣвочекъ играющими.

О. Остроумовъ, священникъ русской церкви въ
Каннахъ, далъ показаніе, благопріятное г. Елагину.
По его словамъ, часто бывая въ этой семьѣ, онъ
не могъ-бы не замѣтить истязаній дѣвочки Жуко-
вой, если-бы они имѣли мѣсто въ дѣйствительно-
сти. Наоборотъ, онъ видѣлъ дѣвочку всегда доволь-
ной и счастливой.

Между экспертами возникло несогласіе. Полицей-
скій врачъ Пронинъ, согласно съ своимъ первымъ
заключеніемъ, выразилъ мнѣніе, что буроватая
пятна на бедрахъ ребенка, замѣченные у него по
возвращеніи изъ за-границы, могли быть вызваны
горчишниками при томъ условіи, что они прикла-
дывались систематически и въ теченіе долгаго вре-
мени; плѣшины на головѣ дѣвочки, по мнѣнію
г. Пронина, могли произойти отъ выдергиванія
волосъ.

Проф. Мороховецъ и Нейдингъ не согласились
съ такимъ взглядомъ. Плѣшины, по ихъ мнѣнію,
явились результатомъ гнойниковаго воспаленія,
всегда естественнаго въ золотушномъ анемичномъ
ребенкѣ. Еслибы волосы выдергивались силою, то
не было-бы плѣшинъ, гладкихъ, какъ колѣно, а
были-бы сеадины. Что касается горчишниковъ, то
профессора допускаютъ возможность того, что они
примѣнялись въ видѣ особой педагогической мѣры,
однако до степени истязанія это не доходило. Если
бы примѣненіе горчишниковъ совершалось въ та-
кой формѣ, о которой говоритъ дѣвочка, она не мо-
гла-бы ни ходить, ни стоять, не то что рѣзвиться
и играть. Сѣченіе по обожженнымъ горчишникомъ
мѣстамъ также представляется г. экспертамъ не-
вероятнымъ. Профессоръ Нейдингъ находилъ не-
возможнымъ, чтобы дѣвочка, которую бы подвергли
такимъ мученіямъ, какія описываетъ Лиза,—ни
разу даже не слезла въ постель, а между тѣмъ всѣ
свидѣтели видѣли ее ежедневно играющею.

Послѣ экспертизы слово представлено было
представителю обвиненія, тов. прок. г. Щуберрилеру.
Въ сдержанной, спокойной рѣчи обвинитель сгруп-
пировалъ всѣ улики противъ Елагина, выяснившія-
ся на судебномъ слѣдствіи, и, сдѣлавъ имъ всесто-
роннюю оцѣнку, пришелъ къ убѣжденію, что ви-
новность его является доказанной. Всѣ данныя
дѣла приводить къ тому несомнѣнному убѣжденію,
что правъ бѣдный, беззащитный ребенокъ, а не че-
ловѣкъ, преданный теперь суду представителей об-
щественной совѣсти, сильный своимъ богатствомъ
и связями. Выйдетъ-ли этотъ челоѣкъ, который
такъ долго и нагло гѣшилъ свою злобу, билъ, сѣкъ,
мучилъ, истязалъ беззащитную дѣвочку для удо-
влетворенія капризовъ своей жены и избалованной
дочери изъ суда оправданнымъ, или понесетъ за-
служенное наказаніе—обвинитель усмотритъ изъ
приговора судей совѣсти, на которыхъ онъ спокой-
но полагается.

Послѣ обвинителя говорилъ повѣренный граж-
данской истицы, прис. пов. Сахаровъ. „Съ силь-
нымъ не борись, съ богатымъ не судись“,—это вы-
раженіе народной мудрости и народнаго опыта г.
Сахаровъ поставилъ во главѣ своей рѣчи. Подробно
разобравъ обстоятельства дѣла и выяснивъ, какихъ
трудовъ потребовалъ процессъ, превратившій робкій
жалобный стонъ ребенка въ гремящій голосъ обви-
ненія, г. Сахаровъ просилъ присяжныхъ внимательно
подумать надъ этимъ дѣломъ. „Вспомните, гос-
пода, что въ Москвѣ много Елагиныхъ, что много
дѣяній, подобныхъ настоящему, таится за пышными
стѣнами замоскворѣцкихъ палагъ, и покажите своимъ
приговоромъ, что такія дѣянія не уйдутъ отъ
суда, что правда, равная для всѣхъ, для богатаго

и бѣднаго, знатнаго и не знатнаго, крѣпко стоитъ
на Руси“.

Рѣчь защитника, пр. повѣреннаго Андреев-
скаго:

Не можетъ быть, г. г. присяжные засѣдатели,
чтобы вы сочли за правду все, что приписывается
Елагину. Въ этомъ дѣлѣ слишкомъ много сплетенъ
и пересудовъ, слишкомъ много заученной дѣтской
ябеды. Нельзя успокоиться на такомъ сомнитель-
номъ матеріалѣ и сказать, что челоѣкъ дѣйстви-
тельно виновенъ въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ.
Нужно, безъ предубѣжденія, разобраться въ дока-
зательствахъ. Нельзя попадаться въ ту простую ло-
вухку, что если на богатаго купца жагуется бѣд-
ная дѣвочка, то ужъ будто-бы и разсуждать не о
чемъ: купецъ навѣрное виноватъ, а дѣвочка, кро-
мѣ сущей истины, ничего и сказать не можетъ...
Напротивъ. Не забудьте, что въдѣ именно въ такой
вывѣскѣ, въ такомъ позорящемъ заглавіи дѣла и
можетъ заключаться расчетъ на успѣхъ при вся-
кихъ сомнѣніяхъ, даже—подчасъ и при вопиющей
неправдѣ.

Конечно, прежде чѣмъ взяться за такое дѣло, я
изучилъ его всесторонне, съ удвоеннымъ внима-
ніемъ, и мнѣ хотѣлось бы подѣлиться съ вами тѣ-
ми выводами, къ которымъ я пришелъ. Быть мо-
жетъ, мнѣ придется и отклониться въ сторону и
часто повторяться, п. ч. доказательства обвиненія
и оправданія подсудимаго здѣсь чрезвычайно од-
нообразны, но я надѣюсь, такъ или иначе, добратъ-
ся до выхода, согласнаго, по моему мнѣнію, съ пра-
восудіемъ.

Елагинъ обвиняется въ истязаніи.
Однакоже и по своему прошлому и даже по от-
зыву свидѣтелей обвиненія, Елагинъ вовсе не похо-
дитъ на челоѣка, который бы могъ заниматься
истязаніемъ или любить его. Намъ говорятъ, что
Елагинъ—раздражительный, вспыльчивый,—„иногда,
какъ разсердится, то ногами топчетъ“. Но именно
люди вспыльчивые обыкновенно—отходчивы, п. ч.
они дѣйствуютъ „въ сердцахъ“, а истязатели отли-
чаются холодною и продолжительною жестокостію.
Кромѣ того, истязатели, какъ и всѣ вообще пре-
ступники, бывають двухъ родовъ: болѣе нормаль-
ные и менѣе нормальные. И какъ мы увидимъ, ни
къ тому, ни къ другому типу Елагина отнести
нельзя.

Болѣе нормальные истязатели всегда преслѣ-
дуютъ цѣль, постороннюю самому истязанію: ими
руководитъ злоба, месть или корысть. Такъ, маче-
ка сживаетъ со свѣту ненавистную ей падчерицу,
наслѣдники замариваютъ богатаго сироту, крестьяне
терзають попавшагося имъ конокрада, вымещая
на немъ годами накопившую злобу за беззащит-
ное разореніе. Но у Елагина никакихъ подобныхъ
побужденій по отношенію къ Лизѣ Жуковой быть
не могло. Неужели онъ могъ истязать ее за то, что
она иногда не угрожала его маленькой дочери? Это
была-бы месть просто смѣшная. За это было-бы
совершенно достаточно разъ другой прибить дѣ-
вочку и затѣмъ прогнать. Мотива мести здѣсь и вы-
думать нельзя.

Затѣмъ, существуютъ менѣе нормальные исти-
язатели. Это тѣ, для которыхъ чужія страданія до-
ставляютъ извѣстное наслажденіе. Здѣсь уже на-
блюдается болѣзненное сладострастіе—терзать обна-
женное женское или самое безгрѣшное, дѣтское тѣ-
ло. Кажется, Елагину думаютъ приписать именно
такую цѣль. Но и такое объясненіе дѣла не годится.
Дѣйствительно. Никакого полового извращенія въ
Елагинѣ не наблюдается. Это челоѣкъ здоровый,
крѣпкій, въ цвѣтущемъ возрастѣ, притомъ—чело-
вѣкъ семейственный и нисколько не развратный.
Мы застаемъ его женатымъ, съ большою женою
и маленькой дочкой. Еще можно было-бы, пожалуй,
говорить, что именно по случаю болѣзни жены,

Елагинъ надумалъ столь страннымъ образомъ удовлетворять свою похоть. Но и это недопустимо, п. ч. въ такомъ-бы случаѣ Елагинъ, очевидно, дѣлалъ это втайнѣ отъ своей супруги, а здѣсь какъ разъ всё въ одинъ голосъ говорятъ, что жена Елагина еще болѣе ожесточалась противъ дѣвочки, нежели ея мужъ, что она то главнымъ образомъ и подбивала его производить мученія. Она даже была привлечена къ слѣдствію, въ качествѣ подстрекательницы мужа къ истязанію Жуковой, но умерла до суда, спасенная смертью отъ этого гадкаго вымысла... Слѣдовательно, и развратныя побужденія Елагина не вяжутся съ обвиненіемъ.

Итакъ, намъ изображаютъ невѣроятную чеду двухъ чудовищъ, которыя, ради своей прихоти, безъ всякой цѣли и смысла, терзали чужого ребенка! Развѣ можно помириться съ такимъ объясненіемъ дѣла.

Обратимся теперь прямо къ обвинительному пункту.

Вотъ что будто-бы дѣлалъ Елагинъ:

„Причинялъ золотушному ребенку жестокия, мучительныя и продолжительныя тѣлесныя страданія тѣмъ, что часто билъ ее кулаками; сѣкъ ремненнымъ кнутомъ, веревкой и древеснымъ прутомъ до появленія на тѣлѣ широкихъ кровяныхъ рубцовъ, дралъ за уши, таскалъ за волосы, вырывая ихъ ключьями, морилъ по цѣлымъ днямъ голодомъ, ставилъ ей подъ ягодицы и колѣна горчичники, такъ что на этихъ мѣстахъ воспалилась кожа“ (я, по правдѣ сказать, не понимаю, какъ можно поставить горчичникъ такъ, чтобы не воспалилась кожа!.. Объ этомъ, казалось бы, и упоминать нечего. Въдъ тутъ нѣтъ никакого особо увеличивающаго вину обстоятельство...) и наконецъ „привязывалъ ее на продолжительное время цѣпью за ногу къ какому нибудь неподвижному предмету“.

Вы видите, сколько во всемъ этомъ простора для злобныхъ преувеличеній и напраслины. Просто иной разъ выдралъ за волосы или „вырвалъ ихъ ключьями“, — оставлялъ безъ обѣда или „морилъ цѣлыми днями голодомъ“ и т. д. Я вовсе не хотѣлъ-бы „облгать“ Елагина. Тѣмъ менѣе склоненъ я обращаясь въ сплошную ложь все, что говоритъ дѣвочка Жукова и сочувственныя ей свидѣтельницы. Напротивъ, я знаю, что каждая клевета цѣпляется за что-нибудь подходящее въ дѣйствительности и мнѣ хотѣлось-бы найти, изъ-за чего „сыръ боръ загорѣлся“, — на какой подкладкѣ состряпана жалоба.

Допустимъ, что супруги Елагины не стѣснялись муштровать Жукову и наказывать ее, когда она того заслуживала. Это вполне возможно. Возможно и то, что Елагинъ, видя противъ себя страшно-преувеличенное и потому ложное, опасное обвиненіе, — стѣснялся признаваться даже и въ томъ, что было на самомъ дѣлѣ. Все это въ порядкѣ вещей, со всемъ этимъ надо считаться — и все-таки добиваться правды. Надо также вспомнить, съ какою средою мы имѣемъ дѣло. Отецъ Елагина былъ человѣкъ стараго завѣта, считавшій и потасовки и даже розгу — дѣломъ необходимымъ для воспитанія. Самъ Елагинъ не получилъ высшаго образованія и считалъ, что къ непослушнымъ дѣтямъ дозволено относиться также, какъ относился къ нему его собственный родитель. Съ другой стороны, и мать Лизы Жуковой, какъ сама дѣвочка показала на предварительномъ слѣдствіи, сѣкла свою дочь. Быть можетъ, если бы на этотъ счетъ пораспросили свидѣтелей, да прюкрасили эти экзекуціи, то пришлось-бы и мать обвинять въ истязаніи дочери... Все это я говорю къ тому, что описанная выше картина истязанія можетъ разсѣяться въ прахъ, если только отнестись къ доказательствамъ истязанія спокойно, по судейски. Нельзя до такой степени просто и довѣрчиво переходить отъ зауряднаго самоуправства съ насиліемъ къ истязанію, т. е. къ

преступленію почти столь-же тяжкому, какъ убійство, — къ дѣянію, даже худшему, чѣмъ убійство, по своей безнравственности. И вотъ, насколько я понимаю дѣло, я думаю, что вся эта ретушь картинны, — т. е. кнуты, ремни, прутья, пытка голодомъ, вырыванье волосъ ключьями и сажаніе на цѣпь — все это составляетъ ничто иное, какъ фальшивую прикрасу и злобный вымыселъ.

Обратимся къ доказательствамъ.

Главное, если не единственное доказательство это — показаніе самой дѣвочки. Прежде можно было думать, что и нянька Жирова видѣла кое-что по части настоящихъ истязаній, такъ какъ она показывала: „били ремнемъ и прутомъ“, но теперь оказывается, что обо всемъ этомъ ей говорила дѣвочка, но самыя экзекуціи происходили въ тайнѣ. И такъ, возьмемъ показаніе дѣвочки.

Здѣсь, на судѣ, она только поддакивала на вопросы, но не могла дать того разнообразнаго и даже черезчуръ полнаго описанія дѣйствій Елагина, какое мы встрѣчаемъ въ предварительномъ слѣдствіи. Поэтому изъ ея прежнихъ шести показаній пришлось прочитать три. Эти три показанія, данныя на значительныхъ разстояніяхъ времени, отличаются возрастающимъ подвѣненіемъ подробностей, отягчающихъ истязаніе. Такъ въ первомъ показаніи говорится только о битьѣ ремнемъ и веревкой. Во второмъ — появляются уже кнуты и сажанье на цѣпь. Говорится объ уводѣ ея, для сѣченія, въ паркъ, о бичеваніи по нажженнымъ горчичниками мѣстамъ и о томъ, что жена Елагина, послѣ каждого подобнаго сѣченія, осматривала пострадавшую и упрекала мужа, что „мало билъ“. Наконецъ, въ третьемъ показаніи, Лиза Жукова добавляетъ, что, не довольствуясь ежедневнымъ сѣченіемъ, подсудимый (дѣвочка спала въ одной комнатѣ съ господами), чуть бывало она повернется во снѣ, вставалъ и билъ ее... Выходитъ, что Елагинъ уже истязалъ самого себя бессонницей, лишь-бы только не давать Лизѣ ни малѣйшаго отдыха отъ мученій... Въ этомъ-же третьемъ показаніи Лиза Жукова говоритъ, что на обратномъ пути въ Россію, Елагинъ запретилъ ей жаловаться на что-либо матери и пригрозилъ, что въ противномъ случаѣ онъ ее выброситъ изъ окна вагона!.. Эти слова обличаютъ трогательную глупость ребенка, которому приказано лгать на Елагина побольше и позлѣе. Въ самомъ дѣлѣ, Елагинъ, какъ взрослый и размышляющій человѣкъ, очевидно, не могъ дѣлать подобной угрозы, потому что до прїѣзда въ Россію. Лиза Жукова физически лишена была возможности пожаловаться матери, а по прїѣздѣ въ Москву, когда повадъ остановится и всѣ выйдутъ изъ вагона, уже нельзя будетъ выбросить дѣвочку изъ вагоннаго окна... Въдъ это ужъ явная ложь! Послѣ всего этого, кака-же есть возможность различить, что въ этихъ показаніяхъ правда и что вымыселъ? Какъ довѣряться этому заученному лепету?

А это, собственно, и есть центральное доказательство обвиненія, потому что всѣ остальные доказательства — побочныя, всѣ онѣ, болѣе или менѣе, взяты со словъ потерпѣвшей.

Есть три категоріи свидѣтелей: показаніе московской женской прислуги, показаніе русскихъ путешественницъ за границей и показанія заграничныхъ туземцевъ.

Что касается московскихъ прислугъ, то я думаю, что ихъ показанія вовсе не относятся къ истязанію. Разсчитанныя Елагиними прислуги — Кондратьева, Клинтъ, Алешина и Жуйкина, — говорятъ о дурномъ обращеніи Елагина съ Жуковой въ Москвѣ. Между тѣмъ, въ жалобѣ родителей и въ первомъ показаніи потерпѣвшей говорится только объ истязаніи за границей. Что бы тамъ ни говорили, но Лиза Жукова, на первомъ допросѣ, показала категорически: „въ Москвѣ Елагины обращались со мною хорошо, но съ переѣздомъ за границу ихъ отноше-

ние ко мнѣ рѣзко измѣнилось“. Когда она это говорила, ей уже было девять лѣтъ и она уже могла судить о томъ, что показываетъ. Скажутъ, что дитя можетъ и дурное счесть хорошимъ, взрослые въ этомъ лучше понимаютъ. Согласенъ. Но никогда не допущу, чтобы разница въ понятіяхъ была настолько несомнѣнна, чтобы одно и тоже обращеніе Лиза Жукова считала *хорошимъ*, а Кондратьева *ужаснымъ*. Тутъ должна быть середина: не хорошее, но и не ужасное. Кромѣ того, невѣроятно, чтобы всѣ эти сострадающія свидѣтельницы ничего не шепнули о мученіяхъ дочери ея матери,—чтобы сама дѣвочка не попыталась вырваться, въ теченіе полутора годовъ жизни у Елагина, изъ такой пестерной обстановки,—и наконецъ, чтобы мать, послѣ подобныхъ страданій, съ радостью отпустила своего ребенка съ Елагиними за границу. Для меня ясно, что, въ сущности, обращеніе Елагиныхъ съ Жуковой было одинаковое—и въ Москвѣ и за границей. Елагины вообще не ладили съ прислугой и за многіе годы накопили противъ себя много враговъ среди удаленныхъ слуганокъ. Поэтому, когда Жуковы подали на Елагиныхъ жалобу за истязаніе ихъ дочери за границей, то весьма легко образовался цѣлый хоръ свидѣтельницъ, которыя для поддержанія жалобы на то, что въ чужихъ краяхъ и проверить трудно, усердно преувеличили грубость Елагиныхъ въ обращеніи съ Лизой въ Москвѣ. Такъ я поневолю отношусь къ этимъ показаніямъ, потому что при дальнѣйшемъ изслѣдованіи уликъ, все-таки не убѣждаюсь въ фактѣ истязанія.

Дальше идутъ: русскія путешественницы за границей,—графиня Толстая, ея бонна Муйде и свидѣтельница Азарова. Послѣдняя слышала только рассказы няньки Жировой, но графиня Толстая и Муйде сами видѣли, какъ Елагинъ однажды ударилъ Лизу по шеѣ, а въ другой разъ—толстымъ журналомъ по головѣ. Эти показанія для меня безспорны. Отъ даны лицами, на которыхъ смѣло можно опираться обвиненіе. И я думаю, что такая открытая грубость Елагина именно не согласуется съ истязаніемъ. Въдѣ не даромъ-же Лизу научили говорить, что, подвергая ее пыткамъ, Елагинъ всегда прятался. Такъ-бы и должно было быть, еслибы онъ занимался истязаніями. Каждый истязатель знаетъ, что онъ совершаетъ дѣло нечеловѣческое, а потому всегда дѣйствуетъ скрытно,—заперти, въ подвалахъ, въ мѣстахъ, недоступныхъ для помощи. И Елагинъ, еслибы онъ занимался мученіемъ Жуковой, то никогда бы не сталъ употреблять противъ нея насилие публично. А если онъ такъ поступалъ,—если сгорая за что-либо давалъ ей тумака при постороннихъ, то, значитъ, думалъ, что дѣлаетъ это по праву, за какую-либо ея провинность.

Нянька Жирова жаловалась за это на Елагиныхъ русскимъ путешественницамъ за границей. Нужно сказать, что Жирова представляется мнѣ женщиной дѣйствительно доброй. Она отнеслась къ Лизѣ гораздо нѣжнѣе, нежели вся прежняя Московская прислуга Елагиныхъ и даже—чѣмъ родная мать дѣвочки. О московскомъ обращеніи съ Лизой всѣ знали (конечно, и мать), но смотрѣли на него, какъ на дѣло довольно обыденное. Жирова первая обратила вниманіе постороннихъ на то, что господа слишкомъ раздражительны, что къ ребенку слѣдовало-бы относиться помягче. Возвратившись въ Россію, она сказала объ этомъ матери, но та не желала вмѣшаться въ этотъ вопросъ, хотя имѣла полнѣйшую возможность написать Елагинымъ, адресъ которыхъ былъ всегда извѣстенъ въ ихъ Московскомъ домѣ. Мать гораздо проще отнеслась къ сообщенному ей извѣстію, нежели думала Жирова. Кстати, я увѣренъ, что дѣло тогда и не избржалось, какъ теперь,—ни о какихъ пыткахъ тогда и

рѣчи не было. И цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ мать Лизы спокойно ожидала возвращенія Елагиныхъ.

Наконецъ Елагины прѣехали въ Москву. Вотъ тутъ-то и разыгралась исторія! Дѣло въ томъ, что Елагины, весьма недовольные дѣвочкой (въ особенности—жена Елагина), тотчасъ-же отослали ее къ родителямъ и приказали дворнику отдать ее въ томъ, въ чемъ она была взята, т. е. даже безъ того пальто, которое ей было заказано за границей и въ которомъ она была привезена. Подсудимый, съ трудномъ-передаваемымъ мученіемъ, долженъ былъ заявить суду, что таково было непремѣнное желаніе его покойной жены... Это былъ роковой поступокъ! Поступокъ, конечно, нехорошъ, но опять-таки онъ вовсе не вяжется съ истязаніемъ. Ясно, что Елагины не только не сознавали за собой никакой тяжелой вины передъ Жуковыми, которую слѣдовало-бы заглаживать,—но, напротивъ, желали выразить имъ свою претензію за то, что ихъ дѣвочка, кромѣ неприятностей, кромѣ постоянной возни съ ея недостатками,—ничего имъ не доставила.

Сцена возвращенія Лизы Жуковой въ родительскій домъ даетъ самый эффектный матерьялъ прокурору. Прокуроръ напоминаетъ, что жилищки Жуковыхъ, Кузьмина и Павлова, въ страшномъ видѣ описываютъ внѣшность Лизы въ эту минуту: „глаза у нея были косые, ротъ искривленъ на сторону.“ И все это яко-бы отъ перенесенныхъ мученій. Думаю, что здѣсь многое прибавлено воображеніемъ. Вѣрно, что лицо имѣло дѣйствительно залуганный видъ, но—совсѣмъ по другой причинѣ. Мы знаемъ, что въ родительскомъ домѣ она никогда не видала особенной цѣнности къ себѣ. Напротивъ отъ матери ей часто и порядочно-таки доставалось. И вотъ она возвратилась домой съ явно-выраженнымъ противъ нея недовольствомъ господъ, у которыхъ она служила. Значитъ, и для нихъ она оказалась негодною. Лиза прекрасно знала, что ей за это не поздоровится... Прокуроръ съ чувствомъ повторяетъ слова старухи Кузьминой: „70 лѣтъ живу на свѣтѣ, а такого издѣательства не видала!“ Прокуроръ при этомъ забываетъ, что „издѣтельство“ относится именно къ снятію съ дѣвочки пальто, а не къ чему иному, п. ч. Кузьмина, кромѣ разговоровъ въ семьѣ Жуковыхъ послѣ возвращенія Лизы, ни о чемъ свидѣтельствовать не можетъ и никакого иного поступка Елагина, кромѣ снятія пальто, не видала.

Но это именно снятіе пальто и взорвало мать. Она тотчасъ-же побѣжала къ Елагинымъ. Она сказала: „неужели моя дѣвочка не заслужила у васъ даже пальто? А я еще думала, что вы ей сколько-нибудь денегъ дадите. Въдѣ брали ее только на два мѣсяца, а продержали восемь. Она вамъ все-таки прислуживала.“ Елагинъ отвѣчалъ, чтобы Жукова пришла договорить о вознагражденіи въ другой разъ, что теперь, при постороннихъ, ему говорить объ этомъ некогда. Пріемъ былъ сухой.

Жукова болѣе къ Елагину не пришла и черезъ 10 дней подала на него жалобу.

Таковъ источникъ дѣла.

Какіе-же слѣды оставило истязаніе?—Произведено было медицинское освидѣтельство потерпѣвшей. У Лизы Жуковой было найдено 14 плѣшинъ на головѣ и замѣчены были темноватая пятна подъ ягодицами, которыя могли произойти отъ прикладыванія раздражающихъ средствъ, вроде горчицниковъ. Теперь спрашивается: дѣйствительно-ли эти слѣды произошли отъ истязанія?

Кажется, нѣтъ уже сомнѣнія въ томъ, что плѣшины на головѣ Лизы Жуковой произошли отъ золотухи. Профессора Нейдингъ и Мороховецъ высказались на этотъ счетъ безъ всякихъ колебаній. Доказано, что Елагинъ лечилъ Лизу въ Баденъ-Баденѣ отъ золотушнаго выпаденія волосъ. При насильственномъ вырываніи волосъ неминуемо должны быть ссадины кожи, а не тѣ характерныя, гладкія, какъ колѣно, плѣшины, какія были най-

дены у Лизы и какія свойственны только золотушному процессу. Кроме того известно, что когда Лизу осматривали через два года послѣ ея удаленія от Елагина, когда уже никто ей волосъ не вырывать, то нашли на ея головѣ тотъ же, совершенно свѣжій гнойничковый процессъ. Въ заключеніе оказалось, что и самая золотуха развилась у Лизы не отъ какихъ либо лишеній и пытокъ въ домѣ Елагина, а была у нея отъ рожденія, при самомъ поступленіи въ его домъ. Удостоверено давнишнимъ рецептомъ доктора Филиппова, по которому заказано было укрѣпляющее лекарство въ аптекъ еще за полтора года до отъѣзда за границу, что у Лизы былъ скорбутъ еще тогда, когда она только-что была взята отъ матери. Послѣ этого, кажется ясно, что, такъ сказать „волосяное“ истязаніе разыграно на самой простой золотухѣ.

Что касается темноватыхъ пятенъ отъ горчичниковъ подъ ягодицами Лизы Жуковой, то я долженъ сказать, что я не совсѣмъ понимаю, не вижу по крайней мѣрѣ яснаго отъѣга на вопросъ, какъ онѣ произошли. Но я вправѣ вѣрить Елагину, что точно также и эти пятна не онъ устроилъ. Дѣйствительно, вы знаете, какъ дружно дѣйствовала агитация удаленныхъ и недовольныхъ служанокъ, въ предварительномъ слѣдствіи, противъ Елагиныхъ. Дѣло тянулось уже второй годъ, новая дѣвочка уже замѣнила Лизу возлѣ ихъ дочери, какъ вдругъ эту новую дѣвочку Машу Козлову съ ея маленькой нянькой Гордѣевой позвали къ слѣдователю изъ дома Елагиныхъ и для Елагиныхъ оставалось полною тайною, о чемъ онѣ показывали. А онѣ показывали опять о горчичникѣ, поставленномъ Машѣ Козловой, но, правда, уже объ одномъ единственномъ горчичникѣ, и притомъ рассказывали такую странную вещь, въ которой нельзя различить ни лжесвидѣтельства, ни — какого либо опредѣленнаго факта. Однажды будто бы Мама Козлова, проснувшись, почувствовала боль въ спицѣ и пожаловалась на это Гордѣевой, а та объяснила ей, что кто-то поставилъ ей во время сна горчичникъ и, пока она еще спала, снялъ его, п. ч. здѣсь же на окнѣ, въ тарелкѣ съ водою, лежалъ и этотъ горчичникъ... Прежде всего: правильна ли догадка Гордѣевой, что лежавшій въ тарелкѣ горчичникъ былъ именно поставленъ Козловой? Вѣдь мокрый горчичникъ въ домѣ, гдѣ барыня умираетъ отъ чахотки, вещь самая обыкновенная. Но затѣмъ—какое же тутъ истязаніе? Человѣкъ кладетъ горчичникъ во снѣ, чтобы даже дитя его не замѣтило и самъ же осторожно его снимаетъ, пока дитя не проснулось, чтобы слишкомъ не нажгло... Здѣсь уже нѣтъ никакой жестокости, а есть простое непотребство. Обратите при этомъ вниманіе и на то, когда все это происходило. Въ то время Елагинъ уже безуспѣшно добивался у слѣдователя допроса заграничныхъ свидѣтелей, чтобы только оправдаться отъ первыхъ горчичниковъ — и вдругъ опять принимаются за тоже: хоть одинъ бы еще горчичникъ поставили!.. Въ такомъ случаѣ это — человекъ помѣшанный на горчичникахъ! Его надо освидѣтельствовать! Это уже половое извращеніе! Но кажется я уже достаточно ясно разобралъ выше, что о развратныхъ побужденіяхъ Елагина здѣсь просто и говорить странно.

Прокуроръ напомнилъ вамъ, что по заключенію экспертовъ, темноватый слѣдъ подъ ягодицами Лизы Жуковой могъ произойти или отъ повторнаго приложенія горчичниковъ въ сравнительно давнее время или же отъ совсѣмъ свѣжаго горчичника. Прокуроръ принимаетъ первое объясненіе, а я — второе. И вотъ по какимъ соображеніямъ. Если воспользовались золотухой для того, чтобы обвинять Елагина въ несуществовавшемъ вырываніи волосъ, то могли поддѣлать и слѣдъ горчичника, тѣмъ болѣе что Жукова и ранѣе подвергала свою дочь гораздо болѣе тяжкому наказанію, чѣмъ приставленіе горчичниковъ, а приставленіе горчичниковъ — какъ я

узналъ — и у простыхъ людей считается довольно простою воспитательною мѣрой. Затѣмъ, однимъ изъ драгоцѣнныхъ доводовъ защиты является то, что когда нянька Жирова съ переполненною душою жаловалась русскимъ на дурное обращеніе Елагиныхъ съ Лизой за границей, то ни однимъ словомъ не заикнулась имъ ни о свѣченіи Лизы, ни о такой характерной вещи какъ горчичники. Значитъ, все это придумано позднѣе. Точно также экспертизою опровергнута жалоба Жуковыхъ на то, будто Лизу драли за уши до обрыванія мочекъ, ибо въ такомъ случаѣ въ надорванныхъ мѣстахъ неминуемо остались-бы шрамы, а ихъ и слѣда нѣтъ! Далѣе — непостижимое дѣло! — чтобы отъ такого страшнаго насилія, какъ почти ежедневное битие сучкомъ, стеганіе ремнями и кругомъ по тѣлу золотушной дѣвочки до обращенія ея спины въ „сырую говядину“ — на этой тоней кожѣ не осталось ни рубца, ни пятна, ни царапинки, а такое сравнительно слабое раздраженіе какъ горчичникъ заслонило своею отчетливостію всѣ прочіе слѣды пытокъ! Эксперты съ полнымъ правомъ не допускаютъ и того, чтобы послѣ такихъ терзаній дѣвочка могла ежедневно играть и бѣгать, какъ единогласно утверждаютъ свидѣтели обихъ сторонъ. Профессоръ Нейдингъ говоритъ, что послѣ свѣченія по нажженнымъ горчичниками мѣстамъ, — не то, что бѣгать, а и двухъ шаговъ нельзя сдѣлать... Профессоръ не понимаетъ, чтобы при такой страдальческой жизни дѣвочка ни разу не слегла въ постель, а между тѣмъ это бесспорно. Наконецъ, пытка въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ неминуемо остановила-бы ростъ слабаго дитяти, а на судѣ выяснилось, что Лиза растетъ прекрасно — за три года поднялась чуть не на третью своего роста. Какъ же послѣ всего этого не остерегаться лжи во всѣхъ прикрасахъ жалобы на Елагина?!

Нянька Жирова, какъ известно, довольно скоро возвратилась въ Россію. Послѣ ея отъѣзда, Лиза Жукова осталась еще на шесть мѣсяцевъ, такъ сказать, беззащитною во власти Елагиныхъ и, само собою разумѣется, къ этому именно времени она и относитъ наибольшія истязанія. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, было какъ разъ наоборотъ. Я думаю, что послѣ отъѣзда Жировой, даже и та суровость, тѣ рѣзкости Елагиныхъ, которыя она замѣчала, значительно ослабли. Дѣло въ томъ, что рассказы няньки произвели сенсацию въ Каннѣ и когда Елагины переѣхали изъ гостиницы „Калифорни“ въ гостиницу „Монфлери“, то хозяйка послѣдней г. Тамме приняла уже ихъ съ готовою молвою насчетъ обращенія съ дѣвочкой. Этотъ содержатель трехъ громадныхъ отелей на Ривьерѣ, семидесятилѣтній почтенный человекъ, спокойный, сдержанный въ отвѣтахъ, показалъ предъ вами, что онъ, наблюдая жизнь Елагиныхъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вѣячески провѣрялъ молву и убѣдился въ ея полнѣйшей лживости. Не было никакой возможности незамѣтно продѣлывать то, что приписывается Елагину. Священникъ Остроумовъ и докторъ философіи Куртъ Шмидтъ подтвердили тоже самое. Рядомъ съ Елагиными, въ томъ-же отелѣ, проживали супруги Розе. Жена г-на Розе, по случаю болѣзни, не выходила изъ комнаты. Эти свидѣтели никогда, ни днемъ, ни ночью, не слышали за своею стѣною ни сценъ, ни шума, ни плача. Куртъ Шмидтъ, какъ лживѣйшій въ Каннѣ отъ чахотки, проводилъ съ Елагиными цѣлые дни на воздухѣ, на террасѣ отеля. Дѣвочки ежедневно играли тутъ же, веселыя и довольныя. Г-жа Елагина иногда жаловалась Шмидту на Лизу; говорила, что та подаетъ дурной примѣръ дочери; бывали такіе случаи, что дѣвочка, напримѣръ, на нѣсколько дней прятала у себя въ карманѣ золотую монету, упавшую на полъ и куда-то закатившуюся во время игры въ карты; она часто лгала; бывало также, что она таскала фрукты и конфеты и оправдывалась тѣмъ, что ея мать, содержавшая меблированныя

комнаты въ Москвѣ, считала дозволеннымъ присваивать себѣ провизію жильцовъ. Въдѣ это такой доводъ изъ московскаго быта, котораго иностранецъ никакъ не могъ бы выдумать!... За все это пришлось ставить Лизу въ уголъ или оставлять безъ сладкаго, но рѣшительно никакого насилія Шмидтъ не видалъ. Когда Шмидтъ впоследствии узналъ, что возбуждается настоящій процессъ, онъ чрезвычайно взволновался. Онъ ѣздилъ изъ Берлина въ Каннъ, говорилъ съ супругами Розе и просилъ ихъ даже телеграфировать Министру Юстиціи о томъ, что они знаютъ. Когда же здѣсь отнесли къ подобной энергіи Шмидта съ подозрѣніемъ и спросили его, почему же онъ считалъ нужнымъ такіа экстренныя мѣры со стороны супруговъ Розе, то этотъ больной свидетель, съ невольнымъ удивленіемъ и, такъ сказать, съ крикомъ сердца въ голосъ, отвѣтилъ: «Да потому, что я желалъ содѣйствовать правдѣ!»—На сѣтованія г-жи Елагинной Шмидтъ отвѣчалъ, что лучше всего было бы отправить дѣвочку въ Россію. Елагинъ не догадался этого сдѣлать, когда уѣзжала нянька Жирова, да вѣроятно и колебался, п. ч. его маленькая дочь не говорила по французски и съ отвѣдомъ Лизы не имѣла бы съ кѣмъ проводить время. Да, Елагинны не догадались тогда этого сдѣлать, а теперь—вотъ что вышло...

Исподволь, вяло и незамѣтно, какъ большею частію надвигается на насъ каждое серьезное несчастье, разыгрывается противъ Елагина это дѣло. Когда Жуковы подали на него жалобу, онъ первоначально нисколько не встревожился. Но когда слѣдователь допросилъ его разъ и другой, когда дѣлу данъ былъ ходъ, то Елагинъ обратился къ человѣку, который былъ извѣстенъ, какъ опытный руководитель присяжныхъ засѣдателей въ самыхъ шумныхъ московскихъ процессахъ, — къ Е. Р. Ринку, тогда только что покинувшему должность товарища предсѣдателя окружнаго суда. Посмѣлъ-ли бы Елагинъ обратиться къ такому лицу, еслибы зналъ за собою что-либо позорное! Е. Р. Ринкъ, выслушавъ Елагина и ознакомившись съ бумагами, принялъ его подъ свою защиту. Онъ прежде всего далъ Елагину основательный совѣтъ указать слѣдователю на тѣхъ заграничныхъ свидетелей, которые что-либо знаютъ о его тамашней жизни. Съ тѣхъ поръ Елагинъ успокоился и во всемъ слушался г. Ринка.

Но вдругъ онъ узнаетъ, что Жуковы предъявляютъ къ нему гражданскій искъ и требуютъ съ него 15 тысячъ! Онъ исполошился и тотчасъ же отправился за совѣтомъ къ своему защитнику. Е. Р. Ринкъ посовѣтовалъ Елагину войти съ Жуковыми въ соглашеніе. Конечно, вся отвѣтственность за подобный совѣтъ падаетъ на того авторитетнаго юриста, который его далъ. Елагинъ въ этомъ ровно ничего не понималъ. Г. Ринкъ указалъ ему, что снятіе имъ съ дѣвочки пальто представить его на судѣ въ неблагоприятномъ свѣтѣ и что лучше было-бы заранѣе покончить со всякими претензіями Жуковыхъ. Елагинъ могъ думать, что это было съ его стороны самоуправствомъ, что за это надо платить по закону. Онъ ни въ чемъ не желалъ быть неисправнымъ передъ требованіями власти и, скривя сердце, послушался. Далѣе онъ узналъ, что Жуковы смилоствились и готовы получить за снятіе пальто 7½ тысячъ.

Вы знаете, что эту сдѣлку устраивалъ знакомый Е. Р. Ринка г. Михельсонъ, что изъ семи съ половиною тысячъ до Жуковыхъ дошло только двѣ тысячи, при чемъ г. Михельсонъ даже на слѣдствіи первоначально показалъ о полученіи всего двухъ тысячъ отъ Елагина. Здѣсь мы вступаемъ въ область дѣла гораздо болѣе грязную, нежели то обвиненіе, которое мы разбираемъ. Но Богъ съ нимъ, со всемъ этимъ! Какъ-то вашъ Ѡ. Н. Плевако говорилъ въ одномъ петербургскомъ процессѣ, что у васъ въ Москвѣ подъ сѣбною церковей Божіихъ люди живутъ свято и что у васъ, въ дѣлахъ судебныхъ,

никогда не бываетъ такой нечисти, какъ у насъ. Я думаю, что нечисть вездѣ бываетъ—и у насъ, и у васъ. Ни одинъ городъ не можетъ назваться себя праведнымъ. Иначе-бы въ такихъ городахъ, напримеръ, какъ Москва, вовсе-бы и окружнаго суда не было...

Но не въ томъ дѣло. Вотъ теперь намъ слѣдуетъ посправедливѣе рѣшить участь Елагина.

Извѣстно, что послѣ невольной размовки съ Е. Р. Ринкомъ, Елагинъ обратился къ моему покойному товарищу В. И. Жуковскому. Жуковский также принялъ его защиту. Онъ придавалъ большую важность заграничнымъ свидетелямъ и онъ-то главнымъ образомъ добился ихъ допроса. Какъ проникательный человѣкъ и превосходный юристъ, Жуковский въ своихъ прошеніяхъ составилъ тѣ допросные пункты о существенныхъ признакахъ истязанія, которые теперь цѣлкомъ переписаны въ обвинительный актъ. И я думаю, что всѣ эти признаки—прутъ, ремень, кнутъ, вырываніе волосъ клочьями, пытка голодомъ и цѣпь—все это слѣдуетъ отбросить, п. ч. ничего этого не было.

Я уже говорилъ, что не хвалю Елагина, но я вижу, что того преступленія, въ которомъ онъ обвиняется, онъ не совершилъ. Обращеніе его съ Лизой Жуковой было дурное, но на все есть свои законы. Давалъ чужому ребенку потасовки—иди къ Мировому Судѣ: тамъ получишь свое наказаніе; тамъ-же и потерпѣвшій получить, что слѣдуетъ, за вредъ и убытки. Однакоже въ дѣйствіяхъ Елагина есть въ тоже время и стороны извинительныя. На рукахъ у него была умирающая жена. У нихъ была маленькая дочь, обожаемая матерью. Мать не могла ни оставаться съ дочерью, ни наполнять ее время личнымъ уходомъ и заботою. Нѣтъ здоровья, нѣтъ и нормальной жизни! Пришлось создать ребенку жизнь искусственную и взять ей въ подруги чужую дѣвочку. Елагинъ не отходилъ отъ жены и съ каждымъ днемъ убѣждался болѣе и болѣе въ ее неизлечимости. Вы знаете, что значитъ, когда близкое, любимое существо умираетъ... Въдѣ въ такомъ состояніи подчасъ и родное, ни въ чемъ неповинное дитя обидишь... А тутъ дитя чужое, вредное, недоброе... И однако мы видимъ, что, наказывая Лизу Жукову въ убѣжденіи, что наказанія должны ее исправить, Елагинъ въ тоже время лечилъ ее у разныхъ докторовъ, когда замѣчалъ, что здоровье ее не въ порядкѣ. Словомъ, онъ, согласно своему воспитанію, развитію и взгляду на вещи, поступалъ такъ, что не чувствовалъ никакихъ упрековъ на своей совѣсти.

И вдругъ ему говорятъ что онъ истязатель, любитель крови младенческой, человѣкъ помѣшанный на горчичникахъ!

Для каждаго, хотя-бы и несимпатичнаго человѣка, правосудіе имѣетъ въ себѣ нѣчто возвышенное и трогательное. Каждый убѣжденъ, что здѣсь всегда найдется мѣсто правдѣ. Правда обновляетъ и утѣшаетъ преслѣдуемаго. Вотъ уже около четырехъ лѣтъ Елагинъ находится подъ тяжестью этого позорнаго обвиненія. Онъ скрывалъ его всеми силами и отъ общества и, въ особенности, отъ своихъ близкихъ. Теперь онъ проситъ, чтобы къ нему отнеслись безъ предубѣжденія, ибо ничто такъ не убиваетъ человѣка, какъ если самъ судъ, рѣшающій его участь, повѣритъ неправдѣ...

Послѣ преній, одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей просилъ судъ о постановкѣ условнаго дополнительнаго вопроса въ томъ смыслѣ, что если Елагинъ виновенъ, то не совершилъ-ли онъ преступное дѣяніе, приписываемое ему, подъ влияніемъ большой жены и капризовъ балованной дочери.

Г. предсѣдательствующій подробно разъяснилъ присяжнымъ, что такой вопросъ не измѣняетъ состава преступленія и потому совершенно излишенъ. Присяжные засѣдатели признали Елагина ви-

новнымъ въ истязаніи, приче́мъ дали ему снисхожденіе.

Судъ приговорилъ пот. поч. гр. Ивана Ивановича Елагина къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и сыскѣ на житье въ Тобольскую губернію, съ предоставленіемъ ему черезъ 12 лѣтъ избрать себѣ иное мѣстожителство, кромѣ столицъ.

Гражданскій искъ удовлетворенъ въ суммѣ 5,000 руб.

Хроника.

По разъясненію Пр. Сената, при оцѣнкѣ фабричныхъ, заводскихъ и торговыхъ помѣщеній земству надлежитъ принимать въ расчетъ цѣнность и доходность только самыхъ помѣщеній, безъ введенія въ оцѣнку ни находящихся въ нихъ предметовъ и издѣлій торгова или промысла, ни торговыхъ промышленныхъ оборотовъ, приче́мъ означеннымъ помѣщеніямъ необходимо произвести специальную оцѣнку, съ тщательнымъ выясненіемъ какъ цѣнности, такъ и доходности ихъ.

По словамъ „Гражданина“, въ послѣднихъ двухъ засѣданіяхъ общаго собранія Государственнаго Совѣта, изъ коихъ одно было 28 мая, а другое въ четвергъ, 1 іюня, должны были быть рассмотрѣны два проекта, внесенные министерствами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ: о предѣльномъ земскомъ обложеніи и о новомъ продовольственномъ уставѣ.

Какъ сообщаетъ „Финл. Газ.“, сенаторъ Мехелинъ произнесъ надъ громомъ б. ландмаршала сейма 1897 года и сенатора Троиля слѣдующую рѣчь:

„Отъ мрачныхъ обстоятельствъ, вызванныхъ невѣрно направленной политикой, которую старались приложить въ послѣднее время къ нашей странѣ, мысль охотно обращается назадъ, ко времени, освѣщенному солнцемъ, когда представители финскаго народа были призваны Александромъ II для выполненія функций, возлагаемыхъ на нихъ основнымъ закономъ, когда Императоръ и Великій Князь дали свое полное признаніе основному принципу управленія, единственно являющемуся правильнымъ, а именно, что управленіе Финляндіей должно имѣть цѣлью ея благо.“

Это было въ 80 годахъ, когда въ русской политикѣ появились первые предвѣстники измѣненій по отношенію къ Финляндіи, безъ всякой вины со стороны финновъ. Я былъ свидѣтелемъ и могу описать тѣ трудности, съ которыми Сенату приходилось иногда имѣть дѣло, но это завело бы слишкомъ далеко! Съ тяжестью на сердцѣ Троиль пришелъ къ убѣжденію, что его благородное слово, серьезныя и умѣренныя представленія не производятъ болѣе никакого дѣйствія. Тогда онъ рѣшилъ удалиться отъ всего. Вечеръ жизни наступилъ. Одно время казалось, какъ будто направленіе политики 1889—1894 годовъ измѣнилось. Онъ и мы надѣялись, что нормальное положеніе станетъ дѣйствительностью. Съ новой надеждой работали на сеймѣ 1897 года, вмѣстѣ съ Троилемъ, какъ передовымъ мужемъ. Но надежда насъ скоро обманула. Вла-

городный мужъ, тебѣ не удалось еще разъ въ жизни увидѣть сверканіе счастья надъ дорогой отчизной!“...

По предложенію гласнаго К. К. Арсеньева, с.-петербургское губернское земство вновь возбуждаетъ ходатайство о сложеніи съ уѣздныхъ земствъ обязательныхъ расходовъ на содержаніе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія и уѣздныхъ по воинской повинности, на содержаніе арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ, а также по квартирной и подводной повинности. Расходы эти для скромныхъ бюджетовъ уѣздныхъ земствъ крайне обременительны. Такъ напр., на выполненіе подводной повинности ежегодно расходуется около 122,000 руб. и на содержаніе арестуемыхъ до 200,000 руб. Расходы по остальнымъ перечисленнымъ статьямъ превышаютъ 60,000 руб. (Сѣв. Кур.).

Въ Малоархангельскѣ Орловской губ. 16 мая окружнымъ судомъ, съ участіемъ прис. засѣдателей, слушалось дѣло по обвиненію мѣстнаго дворянина Т. въ растратѣ имъ церковныхъ денегъ въ бытность церковнымъ старостой. Защитникъ Т. пом. прис. повѣр. московскаго округа Полетика постановленіемъ суда былъ устраненъ отъ защиты за дерзкое обращеніе къ суду. Присяжные вынесли Т. оправдательный вердиктъ. (Кор.).

17 мая въ г. Екатеринодарѣ выѣздной сессіей тифлисской судебной палаты разсматривалось дѣло бывшаго предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей въ Екатеринодарѣ С. Х. Слабизіона, по обвиненію его въ оскорбленіи на судѣ одного изъ „ходатаевъ по дѣламъ“, котораго онъ назвалъ „подпольнымъ адвокатомъ“. Палата признала г. Слабизіона виновнымъ и приговорила его къ выговору со внесеніемъ послѣдняго въ послужной списокъ. („Куб. Обл. Вѣд.“).

Сотскій Н. Дидченко былъ преданъ суду за оскорбленіе дѣйствіемъ частнаго лица, при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Арестовавъ за какую-то провинность запасаго фейерверкера Гарбенко и отвѣдя его въ кордегардію, Дидченко позволилъ себѣ нанести ему тамъ два удара по лицу. Окр. судъ приговорилъ Дидченко къ 7 дневному аресту. Обвиняемый перенесъ дѣло въ одес. суд. палату, доказывая, что Гарбенко своимъ поведеніемъ вызвалъ его на такой образъ дѣйствій. Палата вчера утвердила рѣшеніе окр. суда. (Од. Л.)

Въ закончившейся на дняхъ сессіи одес. суд. палаты, съ участіемъ сосл. представителей, разсматривалось дѣло о сотскомъ с. Горностаевки Р. Гамащенко и десятекомъ И. Лукьяновѣ, обвинявшихся въ вымогательствѣ. Гамащенко и Лукьяненко, по жалобѣ кр. Вѣлецкаго на то, что его побилъ В. Голушко, вечеромъ 26 декабря прошлаго года отправились на квартиру Голушко, чтобы арестовать его. Голушко далъ имъ нѣсколько копѣекъ и обѣщалъ на другой день дать еще рубль, чтобы его не заперали въ „холодную“. Гамащенко и Лукьяненко согласились на это и на другой день явились за обѣщаннымъ рублемъ. Не заставъ В. Голушко дома, они стали требовать рубль

отъ родителей его, грозя имъ арестомъ. Мать Годушко побѣжала въ лавку, гдѣ достала рубль и передала его Гаманенко и Лукьянову. На судѣ виновность Лукьянова совершенно не была доказана, а относительно Гаманенко было установлено, что онъ полученный рубль сейчасъ-же отнесъ и сдалъ уряднику. Палата, оправдавъ Лукьянова, приговорила Гаманенко къ 2 руб. штрафу или 2-дневному аресту. (Од. Л.)

Въ саратовскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію крестьянки Карповой въ отравленіи мышьякомъ съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ. Одинъ изъ свидѣтелей показалъ, что Карпова была „не въ своемъ умѣ“. Защитникъ просилъ дѣло отложить и подвергнуть Карпову медицинской экспертизѣ. Судь отклонилъ это ходатайство. Затѣмъ, когда защитникъ въ своей рѣчи пробовалъ освѣтить дѣло съ точки зрѣнія ненормальности подсудимой, предсѣдатель суда прервалъ его, напомнивши о постановленіи суда. Послѣ преній сторонъ и заключительной рѣчи предсѣдателя, **присяжные** удалились въ совѣщательную комнату и послѣ непродолжительнаго совѣщанія заявили предсѣдателю, что они **затрудняются вынести вердиктъ**, пока не будетъ произведена медицинская экспертиза умственныхъ способностей Карповой. Судь послѣ непродолжительнаго совѣщанія постановилъ, какъ сообщаетъ „Сар. Дн.“, передать этотъ вопросъ на заключеніе судебной палаты.

Въ послѣднее время въ Новоукраинскомъ волостномъ правленіи разными лицами совершаются всякаго рода сдѣлки и контракты на довольно крупныя суммы и даже безъ оплаты установленнаго актовaго сбора, чѣмъ нарушаются 91 ст. Общаго полож. о крест., 715 и 1700 ст. т. X ч. 1 и 6 п. 81 ст. Уст. о гербовомъ сборѣ и причиняется ущербъ казнѣ. По этому поводу былъ составленъ протоколъ. **Волостное правленіе** въ оправданіе своего поступка доставило письменныя доказательства, что оно было къ тому **понуждено своимъ прямымъ начальствомъ** и за первоначальный отказъ было подвергнуто административному взысканію. 17-го мая сюда пріѣзжалъ елисаветградскій уѣздный предводитель дворянства для производства дознанія по жалобѣ, поданой нѣкимъ М. Вѣрниковымъ херсонскому губернатору на мѣстнаго земскаго начальника за превышеніе будто бы послѣднимъ своей власти (Новор. Тел.)

„Сѣв. Кр.“ сообщаетъ о томъ о громкомъ дѣлѣ, разбиравшемся 27 января въ г. Шуѣ выѣздной сессіей владимірскаго окр. суда (при закрытыхъ дверяхъ), о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности 12-ти прихожанъ села Ерыкова, горницкой волости, шуйскаго уѣзда, за **оскорбленіе дѣйствіемъ въ храмѣ своего приходскаго священника о. Смирнскаго**, нынѣ отрѣшеннаго отъ священно-служенія и служащаго уже причетникомъ въ с. Введенѣ, пушковской волости, шуйскаго уѣзда; кромѣ того, четверо изъ нихъ въ томъ числѣ и церковный староста И. В. Трухинъ обвинялись по 214 ст. улож. о наказ., т. е. за оскорбленіе съ умысломъ дерзкими и грубыми словами священника во время отправленія имъ службы и за то, что тѣмъ прервали или остановили ея продолженіе.

По этому дѣлу, слушавшемуся безъ участія присяжныхъ засѣдателей, былъ вынесенъ оправдательный приговоръ всѣмъ обвиняемымъ, но товарищъ прокурора владимірскаго окружнаго суда по шуйскому уѣздѣ А. В. Скопинскій принесъ на этотъ приговоръ въ отношеніи послѣднихъ 4-хъ обвиняемыхъ по 214 ст. улож. о наказ. протестъ въ московскую судебную палату.

Послѣдняя разбирала вновь это дѣло 13 мая и утвердила оправдательный приговоръ окружнаго суда, оставивъ безъ послѣдствій вышеозначенный протестъ.

Нѣкоторые ожидавшіе приговора у зданія суда въ Шуѣ, услышавъ, что вынесенъ оправдательный приговоръ, кричали въ восторгѣ: „браво“ и „ура“ и кидали шапки вверхъ.

Въ с. Шелаговѣ Орл. у. Вятск. г. въ арестанскую при волостномъ правленіи **посаженъ былъ крестьянинъ Петелинъ**. На другой день сторожъ доложилъ старшинѣ, что Петелинъ не дышитъ. Рѣшено было, что Петелинъ умеръ отъ излишняго употребленія вина, и трупъ былъ преданъ землѣ. Однако прокуроръ распорядился произвести вскрытіе трупа Петелина. Трупъ былъ вскрытъ, и по вскрытіи оказалось, что на черепѣ имѣется большая трещина (Волжск. В.).

„Сѣв. Зап. Сл.“ сообщаетъ, что по невыясненной причинѣ **трое солдатъ въ г. Ковнѣ погнались за шедшимъ мужчиной**, повидимому, рабочимъ, и женщиной: перваго застрѣлили, а вторую ранили въ руку. Слѣдствіе производится.

„Зак. Обзор.“ передаетъ, что 10 мая, въ засѣданіи выѣздной сессіи туркестанскаго военно-окружнаго суда было разобрано **дѣло объ убійствѣ казаками, съ цѣлью грабежа**, 2 персовъ и нанесеніи ранъ 3 другимъ персамъ.

Обвинялись въ нападеніи на персовъ шесть казаковъ 1 таманскаго полка кубанскаго казачьяго войска. Нападеніе было сдѣлано съ очевидною цѣлью грабежа, такъ какъ разбойники перерыли всѣ вещи убитыхъ людей и вытащили не только деньги, но и чай, сахаръ, табакъ, найденные ими у своихъ жертвъ. Уличителями убійцъ явились оставшіеся въ живыхъ персы, которые отчасти видѣли картину разбоя.

Судь вынесъ резолюцію, коей приговорилъ по лишеніи воинскаго званія и всѣхъ правъ и преимуществъ Чабанца къ безсрочной каторгѣ, Костенко, Герасименко и Педуса къ каторжнымъ работамъ: перваго—на 20 лѣтъ и двухъ остальныхъ—на 18 лѣтъ cadaго. Никитенко и Шевченко по суду оправданы и тутъ же выпущены на свободу.

17-го мая въ воронежскомъ окружномъ судѣ слушалось **дѣло о врачѣ** г. Майзелѣ, обвинявшемся въ неосторожномъ причиненіи смерти. Изъ обвинительнаго акта видно, что г. Майзель 13 мая 1897 г., въ гор. Воронежѣ, пользуя больнаго мальчика, по невнимательности и неосмотрительности выписалъ ему для клизмы чрезмѣрно сильный пятипроцентный растворъ резорцина, послѣ употребленія котораго произошло отравленіе резорциномъ и смерть пациента. Судь, по

разсмотрѣнн дѣла, приговорилъ г. Майзель къ стро-
гому выговору.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Уголовное Отдѣленіе.

Въ засѣданіи отдѣленія 13 мая, происходившемъ
подъ предѣлательствомъ С. Ѳ. Платонова, дѣйст. чл.
Г. В. Слюзбергъ сдѣлалъ сообщеніе на тему „объ
исторіи законодательныхъ предположеній объ отмѣнѣ
ссылки“.

По мнѣнію докладчика, русская современная жизнь
представляетъ одно очень любопытное явленіе: это—
та масса законодательныхъ проектовъ, по обилію ко-
торыхъ Россія, вѣроятно, переоголяла всѣ другія
страны. Если бы всѣ предположенія осуществились,
то отъ всѣхъ 16 томовъ нашего Свода, за исключеніе-
мъ, конечно, перваго, камня на камнѣ не осталось
бы. Это обиліе проектовъ нельзя объяснить особымъ
„приваніемъ“ нашего времени къ законодательство-
ванію; этого приванія нѣтъ и теперь, какъ его не
было во время Савиньи. Все дѣло для Россіи объяс-
няется полнымъ несоотвѣтствіемъ нашихъ правовыхъ
институтъ съ тѣми новыми устоями нашей жизни,
которые были введены уничтоженіемъ крѣпостного
права и другими реформами 60-хъ годовъ. Тогда же
и были намѣчены и тѣ коренныя измѣненія въ на-
шемъ законодательствѣ, которыя логически были свя-
заны съ этими реформами, и въ сущности всѣ тепе-
решніе проекты представляютъ лишь развитіе идей,
высказанныхъ въ то время.

Исторія законод. предположеній объ отмѣнѣ ссылки
подтверждаетъ это мнѣніе. Прослѣдить ее особенно ин-
тересно теперь, когда она доживаетъ свои послѣдніе
дни: какъ извѣстно, проектъ Комисіи, образованной
согласно Высочайшему Повелѣнію 6 Мая 1899 г., уже
внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и,
вѣроятно, въ самомъ непродолжительномъ времени
станетъ закономъ. Весьма цѣнныя свѣдѣнія по исторіи
ссылки содержитъ изданная недавно тюремнымъ вѣ-
домствомъ книга: „Ссылка въ Сибирь, очеркъ ея исто-
ріи и современнаго положенія“.

Вопросъ объ отмѣнѣ ссылки по судебнымъ приго-
ворамъ и объ упорядоченіи ея ведетъ свою исторію со
времени гр. Сперанскаго. Уже въ первой половинѣ
30-хъ годовъ Императоръ Николай I на рапортѣ Том-
скаго Губернатора положилъ резолюцію: „разсмотрѣть,
нѣтъ ли возможности вовсе прекратить ссылку въ Си-
бирь, оставивъ сіе для однихъ каторжныхъ“. При об-
сужденіи вопроса въ Государственномъ Совѣтѣ была
признана невозможность отмѣны ссылки. Были вырабо-
таны лишь нѣкоторыя мѣры для того, чтобы ссылка
могла преслѣдовать исправительныя цѣли—мѣры, на-
вѣяныя гуманитарными теченіями теоріи 40-хъ го-
довъ, не имѣвшія никакихъ практическихъ результа-
товъ.

Вопросъ объ отмѣнѣ административной ссылки по
приговорамъ общества возникъ уже въ началѣ 60-хъ
годовъ; чрезвычайно характерно отношеніе къ нему
законодательства. Оно признавало несправедливость

этого вида ссылки, совершенно несомѣстимой съ пра-
вами личности, но никогда не признавало даже въ
теоріи, что ее слѣдуетъ отмѣнить. Причина этому та,
что администр. ссылка по приговорамъ обществъ счи-
тается обычно правовымъ институтомъ народной жизни
(въ дѣйствительности это прямое наслѣдіе помѣщи-
чьей власти надъ крѣпостными, функція которой пе-
редана обществу), къ которому слѣдуетъ относиться съ
особой осторожностью и почительностью. Это взглядъ
отраженіе столь распространеннаго у насъ взгляда на
крѣпостное, обычное право—какъ нѣчто несомѣнно
хорошее цѣлесообразное, имѣющее глубокой смыслъ.
Законодательную нормировку администр. ссылка полу-
чила въ Сводѣ 1857 г. Законъ 22 Марта 1860 г.
отмѣнилъ отдачу порочныхъ людей въ военную службу.
Второе отдѣленіе Собств. Е. И. В. Канцеляріи проек-
тировало замѣнить это уничтоженное право обществъ
и начальствъ правомъсылать такихъ людей въ Си-
бирь, въ административномъ порядкѣ. Государственный
Совѣтъ въ 1862 г. призналъ, что предоставленіе об-
ществамъ назначать такое строгое наказаніе, по своему
усмотрѣнію, безъ суда, противорѣчитъ направленію
законодательства. При вторичномъ разсмотрѣніи во-
проса въ 1863 г. Госуд. Совѣтъ принялъ предложен-
ную II Отдѣл. мѣру о передачѣ порочныхъ людей по
приговорамъ обществъ въ распоряженіе правительства,
которое предоставляло исключаемымъ изъ обществъ
найти себѣ новое общество; если такое общество не
находилось, то по распоряженію губернскаго правленія
исключаемый ссылался въ отдаленныя губ. Правила
эти были распространены и на лицъ, не принимаемыхъ
обществами по отбытіи ими наказанія по суду.

Уже въ 1866 г. по ходатайству Мин. Вн. Дѣлъ
Валуева примѣненіе закона 1865 г. было приостано-
влено. Но въ 1867 г. по Высочайше утвержденнымъ
положеніямъ Комитета Министровъ администр. ссылка,
взвѣсивъ отдачу въ распоряженіе правительства, была
возстановлена и вопросъ объ отмѣнѣ ея не возникалъ
до начала 70-хъ годовъ. Именно въ 1871—72 гг.
работали двѣ комиссіи: одна подъ предѣлательствомъ
В. В. Фриша надъ пересмотромъ лѣстницы наказаній.
другая Минист. Внутр. Дѣлъ—надъ реформой катор-
жныхъ учрежденій. Въ Государств. Совѣтѣ работы
обѣихъ комиссій и особенно вопросъ о ссылкѣ под-
вергся тщательному обсужденію въ особой комиссіи,
подъ предѣлательствомъ статсъ-секретаря К. К. Грота.
Госуд. Совѣтъ къ опредѣленнымъ выводамъ не при-
шелъ: признавъ ссылку какъ карательную мѣру весьма
нецѣлесообразной, онъ затруднился разрѣшеніемъ во-
проса объ отмѣнѣ ея по соображеніямъ финансоваго
свойства. Относительно же администр. ссылки Госуд.
Совѣтъ призналъ ее лишенной всякаго юрид. основа-
нія, но, во вниманіе къ историческому происхожденію
права обществъ удалять порочныхъ людей и къ осо-
бымъ условіямъ сельской жизни, не нашелъ возможнымъ
отмѣнить ее тогда же. Было высказано пожеланіе лишь
о скорѣйшей отмѣнѣ права ссылки *мѣщанскими* об-
ществами. Положенія, выработанныя комиссіей Госуд.
Совѣта подъ предѣлательствомъ К. К. Грота, легли
въ основаніе проекта уголовного удоженія: ссылка,
какъ карат. мѣра, сохраняется за дѣянія, истекающія
изъ заблужденій религіозныхъ и политическихъ.

Въ серединѣ 80-хъ годовъ вопросъ о ссылкѣ былъ снова поставленъ на очередь, благодаря поѣздкамъ въ Сибирь начальн. главнаго тюремнаго управ. М. Н. Галкина-Враскаго, который лично ознакомился съ ужаснымъ положеніемъ ссылки. Въстѣ съ тѣмъ по поводу всеподданнѣйшаго отчета Томскаго губерн. за 1886 г. была выражена Высочайшая воля, чтобы ссылка подверглась скорѣйшему упорядоченію.

Въ 1888 г. за общей подписью Министра Юстиціи Манассеина и Мин. Внутр. Дѣлъ графа Толстого было внесено представленіе въ Государственный Совѣтъ о реорганизациіи судебной и административной ссылки. Относительно замѣны ссылки, какъ карательной мѣры, представленіе стояло на почвѣ проекта уголовного уложенія. Относительно же административной ссылки предположено было: 1) совершенно отмѣнить право непріятія обществами наказанныхъ, 2) право удаленія порочныхъ членовъ затруднить тѣмъ, что общество должно снабдить удаляемаго кормовыми, одеждою и деньгами на продовольствіе втеченіе двухъ лѣтъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ вопросъ объ отмѣнѣ ссылки по судебнымъ приговорамъ былъ отложенъ разрѣшеніемъ: въ проектъ же Минист. Внутр. Дѣлъ объ администр. ссылкѣ былъ измѣненъ и дополненъ Департаментами Госуд. Совѣта и въ такомъ видѣ принятъ большинствомъ 34 противъ 8 членовъ. Но проектъ этотъ не сталъ закономъ: Государь Императоръ согласился съ мнѣніемъ меньшинства.

Въ 90-хъ годахъ вопросъ о ссылкѣ занимаетъ постоянно правительство. Въ 1893 г. на всеподданнѣйшемъ отчетѣ Томскаго губернатора послѣдовала Высочайшая отмѣтка: „Обращаю вниманіе Министровъ Внутрен. Дѣлъ и Юстиціи на то, что уже давно пора избавить Сибирь отъ наводненія ея всеми отбросами Европейской Россіи, въ особенности теперь, когда западная ея часть уже соединена желѣзной дорогою“.

Въ настоящее царствованіе, къ разрѣшенію вопроса объ отмѣнѣ ссылки приступлено окончательно: по докладѣ Государю отчета А. П. Соломона о положеніи ссылки, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ образованіи подъ личнымъ Его Величества предсѣдательствомъ особаго совѣщанія, результатомъ коего и было Высочайшее Повелѣніе 6 Мая 1899 г.

Послѣ сообщенія Г. В. Сліозберга предсѣдательствующій С. Ф. Платоновъ произнесъ рѣчь¹⁾, въ которой выяснилъ значеніе работы, предстоящей отдѣленію по осуществленію проекта Комиссіи, пересматривавшей Судебные уставы и сообщилъ предположенія Редакціоннаго Комитета о порядкѣ работы: составъ Ред. Ком. долженъ быть пополненъ временными членами, которыми явятся всѣ желающіе принять участіе въ работѣ; для ускоренія желательны доклады не обширные и при томъ по тѣмъ вопросамъ процесса, въ которые внесены Проектомъ измѣненія: доклады желательны изготovitъ къ октябрю, когда возможно будетъ приступить къ ихъ обсужденію.

Весь проектъ для удобства обсужденія раздѣленъ на 15 частей и С. Ф. Платоновъ предложилъ желающимъ выбрать тѣ части, по которымъ они думаютъ

представить доклады. Изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи доклады общали: А. А. Вашихмаковъ, В. Н. Бобровъ, С. К. Гоголь, О. О. Грузенбергъ, Г. Г. Евангуловъ, А. А. Жижиленко, В. Д. Кузьминъ-Каравановъ, С. Ф. Платоновъ, Г. В. Сліозбергъ, Н. А. Цухановъ, В. П. Ширковъ, М. А. Шрамченко.

Пр. Сенатъ разъяснилъ, что **подъ понятіемъ заводъ необходимо признать такое заведеніе**, въ коемъ производится извѣстный промыселъ, требующій по размѣрамъ производства выборки соответствующаго промысловаго свидѣтельства, на основаніи пол. о сборѣ за право торг. и пром. (т. V Св. Зак. изд. 1893 г.) и правилъ полож. о гос. пром. налогѣ 8 іюня 1898 г. (№ 8319).

Библіографія.

Н. В. Муравьевъ. Изъ прошлой дѣятельности: томъ первый: статьи по судебнымъ вопросамъ; томъ второй: рѣчи и сообщенія. Спб. 1900.

Авторъ настоящей книги давно уже завоевалъ себѣ почетную извѣстность талантливаго писателя и блестящаго оратора. Собравъ воедино написанныя въ разное время, на разнообразныя темы, статьи и произнесенныя по тѣмъ или другимъ поводамъ рѣчи, авторъ съ полнымъ правомъ указываетъ самымъ заглавіемъ книги, что она заключаетъ въ себѣ лишь часть его прошлой дѣятельности: въ научномъ отношеніи послѣдняя выразилась, какъ извѣстно, въ крупномъ и замѣчательномъ трудѣ „Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности“ (1889 г.); изъ судебныхъ же рѣчей Н. В. Муравьева только очень небольшая доля вошла въ разсматриваемый сборникъ. Тѣмъ не менѣе, сборникъ этотъ, не заключающій въ себѣ всей прошлой дѣятельности автора, даетъ обиліе весьма интереснаго матеріала и долженъ быть признанъ цѣннымъ вкладомъ въ нашу юридическую литературу.

Въ предисловіи къ первому тому, авторъ говоритъ, что онъ могъ отдавать литературно-юридической работѣ только немногіе и случайные свои досуги, и объясняетъ этимъ „отрывочный“, эпизодическій характеръ и скромное значеніе очерковъ, отнюдь не претендующихъ быть изслѣдованіями“.

Конечно, отнесеніе той или другой работы къ разряду очерковъ или изслѣдованій вовсе не предрѣшаетъ вопроса о дѣйствительномъ научномъ значеніи этой работы. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ сказать, что по крайней мѣрѣ четыре изъ одиннадцати статей, вошедшихъ въ сборникъ (двѣ статьи о судѣ присяжныхъ, одна о судебной службѣ и одна о прокурорскомъ надзорѣ) имѣютъ значеніе гораздо большее, нежели указанное въ предисловіи.

Первая изъ нихъ касается вопроса объ оправдательныхъ рѣшеніяхъ присяжныхъ засѣдателей при сознаніи подсудимыхъ и написана въ 1880 г. Въ печать тогда проникъ слухъ о проектѣ закона, устраняющаго присяжныхъ засѣдателей отъ разрѣшенія тѣхъ дѣлъ, по которымъ подсудимые сознались. Справедливо замѣчая, что проектъ этотъ, превратившись въ законъ, „официально бы подтвердилъ то весьма распространенное мнѣніе, по которому нашъ судъ присяжныхъ вообще часто уклоняется отъ правильнаго пути и своихъ прямыхъ задачъ“. Н. В. Муравьевъ подробно останавливается на лежащей въ основаніи этого мнѣнія посылкѣ, согласно которой сознаніе, подтверждающееся обстоятельствами дѣла, при отсутствіи законныхъ причинъ невѣренія, якобы налагаетъ на судъ обязанность произнести обвинительный приговоръ. — и дѣльмъ

¹⁾ Рѣчь эта будетъ напечатана въ слѣд. № „Правда“.

рядомъ неопровержимыхъ доводовъ доказываетъ всю несостоятельность этого мнѣнія. Авторъ разбираетъ ст. 754 у. у. с. и приходитъ къ тому выводу, что она говоритъ о вѣнненіи не въ узкомъ смыслѣ 92 ст. улож. о нак., а вообще о вѣнненіи „по причинамъ конкретнымъ индивидуальнымъ, которыя предусматривать и перечислить нѣтъ никакой возможности, потому что онѣ также разнообразны и неожиданны, какъ сама жизнь, ихъ производящая, почему и оцѣнка ихъ можетъ быть только дѣломъ внутреннего убѣжденія и свободной совѣсти суда“. Въ этихъ случаяхъ „смыслъ оправданія сводится къ тому, что подсудимый хотя и совершилъ преступленіе, но въ дѣяніи его злой, преступной воли не оказывается, или налична незначительная доля ея погашается исключительными обстоятельствами, почему онъ и не долженъ подлежать за содѣянное уголовному наказанію“. Другими словами—и на практикѣ это почти всегда такъ бываетъ—оправданіе сознавагося и вѣняемаго (въ смыслѣ улож. о нак.) преступника можетъ имѣть мѣсто во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда судъ коронный или присяжный признаетъ, что онъ не заслуживаетъ наказанія.

„Присяжные“, образно говоритъ авторъ „понимаютъ и признаютъ предъявленный имъ ариеметическій счетъ признаковъ преступленія, но они находятъ подсудимаго неотвѣственнымъ по этому счету, у нихъ не поднимается рука на подсудимаго, потому что въ душѣ они *извиняютъ*¹⁾ его. Они становятся на ту единственную точку зрѣнія, которую имъ указываетъ незачерствѣлое сердце, не связанный рутинною разсудокъ“.

Другія причины того же явленія кроются въ свойствахъ и особенностяхъ нашего уголовного законодательства, въ его иногда непомѣрной строгости. Авторъ горячо возстаетъ противъ сторонниковъ уголовного осужденія по формѣ, спасительной строгости во что бы то ни стало. „Даже во имя строгой легальности нельзя насилловать совѣсть судей внутреннего убѣжденія... нельзя, не оскорбляя самой идеи правосудія, заставлять ихъ произносить приговоры завѣдомо для нихъ несправедливые или несообразныя съ виною“. Попутно касаясь запрещенія упоминать передъ присяжными о карѣ, ожидающей подсудимаго въ случаѣ его осужденія, авторъ замѣчаетъ, что въ нашемъ процессѣ нѣтъ болѣе неудачнаго, бесплоднаго или, по крайней мѣрѣ, преувеличенно—взятаго правила“. Наконецъ, онъ останавливается на неудовлетворительности иныхъ изъ вашихъ процессуальныхъ порядковъ—напр., продолжительное предварительное заключеніе—какъ на одной изъ причинъ, влияющихъ на оправданіе сознавшихся.

Свою статью авторъ заключаетъ слѣдующими словами:

„Въ неприкосновенной цѣлости и правильномъ развитіи присяжнаго судопроизводства—будущность и надежда русскаго уголовного правосудія“.

Къ тому же году относится статья „Суррогатъ суда присяжныхъ“, въ которой авторъ съ большимъ знаніемъ дѣла критикуетъ форму суда съ основными представителями. Высказанные имъ здѣсь взгляды въ настоящее время получили общее признаніе, и можно только удивляться тому, что могъ такъ долго продержаться институтъ, несостоятельность коего обнаружилась съ первыхъ же его шаговъ.

Не менѣе замѣчательными и цѣнными слѣдуетъ считать двѣ другія статьи: о судебной службѣ и о прокурорскомъ надзорѣ. Каждая изъ нихъ является прекрасной обстоятельной монографіей по соответствующему вопросу. Въ нихъ проявляются горячая любовь къ судебному дѣлу въ обширномъ смыслѣ

слова, чувство огромнаго уваженія къ этому дѣлу и соответственно этому строгая требовательность ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя работаютъ на судебномъ поприщѣ.

Авторъ рисуетъ, такъ сказать, идеаль судьи и прокурора, не скрывая отъ себя, что дѣйствительность часто расходится далеко съ этимъ идеаломъ.

Статья „о судебной службѣ“ носитъ еще другое заглавіе: „бесѣды съ кандидатами на судебныя должности“. Мы навѣрно не ошибаемся, думая, что подобныя бесѣды должны были имѣть чрезвычайно сильное и глубокое влияние на юныхъ слушателей: лишенныхъ всякой докторальности, онѣ привлекаютъ вниманіе важностью рассматриваемыхъ вопросовъ, серьезностью мысли и изяществомъ ея выраженія. Обѣ статьи имѣютъ между собою внутреннюю связь¹⁾. Но вторая, помимо вопроса о прокурорской службѣ, касается и общихъ основаній прокурорской дѣятельности по уголовнымъ дѣламъ.

Здѣсь обращаетъ на себя, между прочимъ, вниманіе полемика автора съ проф. Фойницкимъ, касательно допущенія въ сферу дѣятельности прокуратуры принципа усмотрѣнія, отвергаемаго проф. Фойницкимъ и допускаемаго Н. В. Муравьевымъ въ слѣдующихъ предѣлахъ: „Закономѣрность—въ основномъ принципѣ, цѣлесообразность или умѣстность—въ выборѣ средствъ и приемовъ дѣйствія; законмѣрность—какъ общее правило, цѣлесообразность или умѣстность—какъ исключеніе, ограниченное определеннымъ моментомъ преслѣдованія и, притомъ, строго обусловленное яснымъ и настоятельнымъ публичнымъ интересомъ, безъ малѣйшаго въ чемъ либо ущерба интересамъ частнымъ“. Не входя въ разсмотрѣніе этого крупнаго вопроса по существу, замѣтимъ только, что, по нашему мнѣнію, точка зрѣнія проф. Фойницкаго является единственно правильной, допускающей возможность послѣдовательнаго проведенія ея до конца, устраняющей примѣненіе всякихъ политическихъ соображеній, неизбежныхъ при другой точкѣ зрѣнія и могущихъ прити въ столкновеніе съ понятіемъ уголовного правосудія. Отстаивая право прокурора оставлять безъ преслѣдованія нѣкоторые изъ преступныхъ дѣяній, „хотя бы съ вышней стороны и заключающія въ себѣ формальные признаки преступленія“, утверждая, что начальство „хотя бы въ лицѣ министра юстиціи“ имѣетъ право предписать прокуратурѣ не возбуждать преслѣдованія въ извѣстномъ случаѣ, по тѣмъ или другимъ правительственнымъ или государственнымъ соображеніямъ, авторъ не скрываетъ отъ себя возможности произвола, и въ видѣ панацеи выставляетъ необходимость соблюденія трехъ ограничительныхъ условий: 1) наличности серьезнаго публичнаго интереса къ невозбужденію уголовного преслѣдованія; 2) признанія этого интереса со стороны компетентнаго прокурорскаго начальства, не ниже прокурора судебной палаты.. и 3) неприкосновенности частныхъ интересовъ потерпѣвшаго, при заявленіи которыхъ уже не можетъ быть отказано въ преслѣдованіи. Нечего и говорить, однако, что при допущеніи принципа усмотрѣнія, необходимость соблюденія указанныхъ условий является благимъ желаніемъ—и только. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, гарантія того, что они будутъ соблюдены? Почему указаны именно эти условія, а не какія нибудь другія? Можно ли безусловно ожидать, что даже прокуроры судебныхъ палатъ всегда будутъ правильно оцѣнивать серьезность публичнаго интереса въ невозбужденіи уго-

¹⁾ Замѣтимъ, мимоходомъ, что вслѣдствіе принятой авторомъ системы—предлагать читателю въ томъ видѣ, въ которомъ они были первоначально напечатаны, получилась маленькая шероховатость: стр. 308 и 414 буквально повторяютъ другъ друга.

¹⁾ Курсивъ автора.

ловнаго преслѣдованія? А какъ быть, если ничтожный частный интересъ сталкивается съ крупнымъ публичнымъ интересомъ? Авторъ самъ признаетъ (стр. 562), что соединеніе закономѣрности съ цѣлесообразностью можетъ оказаться дилеммой, изъ которой нелегко выйти безъ произвола или безъ формализма, смотря по тому, въ чью сторону склонится предпочтеніе. Но формализмъ всегда слѣдуетъ предпочесть произволу: формализмъ иногда тягостенъ, произволъ же имѣетъ и худшія стороны.

Признавая, что принципъ усмотрѣнія не проводится категорически нашимъ законодательствомъ, авторъ видитъ косвенное указаніе въ пользу его допущенія въ редакціи ст. 311 и 858 у. у. с. Но повидимому, онъ не придаетъ большаго значенія этому доводу. И дѣйствительно, ст. 311 указываетъ только на возможные поводы возбужденія дѣла прокуроромъ, вовсе не касаясь активной силы этихъ поводовъ, т. е. не разрѣшая ни прямо, ни косвенно вопроса объ обязательности возбужденія преслѣдованія по этимъ поводамъ.

Статья, нами разсматриваемая, самая обширная въ сборникѣ (болѣе 150 стр.) и представляется фрагментомъ еще не законченнаго авторомъ второго тома „Прокурорскаго надзора въ его устройствѣ и дѣятельности“. Нельзя не пожелать, чтобы автору удалось довести свой трудъ до конца. Полная догматика русской прокурорской службы до сихъ поръ отсутствуетъ: авторъ вооруженъ всѣми средствами для того, чтобы съ блескомъ восполнить этотъ недостатокъ.

Прочія статьи ¹⁾ сборника, менѣе значительныя либо по объему, либо по свойству темы, будутъ во всякомъ случаѣ прочтены съ интересомъ, такъ какъ въ каждой изъ нихъ сказывается болѣе или менѣе ярко талантъ автора, знакомство его съ жизнью, умѣнье его о каждой изъ разнообразныхъ темъ, коимъ посвящены статьи сборника, сказать нѣчто содержательное и если не всегда новое (въ иныхъ случаяхъ авторъ и не ставитъ себя такой задачи), то во всякомъ случаѣ дающее полное и ясное представленіе о томъ предметѣ, котораго авторъ касается. Въ статьѣ, представляющей вступительную лекцію, читанную авторомъ въ Московскомъ университетѣ въ 1875 г., обращаетъ на себя вниманіе восторженное отношеніе молодаго лектора къ судебнымъ уставамъ 1864 г. „Начала въ ней (книгѣ суд. уст.) проведенныя, такъ высоки и чисты, вліянія и послѣдствія ихъ такъ благодѣтельны для русской жизни, что дальше ихъ намъ нечаѣмъ и некуда идти“.

Обращаясь ко второму тому, заключающему въ себя рѣчи и сообщенія, нельзя не поспѣловать на автора за чрезмѣрную экономію, соблюденную имъ по отношенію къ періоду прокурорской его дѣятельности, въ особенности по сравненію съ той тщательностью, съ которой сохранены и воспроизведены всѣ даже кратчайшія рѣчи, (въ томъ числѣ и застольныя), произнесенныя авторомъ при служебныхъ поѣздкахъ и относящіяся къ позднѣйшему періоду его дѣятельности въ занимаемой имъ теперь должности.

Въ этихъ послѣднихъ рѣчахъ, по самому ихъ существу, нельзя, конечно, искать образцовъ судебного краснорѣчія. Нѣтъ мѣста ему и въ другихъ рѣчахъ, посвященныхъ пересмотру законоположеній по судебной части, и представляющихъ рядъ

¹⁾ Приводимъ полный перечень:

„Обрядъ публичной казни“, „о предметѣ и изученіи угол. судоустройства и судопроизводства“, „бродяги и бродяжничество“, „наши торьмы и тюремный вопросъ“, „къ учению объ уголовномъ преслѣдованіи за преступленія по службѣ“, „сокращенные способы разрѣшенія маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ въ Германіи и Австріи“ и „къ вопросу о кандидатахъ на судебныя должности“.

сообщеній Н. В. Муравьева въ качествѣ предсѣдателя комиссіи, Высочайше учрежденной для этого пересмотра. Серія этихъ сообщеній печаталась въ теченіе послѣднихъ 5—6 лѣтъ въ Журналѣ Министерства Юстиціи и, стало быть, хорошо извѣстна читателямъ юристамъ. Другія рѣчи, озаглавленныя „отвѣтныя“, произнесены по разнымъ поводамъ при служебныхъ поѣздкахъ и въ свое время печатались въ газетахъ. Среди этихъ коротенькихъ рѣчей, всегда находчивыхъ, можно отмѣтить ревельскую рѣчь, заключающую въ себя нѣчто въ родѣ программы проведенія русскаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ.

Политическій же характеръ имѣетъ рѣчь, произнесенная въ Вильнѣ по поводу открытія памятника графу Муравьеву. Здѣсь не мѣсто касаться по существу ни оцѣнки, даваемой ораторомъ „непосрамившему земли русской старцу“ (такъ называетъ онъ графа Муравьева), ни восхваленія его дѣятельности („суровость его... была лишь дальневидной и непреклонной справедливостью“... „изъ виленскаго дворца были блистательно примѣнены тѣ же разумнѣйшія мѣры, и скоро смута всюду смѣнилась успокоеніемъ и тишиной“). Конечно, не въ рѣчахъ, сказанныхъ при открытіи памятниковъ тѣмъ или другимъ историческимъ дѣятелямъ, слѣдуетъ искать полной и безпристрастной ихъ характеристики. Самая обстановка требуетъ въ этихъ случаяхъ лишь нѣкотораго энтузіазма и пафоса; чѣмъ искреннѣе этотъ энтузіазмъ оратора, чѣмъ полнѣе онъ раздѣляется его слушателями, тѣмъ легче и ему и имъ.

Въ томъ же томѣ помѣщена прочувствованная статья, посвященная памяти покойнаго Государя, слово при вступленіи въ управленіе Министерствомъ Юстиціи, рѣчи при открытіи окружныхъ судовъ, рѣчь при открытіи благотворительнаго общества судебного вѣдомства, объясненія въ госуд. совѣтѣ по поводу судебного преобразования въ Сибири, Туркестанскихъ и Степныхъ областяхъ и относительно измѣненій въ уставѣ эмеритальной кассы. Наконецъ, къ несудебнымъ рѣчамъ относятся: слово въ выдержавшимъ государственный экзаменъ въ Московскомъ университетѣ и рѣчь на 25 лѣтнемъ юбилей Рукавишниковскаго пріюта.

Какъ выше замѣчено, судебныя рѣчи представлены сравнительно скудно. Ихъ всего 16, изъ коихъ три кассационныхъ заключенія (по дѣламъ Пипирса и Витвицкаго, Андерсона и Юлко), десять рѣчей, помѣщенныхъ въ извлеченіи, по дѣламъ о нарушеніи служебныхъ обязанностей, сравнительно небольшая рѣчь по дѣлу о сопротивленіи властямъ и двѣ крупныя рѣчи, въ сложности занимающія болѣе трети всей книги: одна по дѣлу о злодѣяннн 1 марта 1881 г., а другая по извѣстному дѣлу Скопинскаго банка.

Изъ всѣхъ этихъ рѣчей, по нашему мнѣнію, наиболѣе замѣчательной и характерной слѣдуетъ признать послѣднюю. Въ рѣчи по дѣлу о дарувѣйствѣ задача обвинителя была, разумѣется, гораздо легче, нежели задача защиты. Мы вполне понимаемъ, что рѣчь эта помѣщена на первомъ мѣстѣ въ виду государственнаго, историческаго значенія того потрясающаго событія, къ которому она относится. Фактически обстоятельства дѣла были однако ясны и несложны, хотя и обильны; въ характеристикѣ подсудимыхъ не удивительно господство однороднаго взгляда на всѣхъ нихъ, а потому въ этой характеристикѣ, несомнѣнно цѣлесообразной съ точки зрѣнія обвиненія, индивидуальныя особенности каждаго изъ подсудимыхъ, весьма интересныя въ психологическомъ отношеніи, должны были въ значительной мѣрѣ стертаться. Едва ли можно при этомъ признать, чтобы то объясненіе происхожденія революціоннаго движенія, которое мы находимъ на 101 страницѣ книгѣ, было бы исчерпывающимъ („Огромное движеніе... вызванное великими реформами Ве-

ликаго Царя мученика, подняло и передвинуло въ элементы русской жизни, взволновать ее со дна и до поверхности. Но, проѣживаясь и осѣдая, движеніе дало никуда негодные отбросы, отъ стараго отставшіе, къ новому не приставшіе и на все готовые. Явились люди безъ нравственнаго устоя и собственнаго внутренняго содержанія, но воспримчивые къ чужому, постороннему вліянію, только бы оно сулило поприще обширное, заманчивое, легкое, льстящее самолюбію, скромнаго неблагодарнаго труда не требующее. Явились люди, могущіе, за неимѣніемъ или нежеланіемъ другого дѣла,—только „дѣлать“ революцію“).

Остается, конечно, мастерство формы и сокрушающая сила выраженія, почти никогда оратору не измѣняющія.

Что касается дѣла Скопинскаго банка, то здѣсь дарованіе обвинителя развернулось вполне. Необычайная эпопея многолѣтняго хищенія изображена имъ съ такимъ богатствомъ и такой сочностью красокъ, дѣйствующія лица обрисованы такъ тонко и психологически—вѣрно, начиная отъ главнаго воротила Рыкова и кончая ничтожными статистами въ родѣ Красношвецова, въ рѣчи такъ ярко выступаетъ бытовая элементъ, что вся она въ своей совокупности должна быть признана произведеніемъ замѣчательнымъ, даже просто въ литературномъ отношеніи. Мы не говоримъ уже о томъ технически-юридическомъ совершенствѣ, съ которымъ сгруппированы сложныя и запутанныя данныя дѣла, расположенны въ стройную систему огромный матеріалъ обвиненія. Рѣчь читается съ начала и до конца съ неослабвающимъ вниманіемъ и жаднымъ интересомъ. Произнесенная съ тѣмъ рѣдкимъ ораторскимъ искусствомъ, которымъ владѣть авторъ, она должна была произвести впечатлѣніе неотразимое...

Къ сожалѣнію, эта рѣчь въ сборникѣ въ своемъ родѣ единственная. Авторъ въ предисловіи говоритъ, что „изъ многихъ сотенъ обвинительныхъ рѣчей только нѣкоторыя записывались и затѣмъ были отчасти возстановлены“. Этимъ констатируется большая потеря для русскаго судебного краснорѣчія. Позволяемъ себѣ, однако, надѣяться, что авторъ въ будущемъ когда нибудь пожелаетъ издать болѣе полный сборникъ своихъ судебныхъ рѣчей. Мы не сомнѣваемся, что такому сборнику обезпеченъ успѣхъ не меньшей, нежели тотъ, который вѣроятно уже выпалъ на долю разсмотрѣнной нами книги.

Въ краткой рецензій мы не могли, конечно, ознакомить читателей со всѣмъ разнообразнымъ содержаніемъ двухъ томовъ книги Н. В. Муравьева.—Думаемъ, однако, что и приведеннаго достаточно для оправданія и подтвержденія высказанной нами въ началѣ оцѣнки этого труда, появленіе котораго должно было одинаково обрадовать и юристовъ теоретиковъ и практическихъ дѣятелей на судебномъ поприщѣ.

Влад. Набоковъ.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ

Подписчику № 1068.

Подсудны ли волостному суду иски къ лицу, состоящему нотаріусомъ въ предѣлахъ волости?

Согласно ст. VII Высочайше утвержденнаго 12 Юля 1889 г. мнѣнія государственнаго Совѣта (Собраніе Узак. 1889 г. ст. 691) только проживающіе въ селеніяхъ (и волостяхъ) „мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые“ подлежатъ вѣдомству волостнаго суда, слѣдовательно, нотаріусъ этому суду не подвѣдомъ.

Подписчику № 1433.

Имѣютъ ли право крестьяне отказаться отъ дачи руги мѣстному причту, составивъ объ этомъ отказъ приговоръ, если на дачу руги при открытіи церковнаго прихода обязательства не давалось.

По точному смыслу ст. 353 Т. X, ч. 2, Зак. Меж. изд. 1893 г., платежъ руги является временнымъ соглашеніемъ причта съ прихожанами, которое всегда можетъ быть прекращено, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы взаимны прекращенной руги было отведено узаконенное (ст. 349 Зак. Меж.) количество земли.

Все сказанное, конечно, не касается десятиннаго сбора, который, согласно ст. 409 т. IX, Зак. Сост., долженъ оставаться въ прежнемъ видѣ, впродъ до законодательнаго измѣненія его.

При этомъ № годовымъ подписчикамъ разсылается ³/₄ 7-го л. Рѣшен. Уголовн. Кассац. Департ. Правит. Сената за 1899 г.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Н. И. Лазаревскій.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая ул., 18.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 5 июня, по Судебн. Департ.

Апелляц.: Абдурасулева съ Миндеромъ о 23,855 р. 83 к.; упр. по постройкѣ Закаспійск. ж. д. съ К^о „Надежда“ объ убыткахъ; Акмолинской гор. упр. о деньгахъ и способѣ постройки Бійгожина и Моисеева; Муллашева съ Юнусбаевымъ о 7,248 р. 95 к.; Върненск. гор. упр. съ Больше-Аллютинск. станцією о землѣ.

Слѣдств.: о размежеваніи дачи сельца Кадиева съ пустошамн Владимирок. уѣзда.

Частныя: Юнусъ-Баева и Муллашева о подложн. роспискѣ; Атабаева и Михела о дубликатѣ исполн. листа; о полюбовномъ размежеваніи дер. Сладневичъ; Брохиной о неправильн. дѣйствіяхъ землебра; объ отграниченіи крестьянскихъ надѣловъ дер. Заборья; мануфакт. Саввы Морозова сынъ и К^о о нанесеніи на планъ занадѣльной земли; крестьянъ дер. Зайлища о полюбовной сказкѣ; Перевощиковой о полюбовной сказкѣ; Долгово-Сабурова объ отграниченіи крестьянскихъ надѣловъ; о размежеваніи дачи села Вогоявленскаго; башкиръ дер. Старо-Угузевой и крестьянъ села Осиповки о копнѣ съ плана и межев. выписи; с. Субботова объ удостовѣреніи о количествѣ земли; Малиновскаго и Базиллинскаго о деньгахъ за межевыя работы; Трифачева и др. съ Шейнисомъ о деньгахъ; Богдановыхъ о копнѣ опредѣленія Семірѣченск. обл. суда; о продажѣ и залогѣ недвижимыхъ имуществъ: Романовскаго; Мелега; Иванова; Полковникова; наследниковъ: Голуба; Языкова; Вишнева; Флерова; Данилова; Стрелкопытовыхъ; Червесова; Толциса; Николаевича; малолѣтнихъ: Вазулинныхъ; Лекгера; Фаасъ; Тропина; Генчъ-Оглуева; Львова; Вальцовичъ; Халютинной; Галахова; Череванъ; Балабанова; Казиміра; Сурѣва.

На 8 июня, по 1 экспед. Судебн. Деп.

Апелляц.: Девроза и анонимн. общ. „Горьлка Ауэръ“; Самсонова съ Петровымъ о 3,622 р. 64 к. съ %; Коноплина и Кожевникова съ Сиб. вагоностроит. заводомъ о вознагражденіи неустойки; гр. Прушинскаго съ опекуномъ управл. кн. Долгоруковыхъ о 20,000 руб. съ %; Дзано съ Ростовск.-на-Дону отдѣл. Спб. частн. коммерч. банка объ убыткахъ; Кочена съ Чайченко и Стороженко объ убыткахъ; Конфелда съ конкурен. управл. несостоят. Вебера объ отношеніи претензій къ 1 роду и 2 разряду.

Частныя: По жалобамъ на Московск. коммерч. судъ: Теленкова; Малича; члена несостоят. торгов. дома „Е. Плотницина С-я“ (3 дѣла); конкурен. упр. Никитинныхъ; Спб. общ. взаимн. кредит. общ. взаимн. кред. Спб. уѣзди. земства и Спб. учетн. и ссудн. банка; Саратов. Акціон. общ. костеомольно-клеваренныхъ заводовъ; на Спб. коммерч. судъ: Мякишева; акціон. общ. конножелѣзныхъ дорогъ въ Спб.; Кобылина (о несостоят. Николаева); жалоба Вѣляева и Матвѣевой на Подольск. губ. правл.; прошенія: Подушкина; Дризенъ и Целебровской о перезалогѣ имѣнія.

На 7 июня, по 1 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Трубенко Спб. ст. м. с. 172 ст. у.; Безрукова Гродненск. м. с. 29 ст. у.; Бугина Ярославск. о. с. 1663 ст. у.; Гутмана Г.-Гробинск. м. с. 63 ст. у.; Айшттейна Виленск. м. с. 29 ст. у.; Бережанскаго Таращанск. м. с. 29 ст. у.; Адамека Петроковск. 3 окр. м. с. 29 ст. у.; Байковой Спб. ст. м. с. 29 ст. у.; Никифорова Р.-Вольмарск. м. с. 115 ст. у.; Парамоновой Р.-Вольмарск. м. с. 29 ст. у.; Марцинкевича Спб. ст. м. с. по обв. Зубовича по 142 ст. у.; Климовича и Даниловича Спб. ст. м. с. 180 ст. у.; Евсѣева Спб. ст. м. с. 130 ст. у.; Коркосова и др. Арханг. о. с. 1485 ст. у.; Кряжева Рост.-на-Д. м. с. 32 ст. у.; Червякова Моск. ст. м. с. 29 ст. у.; Каробищеръ Ростовск.-на-Д. м. с. 98 ст. у.; Королькова Р.-Вольмарск. м. с. 115 ст. у.; Дубкова Рязанск. о. с. 1692 ст. у.; Ватгера и Сирновъ В.-Вейсентейнск. м. с. 170 и 172 ст. у.; Витаека П.-Фелинск. м. с. 136 ст. у.; Лопатина Спб. ст. м. с. 43 ст. у.; фонъ-дербъ Рекке М.-Ваусск. м. с. по обв. Кошмана по 177 ст. у.; Си-

клена Московск. ст. м. с. 142 ст. у.; Шохина Казанск. м. с. 144 ст. у.; Савицкаго Спб. ст. м. с. 38 ст. у.; Работягова Курск. о. с. 169 ст. у.; Ангара В.-Гольдингенск. м. с. 172 ст. у.; Кресса Р.-Гапсальск. м. с. 169 ст. у.; Скрышнікова Таганрогск. м. с. 142 ст. у.; Арлыта Р.-Вольмарск. м. с. 169 ст. у.; Берке Р.-Вольмарск. м. с. 169 ст. у.; Кузнецова Нижегородск. гор. м. с. 169 ст. у.; Моченова Московск. ст. м. с. 177 ст. у.; Иванова Московск. ст. м. с. 172 ст. у.; Конова и др. Симбирск. о. с. кража; Терещенка Черниговск. о. с. 1485 ст. у.; Баса Звенигородск. м. с. кража; Михальской Одесск. гор. м. с. 38 ст. у.; Сабарова Одесск. гор. м. с. 134 ст. у.; Кванта Житомирск. м. с. 180 ст. у.; Волянда Брестъ-Литовск. м. с. 180 ст. у.; Шадловскаго Виленск. м. с. 38 ст. у.; Романыча Ушницъ м. с. по обв. Годлевскаго и др. въ кражѣ; Лешке Житомирск. м. с. кража; Сикорскаго Луцк. м. с. по обв. Дылье и др. по 142 ст. у.; Полтаракіной Поневѣжск. м. с. 177 ст. у.; Арнаута и др. Измаильск. м. с. 38 ст. у.; Волкова Спб. ст. м. с. 142 ст. у.; Жильцевой Нижегородск. гор. м. с. 44 ст. у.; Дашевой Нижегородск. гор. м. с. 44 ст. у.; Большакова Московск. ст. м. с. 38 ст. у.; Раковского В.-Валкск. м. с. 170 ст. у.; Клима Ю.-Веррогск. м. с. 180 ст. у.; Ройзена Одесск. о. с. 236 ст. у.; Кичигина Пермск. о. с. 1629 ст. у.; Ляховскаго Минск. м. с. 102 ст. у.; Заца Вердичевск. м. с. 1017 ст. у.; Козы Житомирск. м. с. 142 ст. у.; Восячкаго и др. Вр.-Литовск. м. с. 153 ст. у.; Лещука и др. Проскуровск. м. с. кража; Ройзмана Староконстантиновск. м. с. 180 ст. у.; Василія Костина Кишиневск. м. с. по обв. Пульхеріи Косинъ въ кражѣ; Кравца Уманск. м. с. кража; Офуріна Кременецк. м. с. 513 ст. у.; Малины Вердичевск. м. с. 173 ст. у.; Гладкова Слуцк. м. с. 69 ст. у.; Софронова Казанск. м. с. 31 ст. у.; п. д. инсп. въ гор. Москвѣ Московск. ст. м. с. по обв. Алексѣева и Фейгина по 34 ст. у.; Вейнара и Мартиненаса на опред. Вилкомирск. м. с.

Рапортъ воен. министра объ отмѣнѣ приговора Проскуровск. м. с. по д. фонъ-Мейера обв. по 123 ст. у.

Протестъ тов. прокур. на Слуцк. м. с. по обв. Василевича въ растратѣ.

На 8 июня, по 1 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Сулеймана-Кади-оглы Ростовск.-на-Д. м. с. 102 ст. у.; Котляръ Могилевск. м. с. 116 ст. у.; окружн. инженера Радомск. 1 окр. м. с. по обв. Витвицкаго по 29 ст. у.; Мицца Волковыск. м. с. 102 ст. у.; Киселева Таганрогск. о. с. 1347 ст. у.; Струкова Таганрогск. о. с. 1347 ст. у.; Антипова Спб. ст. м. с. 38 ст. у.; Вазарова Спб. ст. м. с. 29 ст. у.; Сангина и др. Р.-Гапсальск. м. с. наруш. правилъ объ охотѣ; Сеппа В.-Вейсентейнск. м. с. 172 ст. у.; Василіади Симферопольск. о. с.; Вытки и Хватковскаго Кишиневск. м. с.; Вондарева Кишиневск. о. с. Козакова Кишиневск. о. с.—всѣ по обв. въ наруш. акц. уст.; Шедеста Васильевск. м. с. 29 ст. у.; Варна и Огриня Р.-Вольмарск. м. с. 169 ст. у.; Рулле Р.-Вольмарск. м. с. 170 ст. у.; Тарасова Спб. ст. м. с. 169 ст. у.; Сорочкина Спб. ст. м. с. 38 ст. у.; Зиверта и др. Ю.-Веррок. м. с. 38 ст. у.; Мурашева Московск. ст. м. с. 169 ст. у.; Сайфетшина Уфимск. о. с. 172 ст. у.; Медиковыхъ и Зиничева У.-Медвѣдицк. м. с. кража; Филипова Спб. ст. м. с. 135 ст. у.; Ваннина Спб. ст. м. с. 38 ст. у.; Демкина Донец. 2 окр. м. с. 170 ст. у.; Чистякова Нижегородск. гор. м. с. по обв. Ватракова по 142 ст. у.; Гонскаго Ростовск.-на-Д. м. с. 31 ст. у.; Рѣзнікова и Шувалова Ростовск.-на-Д. м. с. 128 ст. у.; Алексѣя и др. В.-Валкск. м. с. 38 ст. у.; Долгова и Константинова Двинск. м. с. кража; Нуридинова и Халіуллина Уфимск. о. с. 170 ст. у.; Красуцкаго Житомирск. м. с. 177 ст. у.; Фрадкина Минск. м. с. 115 ст. у.; Баранчика Виленск. м. с. 115 ст. у.; Тауба Виленск. м. с. 115 ст. у.; Ляханскаго Врэдлавск. м. с. 42 ст. у.; Осиненко Одесск. гор. м. с. кража; Фельдштейна Новоградволинск. м. с. 171 ст. у.; Демянчука Новоградволинск. м. с. кража; Шейнберга Вердичевск. м. с. 31 ст. у.; Соллогуба Поневѣжск. м. с. 134 ст. у.; Янишевскаго Саврск. м. с. 142 ст. у.; Чеписовъ Вилкомирск. м. с. 142 ст. у.; Соколовскаго Черкасск. м. с. по обв. Кругляка и др.

въ оскорбленія дѣйствіемъ; Приданцевой Спб. ст. м. с. 135 ст. у.; Павлова Спб. ст. м. с. 123 ст. у.; Мелихова Уфимск. о. с. по обв. Абдулменева по 142 ст. у.; Тарасова на опред. Курск. о. с.; Свѣшницкаго и др. на постан. Житомирск. м. с.; Мартынова Хоперск. м. с. мошенничество; Пуга М.-Баусск. м. с. 38 ст. у.; Плугатыренко на опред. Харьковск. с. п.; Васильева и др. Псковск. о. с. въ кражѣ; Щербача Виден. м. с. 115 ст. у.; Дьякова Дисненск. м. с. по обв. Клотта самовольная ловля рыбы; Ольденборгеръ Одесск. о. с. 180² ст. у.; Долиповича Ямпольск. м. с. по обв. Сарнецкаго по 142 ст. у.; Безуглова Одесск. гор. м. с. 38 ст. у.; Шерехъ

на непринятіе Ломжинск. 1 окр. м. с. его касс. жалобы; Фитге на постановл. Варш. гор. м. с.; Цимбалиста Бердичевск. м. с. 110 ст. у.; Финкельштейна Слупк. м. с. 115 ст. у.; Живописцева Р.-Мозырек. м. с. 153 ст. у.; Поляка Таращанск. м. с. 113 ст. у.; Ступина на опред. Виленск. с. п.; пристава Могилевск. м. с. 110 ст. уст.; Соколова и Киленкова Воронежск. о. с. 169 ст. у.

Протесты: тов. прок. на Кишиневск. м. с. по обв. въ нарушеніи акц. уст. слѣдующихъ лицъ: Креймеровъ; Креймера; Вайницкаго; Козака.

Движеніе по Государственной службѣ.

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

По вѣдомству министерства юстиціи.

27 мая 1900 года № 41:

Назначаются: астрах. губ. предв. двор., д. с. с. Хлѣбниковъ, предс. астрах. о. с., д. с. с. Симоновъ, тов. предс. означ. о. с., с. с. Сидорскій, чл. того же о. с.: с. с. Айвазовъ и Вуйновскій, непрем. чл. астрах. губ. прис., д. с. с. Горчаковъ, дир. астрах. муж. гимн., с. с. Смольяниновъ, испр. д. астрах. губ. врач. инсп., с. с. Арустамовъ, упр. астрах. отд. Госуд. б., с. с. Тимашевъ, н. с. Вобровскій, к. а. Хлѣбниковъ, г. с. Сергѣевъ и астрах. 1-й г. к. Солинъ—поч. м. с. астрах. гор. о., на тек. съ 1 апр. 1900 г. 3-лѣтіе, съ ост. изъ нихъ первыхъ 9 въ зан. ими должн.; гродн. вице-губ., с. с. Лишинъ, чл. гродн. о. с.: с. с. Фишеръ и Фольцъ и к. с. Пвакуновъ, чл. отв. Прав. гродн. г. по крестьян. д. прис., с. с. Столяръ и уч. м. судья Рѣжниц. о., к. а. Ознобишинъ—поч. м. с. Гроднен. о., на тек. съ 1 апр. 1899 г., 3-лѣтіе, всѣ 6 съ ост. въ зан. ими должн.; бердич. у. предв. двор., отв. поруч. Миклашевскій—поч. м. с. бердич. о., на тек. съ 1 апр. 1899 г., 3-лѣтіе, съ ост. его въ зан. имъ должн.; майкоп. гор. гол., пот. поч. гражд. Ивановъ—поч. м. с. Майкоп. о., на тек., съ 1 янв. 1900 г., 3-лѣтіе, съ ост. его въ зан. имъ должн.; инсп. казалинск. гор. уч., н. с. Морозовскій и учит. завѣд. гор. учил.: чемкентск., н. с. Ковригинъ и неровскимъ, Сухановъ—поч. мир. с. о. ташкентск. о. с., на тек., съ 14 мая 1899 г., 3-лѣтіе, съ оставл. ихъ въ зан. ими должн.

Увольняется отъ должн., согл. прош., г. с. г. Корчевы, т. с. Свѣшниковъ, по случ. избр. его доб. м. с. г. Москвы со 2 мая.

По тюремному управленію.

Опредѣляется на сл., изъ отст., т. о. Воиновъ—нач. ялецк., Оренб. г., испр. арест. отд.

Умершій исключ. изъ сп., пом. Уфим. г. тюр. инсп. с. с. Кондратьевъ, съ 7 мая.

Отъ старшаго предс. Спб. суд. пал.

Назначается, мл. канд. на должн. по суд. вѣд. при спб. с. п. Леонидъ Зивертъ—пом. секр. назв. пал.—съ 21 апр. 1900 года.

П Р И К А З Ы.

По вѣдомству министерства юстиціи.

22 апрѣля 1900 года, № 14:

Причисляются къ министерству: секр. при пр. ом. с. п., г. с. Мерцъ; ст. канд. на д. по с. в.: при моск. с. п., к. с. Писаревъ и при вят. о. с., т. с. Хлопинъ—съ отк. къ испр. должн. суд. слѣд. 1—Курган. у., о. тоб. о. с. 2—2-го

уч. Вѣжецк. у., о. кашин. о. с., 3—3-го уч. Шадрин. у., о. екатеринб. о. с.

Командируются: прич. къ м. ю., ком. къ и. д. с. сл., уч. Ставропольск. у., о. ставроп. о. с.: 1-го, к. с. Лисецкій—къ испр. вновь учрежд. должн. [с. сл. по важн. д. окр. того же окр. с., 3-го, к. с. Ениколоповъ—во 2-й уч. того же у.

Назначаются: пом. арх. центр. упр. м. ю., к. а. Ивановъ и пом. дѣлопр. X кл. 2 деп. мин. ю., к. с. Усановъ; 1—жунал. юрисконс. ч., а 2—пом. арх. центр. управл. м. ю. оба—съ 1 апр. 1900 г.

Отзывается прич. къ м. ю., ком. къ и. должн. суд. сл. 2-го уч. Мамадыш. у., о. казан. о. с., т. с. Рожновскій—изъ означ. ком. согл. прош.

Увольняется отъ сл., согл. прош. прич. къ м. ю., т. с. Грамматинъ.

По губернскимъ учрежденіямъ.

Переименовываются: исп. должн. с. сл. Ставропольск. у., к. а. Михинъ и 4-го уч. того же у., н. с. Любомудровъ—испр. должн. с. сл.: 1—1-го уч., а 2—3-го уч. Ставропольск. у.

26 апрѣля 1900 года, № 15:

Причисляются: къ м. увол. Выс. прик. по гражд. вѣд. отъ 2 апр. 1800 г., за № 22, отъ должн., согл. прош. испр. должн. суд. сл.: 2-го уч. Усть-Медвѣд. о. с. с. Якубенко, 2-го уч. Майкоп. о., окр. екатеринодарск. о. с., к. с. Григорьевъ, 4-го уч. Кавказск. о., о. Теръ-Оганьянцъ-Поповъ и м. с. 1-го уч. Кузнецк. у., о. том. о. с., т. с. Штильмаркъ; изъ нихъ, съ отк. къ испр. должн. с. сл. 1—2-го уч. Карсун. у., о. симбир. о. с., 2—4-го уч. Кавказ. о., о. екатеринод. о. о. с. 3—2-го уч. Майкоп. о., о. того же о. с., всѣ четверо—со 2 апр. 1900 г.

Назначается: канц. чин. 1 деп. м. ю., к. с. Ивановъ—пом. секр. того же деп. мин., съ 1 янв. 1900 г.

По Правительствующему Сенату.

Опредѣляется на сл.: сынъ пот. двор. Волковъ—канц. л. сен. типографіи, съ 31 марта 1900 г.

24 мая 1900 года, № 40:

Назначаются: пр. вологодск. о. с., к. с. Курловъ—тов. пр. моск. с. п.; тов. пр. моск. о. с., к. с. бар. Тизенгаузенъ—пр. арханг. о. с.

Утверждаются: чл. моск. с. п. д. с. с. Побѣдоносцевъ—предс. моск. ком. с. и чл. означ. ком. с., к. с. Молчановъ—тов. предс. того же ком. с., оба согл. избр., на 6 лѣтъ, съ 9 мая 1900 г.

Переимѣняется, пр. архангельск. о. с., в. с. Горемыкинъ—прок. вологод. о. с.

Увольняется отъ сл., согл. прош., по бол., тов. прок. моск. с. п. д. с. с. Шадурткій, съ мунд., заним. имъ должн. приск.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сен. объявл., гдѣ опубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Рѣтинскимъ, Иваномъ Емельяновымъ, крест.	Кондреву, Матвѣю Глѣбову крест.	У Ливен. Пот. Башкатова 7 Дек. 1899 г. Р. IV, ст. 114.	Елецкій о. с.
Бузь-Оглы, Амберю Ивановою, вдовой, жит. въ г. Сухумѣ. Ею-же.	Топуридзе, Шамше Семёнову, двор.	У Сухумскаго Пот. Гагелашвили 7 Сент. 1899 г. за № 1057. Р. IV, ст. 115.	Мир. Судья Сухумскаго отд. Кутаисской губ.
Ею-же.	Пагава, Мелхиседеку Георгиеву, прис. пов.	У Сухумскаго Пот. Гагелашвили 21 Окт. 1899 г. за № 1236. Р. IV, ст. 116.	Мир. Судья Сухумскаго отд. Кутаисской губ.
Ею-же.	Топуридзе, Шамше Семёнову, двор.	У Сухумскаго Пот. Гагелашвили 15 Сент. 1899 г. за № 1083. Р. IV, ст. 117.	Мир. Судья Сухумскаго отд. Кутаисской губ.
Бравура, Николаемъ Львовымъ, двор.	Новосельскому, Константину Николаеву, двор.	У Моск. Пот. Эггерсъ 5 Мая 1895 г. за № 774. Р. IV, ст. 118.	Спб. о. с.
Петрашевскою, Теодорою Сигизмундовою, женою отст. ротм.	Петрашевскому, Генриху Фаустинову.	У Вилкомир. Пот. Селиверстова 10 Ноября 1898 г. за 1511. Р. IV, ст. 119.	Ковен. о. с.
Гарайнымъ, Николаемъ Федоровымъ, губ. секр.	Симонтовскому, Сергѣю Николаеву, двор.	У Чернягов. Пот. Митаревскаго 10 Марта 1900 г. Р. IV, ст. 120.	Могилевскій о. с.
Будбергъ, Софьею Павловою, баронессою.	Будбергъ, Леониду Павлову, бар.	У Вилфан. Пот. Бортфельдъ 12 Юня 1893 г. за № 402. Р. IV, ст. 121.	Тульскій о. с.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ **В. М. Гессенъ.**
Н. И. Лазаревскій.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая ул., 18.

Объявленіе.

ПАРИЖСКАЯ ГАЗЕТА

Русское ежедневное политическое и литературное изданіе съ иллюстраціями въ текствѣ.

I. Официальный отдѣлъ: Дѣйствія и распоряженія русскаго правительства. — II. Циркуляры и распоряженія по всемірной выставкѣ и по русскому отдѣлу. — III. Ежедневныя телеграммы и корреспонденціи изъ крупнѣйшихъ центровъ Европы и изъ главнѣйшихъ городовъ Россіи отъ собственныхъ корреспондентовъ. — IV. Политическое обозрѣніе. — V. Обзоры русской и иностранной печати. — VI. Хроника русской столичной и провинціальной жизни. — VII. Хроника иностранной жизни. — VIII. Судебный отдѣлъ. — IX. Театръ и музыка. — X. Фельетонъ: научное обозрѣніе, беллетристика. — XI. Всемирная выставка: описанія русскаго и иностранныхъ отдѣловъ. — XII. Спортъ. — XIII. Биржевой бюллетень. — XIV. Библиографія. — XV. Справочныя свѣденія. — XVI. Объявленія.

Отдѣльные номера въ Парижѣ по 15 сантимовъ. Подписка принимается съ 1-го и 15-го каждого мѣсяца.

Цѣна съ доставкой и пересылкой:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во всѣ города Россіи.	3 р.	8 р.	15 р.	28 р.
Во остальные города почтового союза.	7 фр.	18 фр.	35 фр.	70 фр.

Въ Парижѣ и въ Д-тѣ
Сены и Уазы. 5 фр. 13 фр. 25 фр. 50 фр.
Въ остальной Франціи. 6 „ 15 „ 30 „ 60 „
Объявленія (На 1 стр. по 5 фр. (2 р.) за строку пепита (для Россіи) (На 4 стр. по 1 фр. 50 сантим. (60 к.) стр. пет.

Подписки и объявленія принимаются:

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ПАРИЖСКОЙ ГАЗЕТЫ.

Парижъ, 18, Бульваръ Монмартръ

(Administration de la PARIJSKAYA GAZETA
Paris, 18, boulevard Montmartre);

въ отдѣленіи конторы на всемірной выставкѣ; въ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ заграницы и Россіи; въ книжныхъ магазинахъ Т-ва Вольфа, Мелье, въ Петербургѣ и Новаго Времени, въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ; въ Москвѣ: въ конторѣ Ф. Згодинскаго („Торговый Посредникъ“) Петровка д. Грачева; въ Москвѣ и Петербургѣ: въ конторѣ торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о и въ Агентствѣ Парижской Прессы Виоля; въ Одессѣ: въ книжныхъ магазинахъ Руссо, Москетти, Распопова, Штадельмайера и въ газетныхъ кіоскахъ Свистунова и Можаровскаго; въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Идзиковскаго; въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова; въ Харьковѣ: въ книжномъ магазинѣ „Южнаго Края“.

Отдѣльные номера продаются въ кіоскахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ.